

БАЛТИЙСКИЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ИММАНИЛА КАНТА

**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
2011—2021**

Научное электронное издание

Калининград
2023

КОНСОРЦИУМ «РУБЕЖИ РОССИИ»
БАЛТИЙСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ИММАНУИЛА КАНТА

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
2011—2021

Монография

Под редакцией
А. П. Клемешева, А. В. Лялиной

Научное электронное издание

Калининград
Издательство Балтийского федерального университета им. И. Канта
2023

© БФУ им. И. Канта, 2023
ISBN 978-5-9971-0816-8

Авторский коллектив

*А. П. Клемешев, В. В. Войников, Ф. Х. Соколова, Л. И. Попкова, Т. И. Герасименко,
Н. Ю. Святоха, Т. А. Терещенко, А. В. Лялина, Д. В. Житин, Л. А. Ожегова,
Г. В. Сазонова, А. А. Глушко, В. А. Денисенко, И. Н. Золотухин,
А. А. Киреев, Л. И. Рябинина*

Рецензенты

*В. Л. Мартынов, доктор географических наук, профессор,
Российский государственный педагогический университет им. И. И. Герцена;
Н. В. Воробьев, кандидат географических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук;
В. П. Жданов, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
начальник научно-организационного отдела Западного филиала РАНХиГС*

Миграционные процессы в формировании трудового потенциала приграничных регионов России: 2011—2021 : монография / под ред. А. П. Клемешева, А. В. Лялиной [Электронный ресурс] : научное электронное издание. — Калининград : Издательство БФУ им. И. Канта, 2023. — <https://publish.kantiana.ru/catalog/non-periodical/monografii/978-5-9971-0816-8/>

Представлены итоги научных исследований консорциума «Рубежи России», посвященных миграции населения в российских регионах Западного порубежья, Арктического и Тихоокеанского морского порубежья, Казахстанского, Монгольского и Китайского порубежья. Рассмотрены особенности развития миграционных процессов вдоль участков границы с разными соседними странами и их отличия от внутренних субъектов РФ в 2011—2021 гг. Выявлена роль миграционных процессов в развитии трудового потенциала приграничных регионов. Проанализированы факторы, формирующие миграционные потоки, и механизмы регулирования этих потоков.

Предназначена для специалистов в сфере стратегического и пространственного планирования, аспирантов и студентов вузов.

© БФУ им. И. Канта, 2023
ISBN 978-5-9971-0816-8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение (<i>А. П. Клемешев, А. В. Лялина</i>).....	4
Раздел 1. Основные тенденции миграции населения в российском порубежье в 2011—2021 годах (<i>А. В. Лялина</i>).....	12
Глава 1.1. Приграничные и внутренние регионы России: сходства и различия в режимах воспроизводства населения.....	13
Глава 1.2. Типология приграничных регионов России по развитию миграционных процессов.....	16
Глава 1.3. Географические особенности миграционного взаимодействия приграничных регионов России.....	18
Раздел 2. Государственное регулирование миграции трудоспособного населения в России (<i>В. В. Войников</i>).....	32
Глава 2.1. Понятие и механизмы государственной миграционной политики в РФ.....	32
Глава 2.2. Правовое регулирование внешней трудовой миграции в России.....	34
Глава 2.3. Основные принципы трудовой миграции в рамках ЕАЭС.....	41
Глава 2.4. Регулирование внутренней трудовой миграции.....	44
Раздел 3. Миграция трудоспособного населения в приграничных регионах России	50
Глава 3.1. Миграционные процессы в регионах Дальнего Востока (<i>А. А. Глушко, В. А. Денисенко, И. Н. Золотухин, А. А. Куреев, Л. И. Рябинина</i>).....	50
Глава 3.2. Миграционные процессы в Российской Арктике (<i>Ф. Х. Соколова</i>).....	93
Глава 3.3. Миграционные процессы в регионах Балтийского бассейна Западного порубежья России (<i>Д. В. Житин, А. В. Лялина</i>).....	121
Глава 3.4. Миграционные процессы в регионах Западного порубежья России с сухопутной границей (<i>Л. И. Попкова</i>).....	159
Глава 3.5. Миграционные процессы в регионах Азово-Черноморского бассейна Западного порубежья России (<i>Л. А. Ожегова, Г. В. Сазонова</i>).....	178
Глава 3.6. Миграционные процессы в регионах Казахстанского порубежья России (<i>Т. И. Герасименко, Н. Ю. Святоха, Т. А. Терещенко</i>).....	197
Заключение (<i>А. П. Клемешев, А. В. Лялина</i>).....	217
Об авторах	219

ВВЕДЕНИЕ

Демографическое развитие приграничных регионов России в 2011—2021 гг. происходило в условиях значимых общероссийских демографических трендов. Это, прежде всего, ускорение низкой рождаемости и постепенное сокращение высокой смертности до 2019 г., сменившееся всплеском в годы пандемии COVID-19, колоссальный рост демографической нагрузки на трудоспособное население, демографическое старение населения и общая депопуляция [1]. Миграционные процессы вносят свои коррективы в демографическую ситуацию в регионах, не только напрямую влияя на численность населения, но и косвенно, изменяя гендерную и возрастную, этническую и религиозную структуру населения, меняя брачные и семейные установки населения.

Как и в естественном движении населения наблюдаются существенные различия между российскими регионами, так и в миграционных процессах отсутствует единообразие, причины которого лежат в особенностях физико-географического и экономико-географического положения регионов, их истории, уровне их социально-экономического развития. Так, уровень валового регионального продукта (ВРП) на душу населения разнится — от 142 тыс. руб. в Республике Ингушетия до 5206 тыс. руб. в Ненецком АО [2] (по данным за 2020 г.), а уровень безработицы по методологии Международной организации труда (МОТ) — от 2,1 % в Ямало-Ненецком АО до 30,9 % в Республике Ингушетия [2] (по данным за 2021 г.).

Регионы российского порубежья расположены в разных климатических условиях, характеризуются разной экологической обстановкой. К числу приграничных относятся как обширнейшие по занимаемой ими площади Республика Якутия (3084 тыс. км²) и Красноярский край (2367 тыс. км²), так и весьма компактные высокоурбанизированные пространства (города Санкт-Петербург и Севастополь, Калининградская область).

В то время как 11 из 50¹ приграничных субъектов РФ имеют только морскую границу с зарубежными странами, 10 регионов, характеризуясь приморским положением, имеют еще и сухопутную границу с иностранными соседями, подавляющее большинство — 28 регионов — имеют выход только на сухопутную Государственную границу РФ. Приморское положение, как правило, дает регионам преимущества перед внутренними в социально-экономическом развитии. Здесь выше морехозяйственная активность, которая создает

¹ В работе к приграничным регионам также отнесен г. Санкт-Петербург по причине того, что он составляет единую территориальную социально-экономическую систему с Ленинградской областью.

дополнительные рабочие места, в отдельных случаях более благоприятные природно-климатические условия и экологическая обстановка, которые объясняют общую талассоаттрактивность территории, повышенная транспортная доступность. С одной стороны, это может выступать довольно сильными факторами притяжения мигрантов в 14 приморских приграничных регионах РФ, концентрирующих на своей территории сложившиеся (либо формируемые) общероссийски значимые кластеры морской активности [3]. С другой — выход к холодным морям (например, Арктическим) или расположение в зоне подтопления могут стать факторами выталкивания мигрантов. Так, в 11 приморских приграничных регионах вся приморская социально-экономическая активность разворачивается в экстремально-неблагоприятных природно-климатических условиях российского Севера (Арктическая зона и Дальний Восток России) и, в этой связи, носит «точечный», сфокусированный на ограниченном числе отраслей и производств (преимущественно сырьевых, экспортоориентированных) характер, что напрямую влияет на миграционную активность населения.

Приграничное положение может сказываться на разнонаправленном развитии миграционных процессов, которое зачастую определяется освоенностью территорий вдоль границ и градиентами их развития, геополитической ситуацией на государственной границе и степенью взаимодействия между территориями сопредельных стран, то есть функцией, которую выполняет граница, — барьерная или контактная. С одной стороны, выход к государственной границе может выступать фактором притяжения и высокой привлекательности для мигрантов как внутри страны, так и из-за рубежа. Так, благоприятное соседство стимулирует трансграничные контакты, торговлю, трудовую (миграцию фронтальеров, челночную миграцию) [4—7] и образовательную миграцию [8], что ведет к стягиванию населения в приграничные населенные пункты [9]. С другой — может и выталкивать, формируя периферийность территории.

Периферийность, которая зачастую ассоциируется с приграничным положением, характеризуется удаленностью территорий от столичного региона. Согласно известной центр-периферийной концепции, периферийные территории уступают внутренним регионам по возможностям социально-экономического развития и имеют более высокие риски экономической безопасности. И здесь российское порубежье также сильно различается. В то время как от Брянска до Москвы 350 км по прямой и 1 ч авиасообщением (4 ч ж/д транспортом), то Петропавловск-Камчатский расположен в 6770 км от столицы и 9 ч авиатранспортом. В свою очередь, Калининградская область, являясь эксклавом, оторванным от основной территории страны, в значительной степени зависит от транзита через территории сопредельных государств. Транспортная доступность в существенной степени определяет миграционную связанность российских приграничных регионов между собой и внутренними субъектами РФ.

При этом для приграничных регионов России, которые, согласно Стратегии пространственного развития Российской Федерации², полностью или частично (север Архангельской области и Красноярского края) являются геостратегическими, предъявляются особые требования к обеспечению экономической безопасности, одной из неотъемлемых составляющих которой считается обеспечение трудового потенциала регионов. И миграции населения в этом процессе в условиях демографического сжатия регионов отведена одна из важнейших ролей [10].

Данная монография продолжает цикл публикаций [11; 12] о развитии российских приграничных регионов, выполненных под эгидой созданного в 2020 г. университетского консорциума «Рубежи России». В подготовке данного тома приняли участие исследователи из университетов — участников консорциума (Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского, Дальневосточный федеральный университет, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова) и представители партнерских университетов (Курский государственный университет, Санкт-Петербургский государственный университет), расположенных в соответствующих приграничных регионах России, сотрудники отделений Российской академии наук (Институт географии РАН, Институт степи Уральского отделения РАН) и Западно-Казахстанского университета им. М. Утемисова (г. Уральск, Казахстан).

В данной монографии освещены вопросы, касающиеся основных тенденций миграции населения в российском порубежье начиная с 2011 г. (раздел 1), когда были внесены существенные поправки в учет постоянной миграции в России, и заканчивая 2021 г. — до начала Специальной военной операции России на Украине, которая не только коренным образом изменила внутренние и внешние факторы миграции населения в большинстве приграничных регионов России, но и ознаменовалась включением новых приграничных субъектов в состав РФ. Несмотря на то что представленный в монографии анализ по своей сути ретроспективен, он охватывает важнейшие изменения как во внутренней политике и уровне социально-экономического развития, так и в отношениях с сопредельными государствами, произошедшие в 2011—2021 гг. и сформировавшие условия для изменения миграционной подвижности населения российских регионов в этот период. В монографии также широко представлен анализ сложившейся в России системы регулирования миграции трудоспособного населения из-за рубежа и на внутристрановом уровне (раздел 2). Географическими объектами исследования общей миграционной ситуации в российском порубежье явились 50 приграничных субъектов РФ (по состоянию на конец 2021 г.). Их общие данные приведены в таблице 1.

² См.: *Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года* // Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/strategicheskoe_planirovanie_prostranstvennogo_razvitiya/strategiya_prostranstvennogo_razvitiya_rossiyskoy_federacii_na_period_do_2025_goda/ (дата обращения: 13.11.2022).

Таблица 1

**Общие данные о субъектах РФ, расположенных
вдоль ее государственной границы (по состоянию на конец 2021 г.)**

Субъект РФ	Федеральный округ	Площадь территории, тыс. км ²	Численность населения (по данным ВПН-2020 г.), тыс. чел.	ВРП, руб. на душу населения (2020 г.)	Уровень безработицы по методологии МОТ, %
<i>Западно-Арктическое порубежье</i>					
Мурманская область	СЗФО	144,9	668	1072,3	5,8
Ненецкий АО	СЗФО	176,8	41	5206,3	7,1
Архангельская область	СЗФО	413,1	979	514,2	6,6
Республика Карелия	СЗФО	180,5	533	522,2	6,6
<i>Балтийское порубежье</i>					
Калининградская область	СЗФО	15,1	1030	530,0	5
Ленинградская область	СЗФО	83,9	2001	661,3	3,7
Санкт-Петербург	СЗФО	1,4	5602	971,2	2
<i>Западное сухопутное порубежье</i>					
Белгородская область	ЦФО	27,1	1540	646,6	4,2
Воронежская область	ЦФО	52,2	2309	459,6	3,8
Курская область	ЦФО	30	1082	487,0	4
Смоленская область	ЦФО	49,8	888	386,3	5
Брянская область	ЦФО	34,9	1169	347,2	3,4
Псковская область	СЗФО	55,4	599	325,7	4,7
<i>Азово-Черноморское порубежье</i>					
Краснодарский край	ЮФО	75,5	5838	460,7	5
Ростовская область	ЮФО	101	4201	403,9	4
Республика Крым	ЮФО	26,1	1935	270,4	5,8
г. Севастополь	ЮФО	0,9	548	295,3	4,2

Продолжение табл. 1

Субъект РФ	Федеральный округ	Площадь территории, тыс. км ²	Численность населения (по данным ВПН-2020 г.), тыс. чел.	ВРП, руб. на душу населения (2020 г.)	Уровень безработицы по методологии МОТ, %
<i>Южное (Кавказское) порубежье</i>					
Республика Ингушетия	СКФО	3,6	510	142,2	30,9
Чеченская Республика	СКФО	15,6	1511	171,0	14,5
Республика Северная Осетия — Алания	СКФО	8	687	267,8	13,4
Карачаево-Черкесская Республика	СКФО	14,3	470	207,5	12,3
Кабардино-Балкарская Республика	СКФО	12,5	904	210,7	11,7
Республика Дагестан	СКФО	50,3	3182	239,6	15,1
Республика Калмыкия	ЮФО	74,7	267	344,9	9
<i>Казахстанское порубежье</i>					
Самарская область	ПФО	53,6	3173	505,1	3,5
Новосибирская область	СФО	177,8	2797	486,0	6,1
Тюменская область	УФО	160,1	1602	757,1	3,2
Саратовская область	ПФО	101,2	2443	358,5	4,5
Оренбургская область	ПФО	123,7	1863	539,0	4,7
Челябинская область	УФО	88,5	3431	467,5	4,9
Алтайский край	СФО	168	2164	291,2	5,5
Волгоградская область	ЮФО	112,9	2501	394,3	4,9
Астраханская область	ЮФО	49	960	527,0	7,7
Омская область	СФО	141,1	1859	398,6	6,5
Курганская область	УФО	71,5	777	294,5	7,6
Республика Алтай	СФО	92,9	211	283,5	12

Окончание табл. 1

Субъект РФ	Федеральный округ	Площадь территории, тыс. км ²	Численность населения (по данным ВПН-2020 г.), тыс. чел.	ВРП, руб. на душу населения (2020 г.)	Уровень безработицы по методологии МОТ, %
<i>Монгольское порубежье</i>					
Республика Тыва	СФО	168,6	337	251,8	15
Республика Бурятия	ДФО	351,3	979	307,6	9,5
<i>Китайское порубежье</i>					
Еврейская автономная область	ДФО	36,3	150	400,3	5,6
Амурская область	ДФО	361,9	767	571,4	5,2
Хабаровский край	ДФО	787,6	1293	658,2	3,1
Забайкальский край	ДФО	431,9	1004	402,6	9,3
Приморский край	ДФО	164,7	1845	583,0	4,2
<i>Тихоокеанское морское порубежье</i>					
Магаданская область	ДФО	462,5	136	2035,0	4,9
Сахалинская область	ДФО	87,1	467	2059,2	5,2
Камчатский край	ДФО	464,3	292	942,8	3,5
<i>Восточно-Арктическое морское порубежье</i>					
Чукотский АО	ДФО	721,5	47	2404,3	2,6
Ямало-Ненецкий АО	УФО	769,3	510	5072,5	2,1
Красноярский край	СОФ	2366,8	2857	951,6	3,6
Республика Саха (Якутия)	ДФО	3083,5	996	1168,2	6,9
<i>Всего</i>	—	7795	73 954	765	7
В процентах от РФ	—	50,2	50,2	119,4	141,5

Примечание. ВПН — Всероссийская перепись населения; ВРП — валовой региональный продукт, ЦФО — Центральный федеральный округ, СЗФО — Северо-Западный федеральный округ, ЮФО — Южный федеральный округ, СКФО — Северо-Кавказский федеральный округ, ПФО — Поволжский федеральный округ, УФО — Уральский федеральный округ, СФО — Сибирский федеральный округ, ДФО — Дальневосточный федеральный округ.

Составлено на основе: [2; 13—15].

Более глубокий анализ посвящен географии миграционного взаимодействия, факторам притяжения и выталкивания мигрантов, мерам государственного регулирования миграции и интеграции, закрепления трудоспособного населения, сдерживания и предупреждения оттока населения на примере регионов отдельных сегментов государственной границы (главы 3.1—3.6 раздела 3). Это восемь регионов Дальнего Востока (Приморский, Камчатский, Забайкальский, Хабаровский края, Амурская, Магаданская, Сахалинская области, Еврейская автономная область), Российской Арктики (Республика Коми, Мурманская, Архангельская области, Ненецкий автономный округ (АО), Ямало-Ненецкий АО, Красноярский край, Республика Саха (Якутия), Чукотский АО), Западного порубежья России (Ленинградская, Калининградская, Псковская, Воронежская, Белгородская, Курская, Брянская, Смоленская, Ростовская области, Санкт-Петербург, Республика Карелия, Республика Крым, г. Севастополь), российско-казахстанского пограничья (Самарская, Новосибирская, Тюменская, Саратовская, Оренбургская, Челябинская, Волгоградская, Астраханская, Омская, Курганская области, Алтайский край, Республика Алтай). Преимуществом коллективного труда является анализ миграционной обстановки на локальном (муниципальном) уровне.

Список литературы

1. Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Щербакова Е. М. Демографические вызовы России. Часть первая — население и пространство // Демоскоп Weekly. 2017. № 749—750. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2017/0749/tema01.php> (дата обращения: 14.11.2022).
2. Регионы России. Социально-экономические показатели 2021 : стат. сборник / Росстат. М., 2021. 1112 с.
3. Дружинин А. Г. «Опорные базы» морского порубежья России: экономическая динамика в условиях геополитической турбулентности // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 89—104. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-6.
4. Bilan Yu. Specificity of border labour migration // Transformations in Business & Economics. 2012. Vol. 11, № 2. P. 82—97.
5. Tsapenko I. P. Cross-Border Mobility: Updating the Format, Her. Russ. Acad. Sci. 2018. № 88. P. 369—378. doi: <https://doi.org/10.1134/S1019331618050088>.
6. Möller C., Alfredsson-Olsson E., Ericsson B., Overvåg K. The border as an engine for mobility and spatial integration: A study of commuting in a Swedish-Norwegian context // Norsk Geografisk Tidsskrift — Norwegian Journal of Geography. 2018. Vol. 72, № 4. P. 217—233. doi: <https://doi.org/10.1080/00291951.2018.1497698>.
7. Колосов В. А., Вендина О. И. Повседневная жизнь и миграции населения (на примере белгородско-харьковского участка границы) // Российско-Украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства / отв. ред. В. А. Колосов, О. И. Вендина. М. : Новый Хронограф, 2011. С. 162—180.
8. Hrynkevych O. Cross-border factor of educational migration of Ukrainian youth to Poland: social-economic opportunities and threats // Economic Annals — XXI. 2017. Vol. 163, № 1—2 (1). P. 26—30. doi: <https://doi.org/10.21003/ea.V163-05>.

9. Kiss É., Jankó F., Bertalan L. és Mikó E. Nyugat és Kelet határán: Sopron a belföldi migrációban, Tér és Társadalom. 2018. Vol. 32, №4. P. 151—166. doi: <https://doi.org/10.17649/TET.32.4.3070>.

10. *Демографические вызовы России* : экспертно-аналитический доклад. М. : ЦСР, 2017. 71 с.

11. *Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России*. Ч. 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья : монография / под ред. А.П. Клемешева, Я.А. Ворожейной, И.С. Гуменюка, Г.М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. 213 с.

12. *Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России*. Ч. 2: Регионы Западного и Юго-Западного порубежья России / под ред. А.П. Клемешева, Я.А. Ворожейной, И.С. Гуменюка, Г.М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2022. 159 с.

13. *Предварительные итоги Всероссийской переписи населения* // Российская газета — Федеральный выпуск. 2022. № 114 (8762).

14. *Валовой региональный продукт на душу населения* / ЕМИСС. 2022. URL: <https://fedstat.ru/indicator/42928> (дата обращения: 14.11.2022).

15. *Уровень безработицы (по методологии МОТ)* / ЕМИСС. 2022. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43062> (дата обращения: 14.11.2022).

Раздел 1

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ПОРУБЕЖЬЕ В 2011—2021 ГОДАХ

Российское порубежье достаточно активно вовлечено в процессы, формирующие миграционную обстановку в России. На его территорию приходится около половины всей валовой межрегиональной миграции и почти 60 % — международной. Особенности развития миграционных процессов в российских приграничных регионах изучаются как в контексте общих тенденций миграции населения в стране [1—4], так и применительно к отдельным субъектам Федерации (например, [5]).

Особый интерес представляют немногочисленные работы, посвященные сопоставлению приграничных регионов между собой, выявлению общих и частных особенностей развития миграционной обстановки. Исследователи отмечают, что миграции являются одним из «наиболее серьезных вызовов развитию приграничных регионов, испытывающих как миграционный отток “своего” населения в другие регионы страны и за рубеж, так и его замещение благодаря притоку трудовых мигрантов и переселенцев из ближайших регионов соседних стран» [6, с. 66]. Одной из первых работ на эту тему в современной России стал сборник трудов «Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина» под общей редакцией С. И. Пирожкова [7]. Специфика протекания миграционных процессов в российском порубежье заключается в их транзитном характере, что присуще большинству приграничных регионов России. Это означает, что «основной миграционный поток направляется не в российские приграничные регионы, а в столичные центры (Москва, Московская область, Санкт-Петербург) и нефтегазовые округа страны [6]. В работе [8], кроме того, подчеркивается, что в ряде российских приграничных регионов транзитность сопряжена с трансграничной трудовой и образовательной миграцией, функционированием трансграничного рынка труда и образовательных услуг. Сюда же можно отнести такие формы временной миграции населения, как челночная миграция, фронтальерская миграция [9; 10]. Еще одной специфической чертой приграничья является их буферность [11], под которой понимается, что российские приграничные регионы выступают в качестве «буферной зоны», «в которой осуществляется прием, первичная адаптация мигрантов, закладываются предпосылки для дальнейшей интеграции в российское общество» [11, с. 53]. А. А. Горбунова и С. Г. Максимова [12] отмечают, ввиду того что приграничные регионы России в значительной степени полиэтничны, миграция населения способна ока-

зять существенное влияние на социально-экономическую безопасность приграничных регионов, порождая определенное противостояние этнических групп за социальные и материальные блага.

В рассматриваемое в монографии десятилетие (2011—2021 гг.) условия развития миграционных процессов в стране сильно изменились вследствие как внутренних, так и внешних трансформаций, к которым можно отнести нарастание геополитической напряженности и турбулентности в глобальном контексте и в двусторонних отношениях России с сопредельными странами; рост курса национальной валюты по отношению к мировым в 2014 г.; кризисные явления в российской экономике в 2014—2015 гг., сопровождающиеся ухудшением уровня жизни населения; широкомасштабные ограничения, связанные с противодействием распространению пандемии COVID-19 в 2020—2021 гг., и их последствия в социальной и экономической жизни российского общества.

Глава 1.1. Приграничные и внутренние регионы России: сходства и различия в режимах воспроизводства населения

В 2011—2021 гг. статистика зафиксировала рост численности населения России. Приграничные регионы в 2021 г. приросли на 2,8 млн чел., или почти на 4%, по отношению к 2011 г. В то же время этот период сопряжен с вхождением в состав страны новых регионов — Республики Крым и г. Севастополя. Без учета этих территорий численность населения российского пограничья практически не изменилась в процентном соотношении за прошедшие десять лет, в абсолютных цифрах рост составил 381 тыс. чел. Очевидно, что причиной этому является не только миграционное движение населения, но и естественные процессы. Более того, данные изменения не учитывают реальное трансграничное миграционное перемещение и наличие значительного числа незарегистрированных трудовых мигрантов и переселенцев.

Режимы воспроизводства населения в приграничных и внутренних регионах России в 2011—2021 гг. были схожи: до 2013—2016 гг. отмечается рост численности населения, сменившийся в последующем ее сокращением, особенно в период пандемии COVID-19.

Для внутренних регионов в целом характерны более высокие показатели и миграционного прироста, и естественной убыли населения, чем для приграничных субъектов РФ (рис. 1.1). Роль миграционного движения населения здесь была выражена более ярко вплоть до смены режима воспроизводства в 2017 г., когда ведущее место заняла естественная убыль населения. В российском приграничье, напротив, основной движущей силой в воспроизводстве населения являлся его естественный прирост, сопровождаемый околонулевым сальдо миграции до 2018 г. Повышенная относительно внутренних субъектов РФ интенсивность валовой миграции здесь не ведет к высокой результативности миграции. Последняя значительно уступала значениям внутренних регионов России практически на всем исследуемом временном промежутке, за исключением 2020—2021 гг.

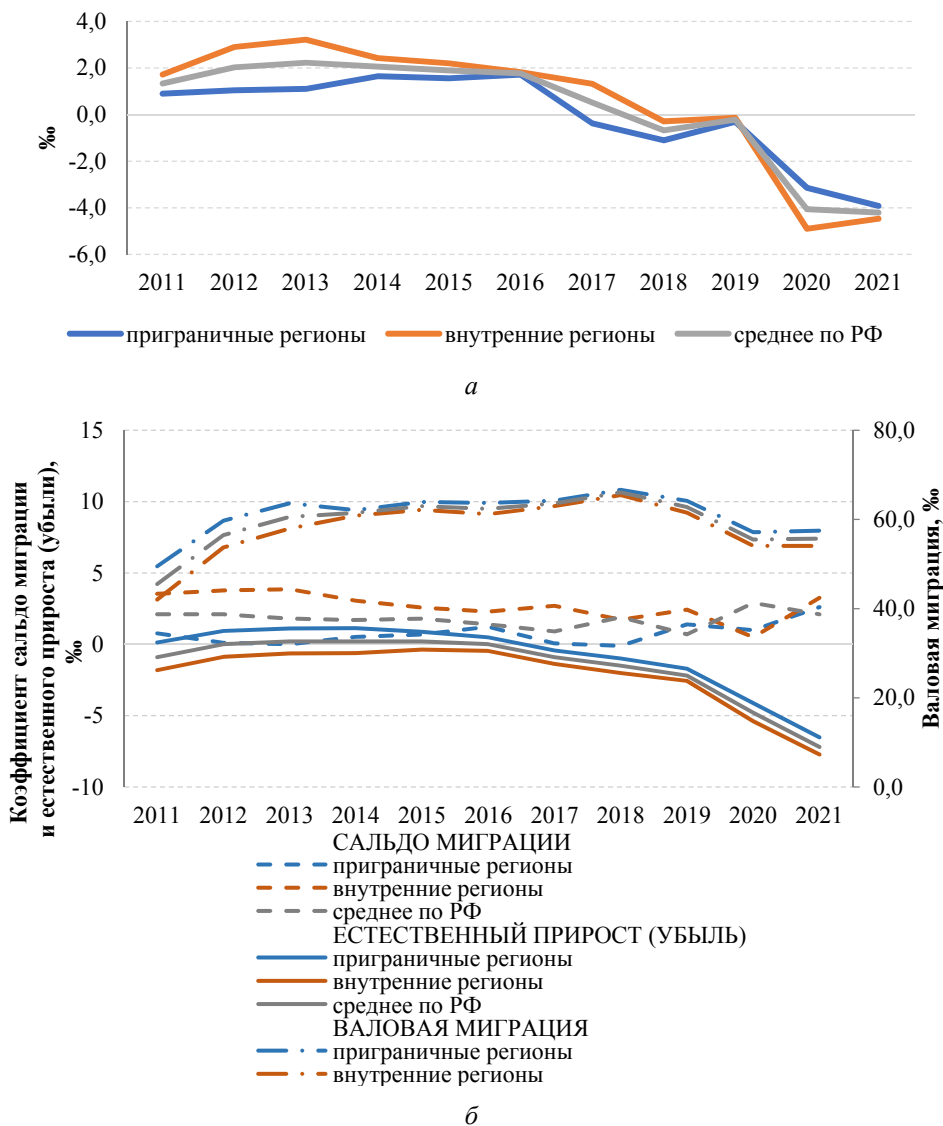

Рис. 1.1. Воспроизводство населения в приграничных и внутренних регионах России в 2011—2021 гг.:

а — общий прирост (убыль) численности населения;
 б — компоненты воспроизводства населения, валовая миграция

Источник: Число прибывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022); Число выбывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022); Естественный прирост за год / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31018> (дата обращения: 11.08.2022); Численность постоянного населения в среднем за год / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022).

Несмотря на это, растущая динамика в воспроизводстве населения в приграничных регионах, которая продлилась дольше (до 2016 г.), чем во внутренних, определялась ростом интенсивности миграционного прироста при сохраняющемся естественном приросте. Во внутренних регионах РФ рост численности населения до 2013 г. был обусловлен исключительно сокращением его естественной убыли.

Падение численности населения в субъектах РФ, начавшееся в 2017 г., было ознаменовано стремительным увеличением естественной убыли населения вследствие старения, низкой рождаемости и продолжительности жизни, усиленное последствиями пандемии COVID-19 [13]. Однако активизация миграционных процессов в приграничье в этот период сыграла позитивную роль, смягчив сокращение численности населения и обеспечив некоторые преимущества перед внутренними субъектами Федерации.

Выявленные отличия между приграничными и внутренними субъектами РФ достаточно сильно варьируются на макрорегиональном уровне. Во многом они обусловлены складывающейся геополитической и геоэкономической ситуацией по отдельным сегментам границы, уровнем связанности и взаимозависимости периферийных (приграничных) регионов с центральными (столичными) и близлежащими «ядрами» развития в России, а также зависят от оценки населением выгод и издержек приграничного положения.

Наиболее благоприятная демографическая обстановка, обусловленная замещением естественной убыли миграционным приростом, складывалась в Балтийском порубежье, а также частично в Казахстанском (Тюменская область) и Азово-Черноморском порубежье (Краснодарский край, Республика Крым, Севастополь). Несмотря на сохраняющуюся миграционную убыль в Мурманской области и Карелии, развитие демографических процессов по сегменту границы в целом соответствует позитивным тенденциям, присущим соответствующим федеральным округам.

Максимальные значения среднегодового миграционного прироста в 2011—2021 гг. фиксировались в Севастополе (27%), Ленинградской (15,7%), Калининградской (9,9%), Тюменской (9,9%) областях и Краснодарском крае (8,8%). Общий прирост численности населения в этих регионах составил от 8% в Краснодарском крае и Калининградской области до 34% в Севастополе.

Иную природу имеет рост численности населения в Кавказском порубежье, где он обусловлен высокими показателями естественного прироста, полностью компенсирующими потери от миграционного оттока, что характерно в целом для СКФО. Впрочем, миграционная убыль населения здесь остается невысокой и колеблется в пределах 2—6%. Единственным ядром притяжения мигрантов в рассматриваемом периоде выступала Ингушетия, за счет чего ей удалось еще больше нарастить численность населения региона — прирост в 2021 г. к 2011 г. составил 23%.

На всех остальных сегментах российской границы наблюдалось сокращение численности населения. Наименее ярко оно выражено в Западном сухопутном порубежье и точечно в Казахстанском (Новосибирская область) и Восточно-Арктическом (Красноярский край) порубежье, где миграционный прирост частично компенсирует естественную убыль населения. Максимальные показатели среднегодового миграционного прироста отмечались в Воронежской, Белгородской, Курской (3—4%), Новосибирской (5%) областях. Однако если в приграничных регионах СФО демографическая обстановка в целом характеризовалась более благоприятными показателями, то в ЦФО, наоборот, приграничные регионы уступали внутренним.

Отток населения в значительной степени определяет тренд на сокращение населения в приграничных регионах значительной части Арктического, Тихоокеанского, Китайского и Монгольского порубежья. Максимальные значения присущи Магаданской области и Республике Коми (–10%), где отмечается сокращение численности населения за рассматриваемый период на 10%.

Глава 1.2. Типология приграничных регионов России по развитию миграционных процессов

Миграционная обстановка в российских приграничных регионах различается довольно сильно, что обусловлено как складывающимися особенностями социально-экономического развития и внешнеэкономического взаимодействия, геополитической обстановкой на рубежах, так и историческими предпосылками и сформированными миграционными связями.

В последнее десятилетие только 11 регионов характеризовались высоким миграционным приростом в результате обмена с другими субъектами Федерации и другими странами (рис. 1.2). Они объединены в тип I — регионы, характеризующиеся высоким миграционным приростом в результате международной и межрегиональной миграции. К данному типу отнесены регионы Азово-Черноморского порубежья (Краснодарский край, Республика Крым и Севастополь) и Балтийского порубежья (Санкт-Петербург и Ленинградская область, Калининградская область), которые выступали «ядрами» притяжения мигрантов на протяжении всей постсоветской истории. Важное значение для этих регионов и Республики Ингушетия, отнесенной также к типу I, играет стягивание населения из других регионов РФ. К данному типу также отнесены черноземные регионы Западного сухопутного порубежья (Белгородская и Воронежская области) и два региона Казахстанского порубежья (Тюменская (без АО) и Новосибирская области), для которых, напротив, основное значение отводится взаимодействию с другими (чаще всего сопредельными) странами.

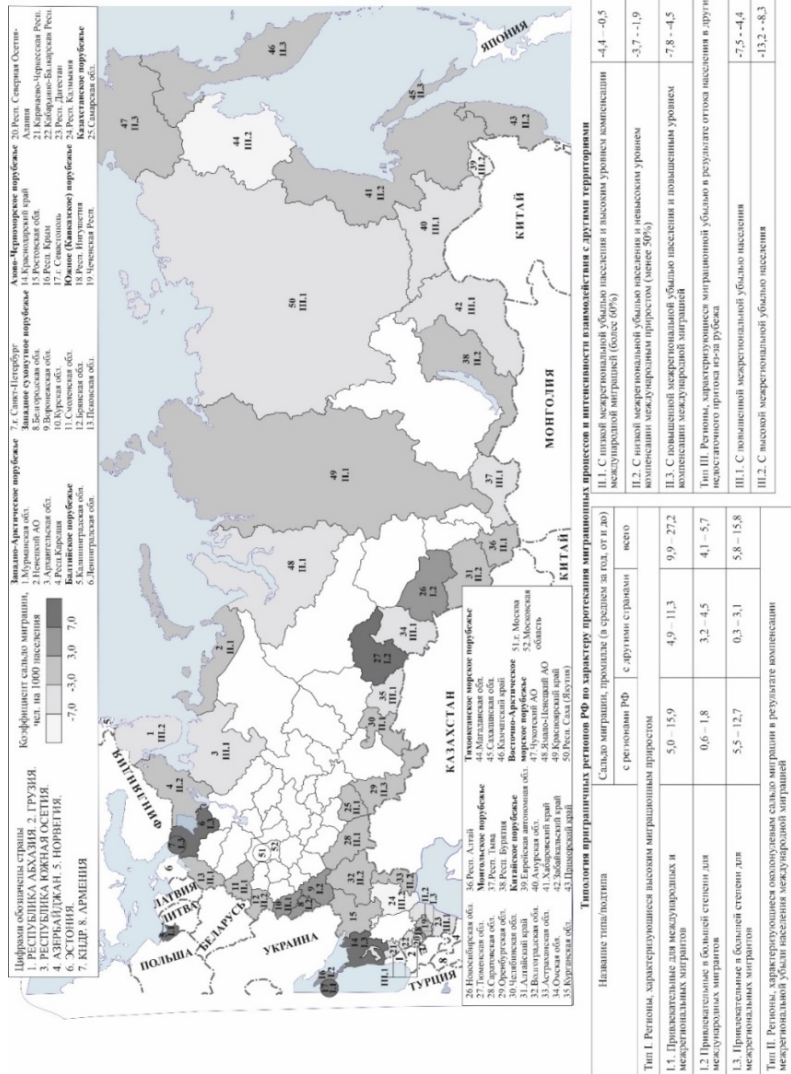

Рис. 1.2. Типология приграничных регионов России по характеру протекания миграционных процессов и интенсивности взаимодействия с другими территориями

Источники: Число прибывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022) ; Число выбывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022) ; Численность постоянного населения в среднем за год / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022).

Переходный тип регионов — тип II — объединил 24 региона с околонулевым сальдо миграции в результате компенсации оттока населения в другие субъекты РФ положительным сальдо международной миграции. Это остальные регионы Западного сухопутного порубежья (Псковская, Курская и Смоленская области), четыре региона Казахстанского порубежья (Самарская, Саратовская и Челябинская области, Республика Алтай), Ростовская область, два региона Восточно-Арктического морского порубежья (Ямало-Ненецкий АО и Красноярский край), которые объединены в подтип II.1 с полной или высокой (более 60%) компенсацией низкой межрегиональной убыли. Преимущественно эти регионы включены в миграционные процессы недостаточно активно. Исключение составляют Смоленская и Курская области, которые находятся в зоне влияния столичных регионов, стягивающих население с периферии, и в зоне активных миграционных потоков в/из сопредельных государств. А также сырьевой Ямало-Ненецкий АО, представляющий рабочие места для многих мигрантов из стран СНГ. К подтипам II.2 и II.3 отнесены регионы, где убыль населения в пределах страны компенсируется международной миграцией лишь отчасти.

Остальные 15 приграничных регионов РФ демонстрируют стабильный миграционный отток населения в результате внутристрановых перемещений. В их числе регионы Арктического порубежья (Мурманская и Архангельская области, Чукотский АО и Республика Саха (Якутия)) и Магаданская область, регионы Монгольского и Китайского порубежья (Республика Тыва, Забайкальский край, Еврейская автономная область, Амурская область), пять регионов Кавказского порубежья (Республика Северная Осетия — Алания, Дагестан, Калмыкия, Кабардино-Балкарская, Карачаево-Черкесская), два региона Казахстанского порубежья (Курганская и Омская области).

Глава 1.3. Географические особенности миграционного взаимодействия приграничных регионов России

Интенсивность миграционной убыли в другие регионы России из порубежья за последние десять лет сократилась в 3 раза (до $-0,4\%$), что сопровождалось сокращением миграционного прироста во внутренних регионах. При этом положение пограничья относительно внутренних регионов без учета Москвы и Московской области выигрывает. Здесь отмечалась растущая динамика коэффициента сальдо миграции на протяжении всего десятилетия, а не только в период пандемии (рис. 1.3).

Причина заключается прежде всего в существенном сокращении оттока населения, затронувшем практически все сегменты российского порубежья и половину приграничных регионов. Главным образом, это регионы Казахстанского и Кавказского, Китайского и Монгольского, Арктического порубежья (табл. 1.1).

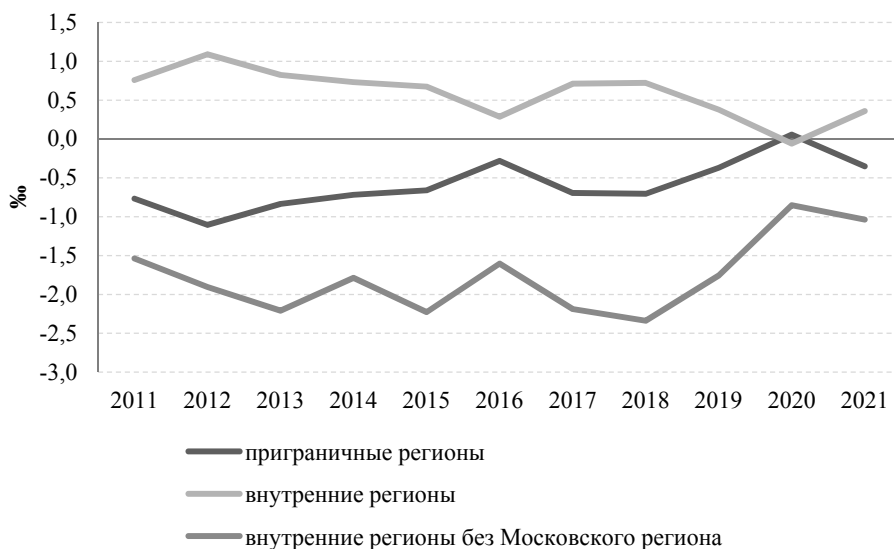

Рис. 1.3. Коэффициент сальдо межрегиональной миграции для приграничных и внутренних регионов России в 2011—2021 гг.

Источник: *Число прибывших* / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022); *Число выбывших* / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022); *Численность постоянного населения в среднем за год* / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022).

Более того, в двух регионах порубежья удалось выйти из зоны отрицательного сальдо миграции в зону хотя и низких, но положительных значений. Это Республики Алтай и Карелия.

Еще одной причиной позитивных изменений стало наращивание и сохранение высокого миграционного прироста в традиционных (Ленинградская и Калининградская области) и «новых» (г. Севастополь) центрах миграции.

В то же время следует отметить сокращение миграционного прироста в Краснодарском крае и Санкт-Петербурге, Новосибирской области и Республике Ингушетия, начавшееся задолго до пандемии COVID-19, смену миграционного прироста на убыль в Белгородской и Челябинской областях и наращивание миграционной убыли населения в Омской и Астраханской областях.

Несмотря на отмечаемое экспертами усложнение и значительную диверсификацию миграционных перемещений населения России, в межрегиональной миграции населения в последние годы преобладали следующие тренды.

**Изменение миграционной обстановки в отношении межрегионального обмена
в приграничных регионах России в 2011—2021 гг.**

Миграционная обстановка по регионам	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
<i>Улучшение (цифрой обозначено число регионов)</i>											
<i>Убыль сменялась притоком.</i> 2: Республика Карелия, Республика Алтай	-2,4	-2,5	-2,8	-1,8	-2,0	-1,3	-1,8	-1,6	-0,3	0,4	0,8
<i>Сокращение убыли.</i> 24: Архангельская, Оренбургская, Мурманская, Волгоградская, Брянская, Амурская, Смоленская, Курганская, Магаданская области, Ямало-Ненецкий АО, Алтайский край, Республика Тыва, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Северная Осетия — Алания), Чеченская Республика, Забайкальский край, Приморский край, Камчатский край, Еврейская автономная область	-166,9	-174,2	-180,8	-133,9	-127,9	-102,9	-114,0	-113,0	-83,5	-45,0	-73,5
<i>Увеличение притока.</i> 3: Калининградская, Ленинградская области, Республика Крым	20,7	16,9	17,5	19,8	17,7	22,3	29,2	47,6	45,1	39,6	41,4
<i>Без существенных изменений.</i> 13: Ненецкий АО, Псковская, Воронежская, Саратовская, Курганская, Ростовская, Самарская, Сахалинская, Тюменская области, г. Севастополь, Красноярский край, Хабаровский край, Чукотский АО	-9,1	-12,2	-21,6	-18,8	-19,8	-10,3	-20,2	-21,4	-13,7	-2,8	-8,2

В том числе: с миграционной убылью с миграционным приростом (г. Севастополь и Воронежская область)	-11,4	-13,7	-23,0	-22,7	-32,9	-21,1	-26,1	-26,8	-19,4	-12,2	-18,6
	2,3	1,5	1,4	3,9	13,2	10,7	5,9	5,4	5,8	9,5	10,4
<i>Ухудшение (цифрой обозначено число регионов)</i>											
<i>Сокращение прироста. 4: Республика Ингушетия, Новосибирская область, Краснодарский край, г. Санкт-Петербург</i>	107,0	99,0	135,3	88,4	98,3	89,8	78,1	63,3	44,9	24,7	33,6
<i>Прирост сменился убылью. 2: Челябинская, Белгородская области</i>	5,3	3,8	3,3	1,6	-3,8	-4,5	-8,2	-9,7	-4,9	-2,2	-6,9
<i>Увеличение убыли. 2: Омская, Астраханская области</i>	-9,2	-9,4	-10,3	-8,4	-11,3	-13,9	-14,8	-17,5	-15,0	-10,4	-13,1

Примечание: по Севастополю и Республике Крым приведены данные начиная с 2015 г.

Источник: Число прибывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022) ; Число выбывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022) ; Численность постоянного населения в среднем за год / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022).

Во-первых, для подавляющей части приграничных регионов РФ сохраняет важнейшее значение «западный» вектор миграционных потоков в направлении ЦФО и СЗФО, обусловленный разницей в социально-экономических и природно-климатических условиях европейской и азиатской частей страны (табл. 1.1). Наиболее интенсивная убыль населения наблюдается в Арктическом (Западном и Восточном) и Тихоокеанском морском порубежье. В этот процесс вовлечены все приграничные регионы указанных сегментов пограничья. В значительно меньшей степени миграционная убыль в западном направлении затронула Китайское, Казахстанское и Монгольское порубежье. Центростремительные силы, обуславливающие данные процессы, в значительной степени затронули и регионы Южного (Кавказского) и Западного сухопутного порубежья, Ростовскую область.

Во-вторых, миграция в европейскую часть России из азиатской, как правило, организована в несколько этапов — с транзитом через регионы Западной и Восточной Сибири [13]. Наиболее заметные потоки здесь из Китайского и Тихоокеанского порубежья в СФО. Интенсивные миграционные потоки между регионами соседних федеральных округов имеют место также и по направлению в «сырьевые», прежде всего нефте- и газодобывающие, а также золотодобывающие высокодоходные регионы (табл. 1.2). Например, расположенные на Урале Ямало-Ненецкий АО и на Дальнем Востоке Чукотский АО активно привлекают мигрантов из СФО. В значительной степени они базируются на миграционной связанности близко расположенных регионов.

Таблица 1.2

Коэффициент суммарного сальдо межрегиональной миграции приграничных регионов России по федеральным округам в 2011—2020 гг., %

Сегмент пограничья	Регион	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Западно-Арктическое порубежье	Мурманская область	-26,6	-44,9	-4,6	2,4	-0,3	0,7	2,2	1,1
	Ненецкий АО	-13,5	-17,8	-1,3	2,7	1,7	0,5	2,3	0,3
	Архангельская область	-24,9	-32,1	-5,8	0,1	-2,2	-0,4	0,3	0,3
	Республика Карелия	-4	-19	-1,4	0,6	0,8	0,5	0,9	0,7
Балтийское порубежье	Калининградская область	-0,2	3,4	1	1,9	6,2	5,5	15,9	13,1
	Ленинградская область	12,1	46,8	7,6	7,4	20,8	8,1	13,8	9,3
	г. Санкт-Петербург	8,4	12,1	6,4	5,8	15,7	8,0	11,2	8,6

Продолжение табл. 1.2

Сегмент пограничья	Регион	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
Западное сухопутное порубежье	Белгородская область	-13,6	-0,8	-1,3	0,7	2,0	5,1	4,9	7,3
	Воронежская область	-4,0	0,0	0,4	1,3	1,8	2,1	2,4	3,0
	Курская область	-21,3	-2,5	-1,1	0,3	0,8	1,2	2,2	3,0
	Смоленская область	-28,9	-7,1	-2,0	0,1	0,4	1,0	1,6	1,0
	Брянская область	-31,1	-7	-1,3	0,1	0,1	1,0	1,0	1,1
	Псковская область	-6,1	-15,6	-2,3	0,8	2,5	1,5	2,4	2,0
Азово-Черноморское порубежье	Краснодарский край	-0,2	1,7	5,1	8,2	10,2	10,7	17,5	13,1
	Ростовская область	-12,5	-2,4	-2,4	3,8	0,9	1,2	1,9	2,4
	Республика Крым	-2	0,2	-4,4	1,3	2,8	2,6	2,8	1,9
	Севастополь	13,3	8,1	37,2	4,2	10,3	7,1	8,8	7,9
Южное (Кавказское) порубежье	Республика Ингушетия	-2,2	-0,8	1	55,1	0,7	0,4	1,3	1,5
	Чеченская Республика	-4,7	-1,4	-3,3	-8,7	-2,1	-2,7	-0,1	0,1
	Республика Северная Осетия — Алания	-21,4	-8,4	-11,2	-25,4	-3,1	-1,0	-1,6	-1,1
	Карачаево-Черкесская Республика	-11	-4,4	-13	-22,5	-3,6	-2,0	-0,3	-0,2
	Кабардино-Балкарская Республика	-20,7	-9,0	-9,7	-7,0	-1,3	-0,6	-0,3	-0,3
	Республика Дагестан	-16,7	-6,2	-6,4	-6,2	-1,8	-10,1	-1,4	-0,8
	Республика Калмыкия	-35,6	-11,8	-22,6	-16,5	-1,4	-4,4	-0,3	-2,1
Казахстанское порубежье	Самарская область	-10,3	-4,5	-2,8	-0,1	6,6	2,1	1,0	0,7
	Новосибирская область	-7,7	-3,3	-3,9	-0,1	0,1	0,0	26,6	6,5
	Тюменская область	-4,8	-2,4	-2,9	0,0	2,7	61,7	6,9	1,1
	Саратовская область	-22	-6,3	-2,4	1,1	-0,2	0,2	0,9	0,8

Окончание табл. 1.2

Сегмент пограничья	Регион	ЦФО	СЗФО	ЮФО	СКФО	ПФО	УФО	СФО	ДФО
	Оренбургская область	-17,9	-9,6	-5,3	-0,8	-9,9	-7,5	-1,3	-0,1
	Челябинская область	-7,2	-4,7	-4,8	-0,4	3,1	2,0	1,7	0,7
	Алтайский край	-8,2	-5,5	-4,8	-0,9	-0,9	-3,3	-13,7	-0,8
	Волгоградская область	-21,4	-7,1	-4,5	-0,3	-1,6	-0,2	0,5	0,7
	Астраханская область	-17,9	-5,9	-9,7	3,6	-1,9	-0,7	0,1	0,2
	Омская область	-13,4	-8,5	-9,0	-1,4	-1,4	-10	-2,1	-0,2
	Курганская область	-7,7	-5,5	-4,4	-0,9	-1,7	-51,1	-6,1	-0,4
	Республика Алтай	-1,1	-1,9	-1,4	-0,3	0,1	0,2	-4,9	-3,7
Монгольское порубежье	Республика Тыва	-4,2	-3,7	-1,4	-0,3	-0,3	-0,7	-46,6	-8,2
	Республика Бурятия	-9,4	-6,0	-4,4	-0,5	-1,1	-2,1	-12	1,7
Китайское порубежье	Еврейская автономная область	-9,8	-6,4	-12,8	-2,8	-3,1	-1,8	-3,4	-54
	Амурская область	-11,4	-7,1	-11,3	-1,6	-2,1	-1,6	-3,7	-11,3
	Хабаровский край	-15,8	-13,1	-20,3	0,0	-2,4	-0,7	0,7	20,5
	Забайкальский край	-10,9	-7,4	-7,8	-1,1	-2,9	-3,1	-22,8	-13,7
	Приморский край	-10,5	-8,7	-6,8	0,2	-1,2	-0,5	0,8	1,3
Тихоокеанское морское порубежье	Магаданская область	-56,3	-30,7	-30,3	-2,7	-8,2	-3,3	-5,9	2,0
	Сахалинская область	-14	-12,4	-15,8	0,9	-0,6	-0,3	3,1	-5,0
	Камчатский край	-31	-34,7	-7,6	-16,5	-3,9	-0,5	3,3	-0,6
Восточно-Арктическое морское порубежье	Чукотский АО	-56,6	-23,9	-8,5	6,0	-3,7	-2,2	17,5	-7,5
	Ямало-Ненецкий АО	-33,9	-16,1	-15,7	15,2	-7,6	-48	8,7	0,7
	Красноярский край	-10,9	-6,3	-7,3	2,0	-0,9	-0,6	11,3	2,0
	Республика Саха (Якутия)	-18,9	-10,2	-10	-0,7	-5,3	-2,3	-15,9	-3,2

Примечание: цветом выделены значения коэффициента сальдо миграции:

более 10,0	от 7,0 до 9,9	от -9,9 до -7,0	менее -10,0
------------	---------------	-----------------	-------------

Источник: фондовые материалы Росстата, предоставленные в соответствии с официальным запросом.

Поэтому третьей особенностью протекания межрегиональных миграционных процессов в большинстве приграничных регионов является тесное миграционное взаимодействие с соседними более развитыми регионами или регионами с более благоприятными условиями для проживания в пределах федерального округа. Так, наиболее тесное взаимодействие отмечается в федеральных округах, в состав которых входят регионы, сильно отличающиеся по уровню и качеству жизни населения, и регионы с высокой миграционной привлекательностью. Примером таких миграционных взаимодействий выступают СЗФО, где население Западно-Арктического порубежья стягивается в Санкт-Петербургскую агломерацию и Калининградскую область, ЦФО, где происходит перераспределение населения по направлению Московской агломерации из Западного сухопутного порубежья, и СФО, где из числа приграничных регионов высокую миграционную привлекательность демонстрируют промышленные, наиболее экономически развитые Новосибирская область и Красноярский край. Еще в четырех округах имеется один условно локальный центр притяжения мигрантов, зачастую при отсутствии ощутимых различий в уровне жизни населения между регионами — ЮФО (г. Севастополь), СКФО (Республика Ингушетия), ДФО (Хабаровский край), УФО (Тюменская область).

В-четвертых, еще один важнейший вектор миграционных потоков внутри страны, затрагивающих российское порубежье, традиционно направлен в регионы юга России, характеризующиеся благоприятными природно-климатическими условиями. Наиболее значим данный поток для регионов Восточно-Арктического и Тихоокеанского морского порубежья и Китайского порубежья, в меньшей степени — для приграничных регионов Южного (Кавказского) порубежья.

В-пятых, миграционно привлекательные приграничные регионы в Балтийском и Азово-Черноморском порубежье стягивают население практически со всей страны. Исключение из их числа составляют только Ростовская область и Республика Крым, уступающие остальным по интенсивности межрегионального миграционного обмена с другими территориями страны.

Наконец, некоторые приграничные регионы остаются как бы в стороне от протекающих межрегиональных миграционных процессов. В их числе Воронежская область, Республики Крым и Алтай.

Международная миграция в миграционных процессах российского порубежья играет важную роль, поскольку, как отмечалось выше, она образует положительное сальдо миграции со всеми приграничными регионами РФ. При этом интенсивность сальдо миграции с зарубежными странами выше, чем среди внутренних субъектов РФ (с и без учета Московского региона) — 3,1% против 2,8% в 2021 г., а интенсивность валовой миграции с другими странами в российском порубежье превышает среднее значение по совокупности внутренних регионов на 25% (рис. 1.4).

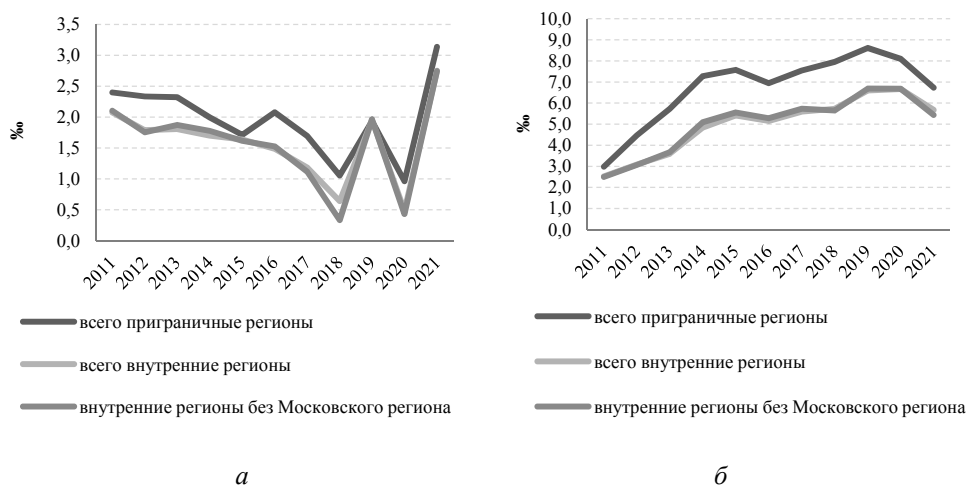

Рис. 1.4. Чистая и валовая международная миграция населения в приграничных регионах России в 2011—2021 гг.:

а — коэффициент сальдо международной миграции;
б — коэффициент валовой международной миграции

Источник: *Число прибывших* / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022); *Число выбывших* / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022); *Численность постоянного населения в среднем за год* / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022).

В целом динамика колебательного снижения интенсивности миграционного прироста (вплоть до 2020 г.) на фоне увеличения интенсивности валовой миграции свидетельствует о снижении результативности миграционных процессов вследствие турбулентности во внешнеэкономических связях с зарубежными странами, сопряженной с падением курса рубля по отношению к мировым валютам в 2014 г.

Лишь небольшая доля приграничных регионов демонстрирует высокую интенсивность сальдо миграции в обмене со странами ближнего зарубежья. Подавляющее большинство регионов характеризуется низкой интенсивностью миграционного прироста (убыли).

В целом для российского порубежья характерны следующие особенности взаимодействия с зарубежными странами.

Во-первых, интенсивный миграционный прирост в обмене с сопредельными странами и их регионами. Самым ярким примером здесь выступают приграничные регионы Западного сухопутного и Азово-Черноморского порубежья РФ, активно прирастающие за счет обмена с Украиной и/или Бела-

русью. А также регионы Казахстанского порубежья (кроме Астраханской и Волгоградской областей), демонстрирующие миграционный прирост в обмене с Казахстаном (табл. 1.3). Кроме того, отмечается повышенная относительно других приграничных субъектов РФ интенсивность сальдо миграции между сопредельными Прибалтийскими странами и Балтийским (Калининградская и Ленинградская области) и Западным сухопутным порубежьем (Псковская область), Грузией и регионами Южного (Кавказского) порубежья.

Во-вторых, в географии миграционных связей ряда приграничных субъектов РФ прослеживается трудовая составляющая, включающая потоки из Киргизии, Узбекистана, Таджикистана и Украины. Наиболее заметна она в сырьевых трудодефицитных регионах Тихоокеанского и Восточно-Арктического морского порубежья и, очевидно, в большинстве случаев не носит постоянный характер.

В-третьих, высокоинтенсивный миграционный прирост в приграничных регионах за счет обмена с территориально удаленными странами базируется на тесных миграционных связях. Так, миграционные потоки из Казахстана по направлению в Калининградскую область как конечный пункт миграции или транзитно в Германию, впервые занявшие ведущую роль в 1990-х гг., и сегодня сохраняют свою актуальность.

Миграционное взаимодействие регионов российского порубежья со странами дальнего зарубежья, по данным российской статистики, играет крайне незначительную роль. Однако, по мнению ряда ученых, эмиграция из России остается недоучтенной, о чем свидетельствует анализ объемов входящих потоков из России по основным странам назначения [4, с. 400]. Доступные данные Росстата позволяют выделить важные для приграничных регионов потоки (табл. 1.4), хотя приграничным положением обусловлены только некоторые из них. Это, прежде всего, сохраняющийся отток населения из Карелии в Финляндию, который фиксируется в течение всего рассматриваемого периода, и перманентный отток из Амурской области в Китай. Значимым остается приток мигрантов из Китая в Новосибирскую область, Приморский и Камчатский края. До 2017 г. важную роль также играло взаимодействие с КНДР, особенно в регионах ДФО, СФО и УФО. Однако после введения в действие санкций Совета Безопасности ООН 22 декабря 2017 г. все трудящиеся мигранты из КНДР были высланы обратно, что продемонстрировали данные статистики о сальдо миграции.

Иной, «не приграничный», характер имеет приток в Псковскую область мигрантов из Вьетнама и в Кабардино-Балкарскую Республику из Сирии. Эмиграция из Сирии в Кабардино-Балкарию представлена преимущественно сирийскими черкесами, прибывающими по гуманитарным соображениям.

Основные входящие потоки из КНДР, Вьетнама и Китая были обусловлены экономическими причинами, о чем свидетельствуют тематические исследования географов-обществоведов, экономистов, социологов [14—16].

**Коэффициент суммарного сальдо международной миграции регионов
российского порубежья по странам ближнего зарубежья в 2011—2020 гг., %**

Сегмент приграничья	AZE	ARM	BLR	EST	GEO	KAZ	KGZ	LVA	LTU	MDA	TJK	TKM	UKR	UZB
Западно-Арктическое по- рубжье	1,4	0,6	0,9	0,0	0,2	0,4	0,5	0,0	0,0	0,5	1,8	0,0	4,9	0,8
Балтийское порубежье	1,1	1,7	1,6	0,2	0,2	9,2	3,3	0,3	0,3	2,2	1,8	0,4	5,9	3,5
Западное сухопутное по- рубжье	0,8	2,2	2,5	0,0	0,2	1,8	1,0	0,2	0,1	1,9	1,9	0,4	12,0	2,1
Азово-Черноморское по- рубжье	0,5	1,9	0,5	0,0	0,3	1,3	0,3	0,0	0,0	0,5	0,5	0,1	27,6	1,1
Южное (Кавказское) по- рубжье	0,5	0,4	0,0	0,0	0,6	0,3	0,1	0,0	0,0	0,1	0,3	0,0	0,4	0,5
Казахстанское порубежье	1,1	1,3	0,1	0,0	0,2	5,2	1,2	0,0	0,0	0,2	2,8	0,1	1,6	2,3
Монгольское порубежье	0,2	0,2	0,2	0,0	0,0	0,1	0,6	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,2	0,4
Китайское порубежье	0,4	0,8	0,0	0,0	0,1	0,4	0,6	0,0	0,0	0,2	1,6	0,2	0,8	1,0
Тихоокеанское морское порубежье	2,1	1,6	0,3	0,0	0,0	0,7	7,1	0,0	0,0	0,6	2,2	-0,1	8,6	9,2
Восточно-Арктическое морское порубежье	1,9	1,7	0,7	0,0	0,1	3,3	4,7	0,0	0,0	0,7	4,8	-0,5	9,6	3,0

Примечание: приведены сокращенные названия стран мира в соответствии с Общероссийским классификатором стран мира: AZE — Азербайджан, ARM — Армения, BLR — Беларусь, EST — Эстония, GEO — Грузия, KAZ — Казахстан, KGZ — Киргизия, LVA — Латвия, LTU — Литва, MDA — Молдова, TJK — Таджикистан, TKM — Туркменистан, UKR — Украина, UZB — Узбекистан; цветом выделены значения коэффициента сальдо миграции:

более 10,0	от 7,0 до 9,9	от -9,9 до -7,0	менее -10,0
------------	---------------	-----------------	-------------

Источник: Число прибывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022); Число выбывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022); Численность постоянного населения в среднем за год / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022).

Таблица 1.4

**Сальдо миграции населения отдельных приграничных регионов
с некоторыми странами дальнего зарубежья в 2011—2020 гг., ‰**

Приграничный регион	Страны дальнего зарубежья	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2011—2020*
Республика Карелия	Финляндия	-0,2	-0,3	-0,3	-0,5	-0,2	-0,1	-0,2	-0,2	-0,4	-0,1	-2,7
Псковская область	Вьетнам	0,2	0,2	0,2	-0,4	0,2	0,1	0,2	-0,1	0,4	0,0	0,8
Кабардино-Балкарская Республика	Сирия	0,0	0,1	0,2	0,2	0,1	0,0	0,1	0,0	0,2	-0,1	1,0
Амурская область	Китай	0,0	0,0	0,0	н/д	0,0	-1,2	0,2	-0,4	0,3	-0,4	-1,4
	КНДР	0,0	0,0	0,0	н/д	-0,3	0,0	0,0	-0,2	0,0	0,0	-0,5
Новосибирская область	Китай	1,0	-0,1	0,0	н/д	-0,2	0,2	-0,1	0,0	0,0	0,0	0,8
	Китай	0,6	0,3	-0,2	-0,1	0,1	-0,2	-0,1	0,2	0,9	-0,5	1,1
Приморский край	КНДР	0,5	0,4	0,4	0,0	-0,1	0,0	-0,6	-0,6	-0,2	0,0	-0,2
	КНДР	0,0	0,0	0,0	н/д	0,3	0,2	0,7	-0,3	0,0	0,0	1,0
Хабаровский край	КНДР	0,1	0,6	-0,4	н/д	0,2	0,5	-0,4	-0,7	-0,1	0,0	-0,1

Примечание: н/д — нет данных, * — суммарное значение сальдо миграции за 2011—2020 гг.

Источники: Число прибывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 11.08.2022); Число выбывших / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 11.08.2022); Численность постоянного населения в среднем за год / ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31556> (дата обращения: 11.08.2022).

Обозначенные тенденции развития миграционной ситуации в приграничных регионах, специфика миграционного взаимодействия с другими регионами России и зарубежными странами актуализируют вопросы изучения их влияния на формирование и изменение трудового потенциала в российском порубежье. Обогащает ли миграционный прирост человеческий капитал ареалов притяжения мигрантов в Балтийском и Азово-Черноморском порубежье, локальных центров притяжения в других сегментах порубежья? В какой степени миграционная убыль населения обедняет человеческий капитал в китайском, казахстанском и морском порубежье? Насколько интенсивно происходит замещение трудоспособного населения в регионах мигрантами? Какие факторы играют первостепенную роль в сложившихся миграционных процессах и каково значение миграционного регулирования? Ответы на эти и другие вопросы представлены в подразделах 3.1—3.6 главы 3.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №23-77-01102, <https://rscf.ru/project/23-77-01102/>.

Список литературы

1. *Демографические вызовы России* : экспертно-аналитический доклад. М. : ЦСР, 2017. 71 с.
2. *Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В.* Внутрорегиональная миграция населения в России: пригороды выигрывают у столиц // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2021. № 1. С. 24—38. <https://doi.org/10.31857/S2587556621010076>.
3. *Mkrтчyan N., Vakulenko E.* Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle // Geo Journal. 2019. Vol. 84, № 6. P. 1549—1565.
4. *Население России 2019*: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 344 с.
5. *Волошенко К. Ю., Лялина А. В.* Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 102—128. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.
6. *Российское пограничье: вызовы соседства* / под ред. В. А. Колосова. М. : ИП Матушкина, 2018. 562 с.
7. *Миграция и пограничный режим: Беларусь, Молдова, Россия и Украина* / под ред. С. И. Пирожкова. Киев : НИПМБ, 2002. 176 с.
8. *Михель Е. А., Крутова О. С.* Миграционные процессы в зеркале трансформаций: приграничные регионы России // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2011. № 2 (14). С. 86—95.
9. *Колосов В. А.* Трансграничная регионализация и фронтальерские миграции: европейский опыт для России? // Региональные исследования. 2016. № 3 (53). С. 83—93.
10. *Российско-белорусское приграничье: двадцать лет перемен* : монография / под ред. А. П. Катровского и Ю. П. Ковалева. Смоленск : Универсум, 2012. 288 с.
11. *Омельченко Д. А., Максимова С. Г., Молодикова И. Н.* Риски международной миграции и политика интеграции в азиатском приграничье России (по данным социологического исследования в Алтайском крае) // Society and Security Insights. 2018. № 3. С. 53—76.

12. Горбунова А. А., Максимова С. Г. К вопросу об изучении этнических процессов в приграничных территориях // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 10 (144). С. 175—178.

13. *Население России 2017*: двадцать пятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С. В. Захаров ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 480 с.

14. Рязанцев С. В., Храмова М. Н. Сотрудничество России и Вьетнама в области миграции: тенденции и перспективы // Российско-вьетнамские отношения сегодня: сферы совпадения интересов. М. : ИДВ РАН, 2020. С. 143—158.

15. Вацук А. С. Трудовые мигранты из КНДР на российском Дальнем Востоке во второй половине XX — начале XXI века // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 1 (17). С. 76—80.

16. Мотрич Е. Л. Миграция в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsiya-v-demograficheskom-razvitii-rossiyskogo-dalnego-vostoka> (дата обращения: 03.11.2022).

Раздел 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МИГРАЦИИ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Глава 2.1. Понятие и механизмы государственной миграционной политики в РФ

В широком смысле миграция населения представляет собой перемещения людей, связанные с изменением места жительства. Управление миграционными потоками — одна из наиболее важных задач, стоящих перед любым государством. Каждое государство в зависимости от своих приоритетов выстраивает свою особую систему управления миграцией. При этом, как правило, основное внимание в государственной политике уделяется вопросам иммиграции, то есть регулированию вопросов въезда иностранцев с целью постоянного или временного пребывания.

Особенность миграционной политики России состоит в том, что объектом регулирования выступает как внешняя иммиграция, так и внутренняя миграция населения. Исходя из Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 гг., утвержденной Указом Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622 (далее — Концепция миграционной политики), государственная миграционная политика охватывает как внешнюю, так и внутреннюю миграцию, под которой понимается миграция внутри территории РФ. Особое внимание внутренней миграции обусловлено большой территорией РФ, диспропорцией в размещении населения, а также различными климатическими, социально-экономическими, транспортными особенностями различных регионов России. Все это непосредственно отражается на расселении населения внутри страны и оказывает существенное влияние на миграционные процессы, потоки которых устремляются в относительно экономически развитые субъекты Федерации. В этой связи наряду с миграционной политикой, направленной на регулирование межгосударственной миграции, чрезвычайно важное значение приобретает регулирование межрегиональной (внутренней) миграции [1].

Миграция может быть классифицирована по различным основаниям. По мнению Л. Л. Рыбаковского, «по целям миграция подразделяется на экономическую (трудовую и коммерческую) и учебную. Сюда же относится и миграция с целью воссоединения и создания семей, миграция в связи с отдыхом и туризмом, религиозная миграция (паломничество), миграция в связи с веде-

нием традиционного хозяйства (кочевничество)» [2, с. 151]. Помимо указанных видов, можно также выделить климатическую миграцию, а также иные виды. Однако далеко не всегда они являются предметом правового регулирования.

Вполне очевидно, что в России, как и практически в любом государстве, экономическая миграция преобладает среди остальных видов, именно по этой причине указанный вид миграции нуждается в специальном правовом регулировании.

Л. Л. Рыбаковский полагает, что «в экономической миграции выделяется два основных подвида — трудовая и коммерческая миграция. Трудовая миграция представляет собой перемещения занятого населения, связанные с переменной места работы. Коммерческая миграция связана не с продажей своего труда, а с осуществлением предпринимательской деятельности» [Там же]. В настоящее время основным видом экономической миграции выступает именно трудовая миграция, которая представляет собой перемещение людей с целью осуществления легальной оплачиваемой трудовой деятельности.

В зависимости от правового статуса мигранта и характера перемещений, с точки зрения российского права, можно выделить три вида трудовой миграции: внешняя миграция, которая предполагает перемещение через Государственную границу РФ; внутрисоюзная миграция, которая означает трансграничное перемещение лиц, являющихся гражданами государств — членов Евразийского экономического союза (ЕАЭС); внутренняя миграция, которая означает перемещение граждан РФ или государств — членов ЕАЭС внутри территории РФ. Вместе с тем необходимо отметить, что в отношении внутренних и внутрисоюзных мигрантов не применяется особый порядок реализации права на труд.

Совокупность норм, регулирующих отношения в миграционной сфере, образует миграционное право. При этом в современной науке отсутствует единый подход к месту, содержанию [3] и правовой природе миграционного права.

По мнению Т. Я. Хабриевой, миграционное право — это комплексный межотраслевой институт, регулирующий миграционные процессы и связанные с ними организационные отношения, возникающие в связи с осуществлением контроля и надзора над перемещениями мигрантов через Государственную границу РФ или в пределах территории РФ, а также статус мигранта, отношения, связанные с осуществлением государственных услуг в сфере миграции, иные взаимоотношения между мигрантами и государственными органами [4]. Иными словами, по мнению Т. Я. Хабриевой, миграционное право регулирует как внутреннюю, так и внешнюю миграцию.

По мнению М. Р. Вокуева, миграционное право — это система юридических норм, регулирующих миграционные отношения, которые возникают вследствие въезда в страну, выезда из страны, пребывания или проживания на ее территории [5]. Таким образом, в данном случае речь идет главным образом о внешней миграции.

По нашему мнению, миграционное право РФ регулирует отношения, связанные с въездом и пребыванием на территории России иностранных граждан или лиц без гражданства, то есть связанные с внешней иммиграцией. В связи с этим следует согласиться с позицией М. Р. Вокуева, согласно которой под мигрантами понимаются лица, осуществляющие перемещения и чей правовой статус изменяется в результате такого перемещения.

Более того, по нашему мнению, одним из признаков мигранта является наличие у него правового статуса, отличного от правового статуса, которым обладают граждане государства, являющегося местом проживания или пребывания мигранта. Соответственно, с позиции миграционного законодательства РФ мигрантами признаются лишь лица, не имеющие российского гражданства. При этом необходимо отметить, что в области трудовой миграции из числа мигрантов следует исключить граждан государств — членов ЕАЭС, поскольку указанные лица обладают равными правами на трудоустройство с гражданами РФ.

Глава 2.2. Правовое регулирование внешней трудовой миграции в России

В зависимости от направления перемещения внешняя миграция имеет два вида: миграция, связанная с въездом в страну, и миграция (иммиграция), связанная с выездом из страны (эмиграция).

Как правило, государственная миграционная политика направлена на регулирование иммиграционных потоков, именно этому вопросу посвящено миграционное законодательство России. Однако в последнее время в российском праве можно выявить нормы, направленные на регулирование эмиграционных потоков. В качестве примера регулирования эмиграционных потоков можно привести меры по поддержке ИТ-специалистов, которые были предприняты в соответствии с Указом Президента РФ от 02.03.2022 г. № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации». Во исполнение указа Президента для ИТ-специалистов была предусмотрена отсрочка от призыва на военную службу, а также льготная ипотека. Вполне очевидно, что цель таких мер заключалась в удержании специалистов, работающих в сфере информационных технологий, от выезда в зарубежные страны на фоне начала СВО России на Украине и введения новых пакетов экономических санкций. Следовательно, указанные законодательные меры можно квалифицировать как меры, направленные на регулирование эмиграционных потоков.

Вместе с тем основное внимание государства в рамках миграционной политики сосредоточено на упорядочивании порядка въезда и пребывания на территории России иностранных граждан.

Согласно ранее действовавшей Концепции миграционной политики до 2025 г., трудовая миграция была определена как временная миграция с целью трудоустройства и выполнения работ (оказания услуг). В настоящее время

ключевым правовым актом, регулирующим отношения в сфере внешней трудовой миграции, является Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее — Федеральный закон о правовом положении).

В соответствии со ст. 2 указанного федерального закона выделяется три различных правовых статуса иностранных граждан или апатридов (далее — иностранцы):

- временно пребывающий иностранец — лицо, приехавшее в Россию на короткий срок на основании визы или в безвизовом порядке и не имеющее вид на жительство или разрешение на временное проживание;
- временно проживающий иностранец — лицо, получившее разрешение на временное проживание;
- постоянно проживающий иностранец — лицо, получившее вид на жительство.

При этом в силу закона к иностранным работникам относятся только иностранцы, временно пребывающие на территории РФ. Это означает, что лица, получившие разрешение на временное проживание или вид на жительство, не являются иностранными работниками в смысле федерального закона.

В последние годы в России ведется работа по совершенствованию законодательства о трудовой миграции с тем, чтобы сделать трудоустройство в России более привлекательным для иммигрантов и предоставить больше возможностей для легальной иммиграции.

Действующее российское законодательство предусматривает три вида трудоустройства иностранных работников: общий, упрощенный и специальный. Общий режим трудоустройства предполагает соблюдение стандартных процедур получения необходимых разрешений и установленных квот. Упрощенный режим применяется для определенных категорий иностранных граждан. Специальный порядок применяется при проведении спортивных или иных мероприятий и регулируется отдельными правовыми актами.

Общий режим распространяется на иностранных работников, прибывших из стран, имеющих визовые отношения с Россией.

В рамках общего порядка, в соответствии с п. 4 ст. 13 Федерального закона о правовом положении, иностранные работники могут осуществлять трудовую деятельность при наличии следующих условий:

- разрешения на привлечение и использование иностранных работников для работодателя;
- разрешения на работу для иностранного работника.

Иными словами, российское законодательство требует наличия двух видов разрешений: первое — для работодателя, второе — для иностранного работника. Данное правило не распространяется на определенные категории иностранцев, перечисленные в законе.

В соответствии со ст. 18.1 Федерального закона о правовом положении Правительство РФ ежегодно определяет численность (квоту) иностранных

работников, подлежащих привлечению в РФ, в соответствии с положениями, содержащимися в Постановлении Правительства от 12.09.2013 г. № 800. Эта квота не распространяется на квалифицированных специалистов, которые могут быть приняты на работу по квалификации, согласно перечню, утвержденному Министерством труда и социальной защиты (Приказ Минтруда России от 14.02.2022 г. № 58н) (ст. 18.1 (4)).

Помимо этого, ежегодно Правительство устанавливает допустимую долю иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами РФ в определенных видах экономической деятельности. Таким образом, Правительство РФ посредством специальных мер обеспечивает регулирование внешней трудовой иммиграции с целью защиты национального рынка труда и обеспечения приоритета в трудоустройстве местных работников.

Упрощенный режим трудоустройства иностранных работников является результатом реформирования российского миграционного законодательства за последние 5—10 лет.

Существует несколько упрощенных режимов найма иностранных работников.

1. Прием на работу иностранных работников, прибывших из стран, имеющих безвизовый режим с Россией (ст. 13.3 Федерального закона о правовом положении).

Привлечение иностранных работников из безвизовых стран осуществляется при наличии у иностранца патента и без необходимости получения разрешения на привлечение и использование иностранных работников. Иностранцы, получившие патент, вправе осуществлять трудовую деятельность на основании трудового или гражданско-правового договора. При этом трудоустройство указанных граждан осуществляется без соблюдения установленной Правительством РФ квоты (квота) иностранных работников, подлежащих привлечению в Россию.

2. Трудоустройство высококвалифицированных специалистов.

Следует отметить, что в рамках российского миграционного законодательства необходимо отделять высококвалифицированных специалистов от квалифицированных, трудоустраивающихся в соответствии с перечнем профессий (специальностей, должностей), утверждаемым Министерством труда и социальной защиты (ст. 18.1 (4) Федерального закона о правовом положении).

Высококвалифицированными специалистами являются иностранцы, имеющие опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности и привлекаемые к трудовой деятельности в РФ при условии получения ими заработной платы (вознаграждения) в размерах не ниже, установленных законом.

Минимальный размер заработной платы установлен в ст. 13.2 Федерального закона о правовом положении и составляет 58—167 тыс. руб. в месяц в зависимости от сферы трудоустройства, в некоторых случаях критерий ми-

нимальной заработной платы не подлежит применению, соответственно, высококвалифицированный специалист может быть трудоустроен без учета требования к размеру заработной платы.

Режим высококвалифицированных специалистов-иммигрантов представляет собой рецепцию аналогичного режима, действующего в рамках ЕС и получившего название «механизм голубой карты ЕС».

Привлечение высококвалифицированных специалистов осуществляется без учета квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в РФ в целях осуществления трудовой деятельности, без учета квоты на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу, а также без учета допустимой доли иностранных работников, используемых в различных отраслях экономики.

Высококвалифицированные специалисты имеют некоторые привилегии.

Во-первых, льготы высококвалифицированного специалиста распространяются также на членов его семьи. Во-вторых, высококвалифицированные специалисты освобождаются от обязанности ведения миграционного учета. В-третьих, высококвалифицированные специалисты имеют право приглашать в РФ лиц, проживающих за рубежом. В-четвертых, согласно Налоговому кодексу (ст. 224), высококвалифицированные специалисты, являющиеся нерезидентами, должны платить налог на доходы физических лиц по ставке 13 % вместо 30 %.

3. Трудоустройство иностранных работников в рамках внутрикорпоративного перевода в странах — членах ВТО.

С 1 января 2014 г. иностранные граждане указанной категории получают разрешение на работу на следующих условиях:

- 1) не менее одного года лицо работало в данной иностранной коммерческой организации;
- 2) лицо направляется в качестве руководителя представительства, филиала или дочерней организации.

На данную категорию иностранных граждан не распространяется квота на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в РФ в целях осуществления трудовой деятельности и квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу. При этом общее количество иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность в представительстве иностранной коммерческой организации в РФ на основании разрешений на работу, не может превышать пяти человек, а в банковской сфере — двух человек.

4. Трудоустройство иностранных граждан, работающих у резидентов свободного порта Владивосток.

Работодатели — резиденты свободного порта Владивосток вправе привлекать иностранных работников без необходимости получения разрешения на привлечение иностранной рабочей силы и без учета квот на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в РФ в целях осуществления трудовой деятельности.

5. Трудоустройство иностранных граждан в связи с подготовкой и проведением чемпионатов по профессиональному мастерству, тренировками национальной сборной РФ по профессиональному мастерству для участия в международных соревнованиях.

В рамках указанного порядка организация, которая представляет Россию в международной организации *WorldSkills International*, вправе привлекать иностранных работников при отсутствии разрешения на привлечение и использование иностранных работников, разрешения на работу или патента, а также без учета квоты на приглашение на въезд в РФ в целях осуществления трудовой деятельности.

Кроме того, упрощенный порядок трудоустройства иностранных работников применяется в целом ряде иных случаев, указанных в ст. 13 Федерального закона о правовом положении.

Среди указанных случаев следует выделить трудоустройство участников программы добровольного переселения соотечественников, проживающих за рубежом (далее — программа добровольного переселения).

Программа добровольного переселения занимает центральное место в системе регулирования внешней миграции, ее цель заключается в содействии возвращению (переселению) соотечественников, проживающих за рубежом. Правовой основой указанной программы выступает Указ Президента РФ об утверждении программы от 22.06.2006 г. № 637, а также Федеральный закон о соотечественниках от 24.05.1999 г. № 99-ФЗ.

Программа добровольного переселения выступает одним из средств для решения демографической проблемы в стране и направлена на переселение лиц, оказавшихся после распада СССР за пределами России, но сохранивших духовную, культурную и языковую связь с исторической родиной.

Ключевая идея программы добровольного переселения заключается в предоставлении соотечественникам, желающим переселиться в Россию, особого правового статуса, который дает им возможность переехать на территорию определенного субъекта РФ вместе с членами семьи, трудоустроиться, а затем приобрести гражданство РФ. При этом государство предоставляет участникам программы добровольного переселения целый ряд льгот и компенсационных выплат, включая право беспошлинного ввоза имущества и транспорта, единовременные и ежемесячные выплаты, компенсацию транспортных расходов и т. д.

Программа добровольного переселения на сегодняшний день является единственной финансируемой за счет средств бюджета и организованной программой иммиграции в Россию. Несмотря на значительное число проблем, с которыми сталкиваются соотечественники [6], в целом программа оказалась успешной. Согласно статистическим данным, с начала действия программы и до 2021 г. в Россию вернулись более 1 млн чел.³

³ Численность и миграция населения Российской Федерации в 2021 году. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.10.2022).

Однако на сегодняшний момент в определенной степени ресурс программы добровольного переселения начинает исчерпываться.

В этой связи, во-первых, требуется корректировка самого понятия соотечественник. В ныне действующем законе это понятие слишком широкое, под ним понимаются любые лица, чьи предки проживали на территории Российского государства, СССР, Российской Федерации. Таким образом, под указанную категорию могут попасть лица, не имевшие какой-либо связи с Россией.

Во-вторых, соотечественникам, проживающим за рубежом, следует предоставить дополнительные возможности приобретения российского гражданства в упрощенном порядке, а не только в рамках программы добровольного переселения. Вполне очевидно, что не все соотечественники, желающие получить российское гражданство, намерены принять участие в программе добровольного переселения. По этой причине сам факт принадлежности иностранного гражданина или апатрида к категории соотечественника должно давать ему право получить гражданство, разрешение на временное проживание или вид на жительство в упрощенном порядке.

В-третьих, целесообразно предусмотреть в российском законодательстве специальный правовой статус для всех лиц, которые соответствуют критериям соотечественника, независимо от их намерения переселиться в Россию. Подтверждением такого статуса может стать специальный документ — карта (удостоверение) соотечественника или россиянина. Обладатели такого документа должны иметь расширенный объем прав, в том числе право безвизового въезда в РФ, упрощенный режим трудоустройства, увеличенный период пребывания на территории РФ и т. д. Таким образом, соотечественники, не имеющие российского гражданства, получают возможность укрепить связи с исторической родиной, а РФ сможет укрепить свои позиции за рубежом, оказать реальное содействие своим соотечественникам, а также сохранить общероссийскую культурную идентичность.

Как уже отмечалось выше, **специальный режим** трудоустройства иностранных работников применяется при проведении спортивных или иных мероприятий и регулируется отдельными правовыми актами.

К примеру, специальный порядок трудоустройства иностранных работников установлен Федеральным законом от 07.06.2013 г. № 108-ФЗ «О подготовке и проведении чемпионата мира по футболу FIFA 2018 года, Кубка конфедераций FIFA 2017 года, чемпионата Европы по футболу UEFA 2020 года...». Согласно указанному порядку, для организаций, участвующих в подготовке и проведении спортивных мероприятий, не требуется получение разрешения на привлечение и использование иностранных работников, а для иностранных работников не требуется получения разрешения на работу или патент.

Особенность специального режима заключается в том, что его применение носит ограниченный по времени характер и применяется в связи с проведением конкретного мероприятия.

В настоящее время МВД России подготовлен проект Федерального закона «Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства»⁴, предусматривающий отмену Федерального закона о правовом положении, Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в РФ», а также внесение изменений и дополнений в ранее изданные нормативные правовые акты, в том числе в Федеральный закон «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ». В этой связи данный законопроект можно квалифицировать как миграционный кодекс РФ, о необходимости принятия которого неоднократно высказывались российские ученые [7].

В проекте федерального закона содержится специальный раздел V, посвященный правовому регулированию внешней трудовой миграции.

Анализ законопроекта показывает, что его разработчики существенно изменили основные подходы к регулированию внешней трудовой миграции в РФ. Во-первых, согласно законопроекту, иностранный работник — это иностранный гражданин (лицо без гражданства), включенный в реестр иностранных работников и осуществляющий на основании трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) трудовую деятельность на территории РФ. Таким образом, в отличие от действующей редакции, согласно которой к категории иностранных работников не относились временно проживающие и постоянно проживающие лица, в законопроекте к иностранным работникам отнесены все категории иностранцев.

Во-вторых, законопроект устанавливает три различных миграционных режима для иностранцев: краткосрочное пребывание, в рамках которого иностранец может находиться на территории России не более 90 дней в течение календарного года; долгосрочное пребывание, позволяющее находиться более 90 календарных дней в течение года; постоянное проживание — право на постоянное проживание иностранца на территории России.

В-третьих, разработчики законопроекта изменили порядок трудоустройства иностранных работников. Согласно законопроекту, для реализации права на осуществление трудовой деятельности на территории РФ иностранный гражданин должен состоять в реестре иностранных работников, а работодатель, привлекающий иностранного работника, — в электронном реестре работодателей.

В-четвертых, предлагается существенно сократить исключения из общего порядка трудоустройства иностранных работников, при этом законопроект не предусматривает упрощенный и специальный режимы трудоустройства.

Вместе с тем предложенный вариант в текущей версии оставляет достаточно много вопросов, в частности не ясно, каким образом будет оформлять-

⁴ *Об условиях въезда (выезда) и пребывания (проживания) в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства* : проект федер. закона (подготовлен МВД России 08.07.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ся трудоустройство лиц, не подпадающих под общий порядок трудоустройства (участники программы добровольного переселения и т. д.), как будет решаться вопрос с выдачей документов в рамках предложенных миграционных режимов и т. д.

Глава 2.3. Основные принципы трудовой миграции в рамках ЕАЭС

Внутрисоюзная трудовая миграция выступает одним из элементов внутреннего рынка Евразийского экономического союза.

Базовые принципы трудоустройства определены в п. 1 и 2 ст. 97 Договора о ЕАЭС⁵ (далее — ДЕАЭС, учредительный договор).

Согласно ст. 97 учредительного договора, работодатели и (или) заказчики работ (услуг) государства-члена вправе привлекать к осуществлению трудовой деятельности трудящихся государств-членов без учета ограничений по защите национального рынка труда и без необходимости получения разрешения на работу. Это означает, что трудовая деятельность гражданина другого государства-члена осуществляется на тех же самых условиях, что и трудовая деятельность гражданина государства, где осуществляется трудоустройство. Государства-члены обязаны устранить все ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, кроме тех, которые разрешены учредительным договором.

Основная идея свободы передвижения рабочей силы в рамках ЕАЭС состоит в развитии конкуренции на едином рынке труда как среди работодателей за специалистов, так и среди работников за более привлекательные условия труда, что является дополнительным стимулом для развития экономики.

Ключевым понятием в рамках указанной сферы является дефиниция «трудящийся государства — члена ЕАЭС», под которым понимается гражданин государства — члена ЕАЭС, законно находящийся и законно осуществляющий трудовую деятельность на территории государства — члена ЕАЭС, гражданином которого он не является и в котором постоянно не проживает.

При этом, согласно договору, к трудовой деятельности отнесена не только работа по найму, то есть по трудовому договору, но и деятельность по выполнению работ на основании договора гражданско-правового характера (ГПХ).

Таким образом, трудящийся государства-члена должен отвечать следующим требованиям:

- 1) обладать гражданством одного из государств-членов;
- 2) не являться гражданином государства трудоустройства;
- 3) законно находиться на территории государства трудоустройства;

⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4) на законном основании осуществлять на территории государства-члена трудоустройства деятельность по выполнению работ или оказанию услуг на основании трудового договора или договора ГПХ;

5) получать вознаграждение за осуществление своей деятельности.

Исходя из текста учредительного договора, политика в области трудовой миграции реализуется по трем направлениям:

1) сотрудничество государств-членов в области трудовой миграции;

2) порядок осуществления трудовой деятельности в другой стране — члене ЕАЭС;

3) определение правового статуса трудящегося государства-члена.

Сфера трудовой миграции относится к совместной компетенции ЕАЭС и государств-членов. На уровне ЕАЭС устанавливаются базовые принципы, в соответствии с которыми должно развиваться национальное законодательство.

При этом, исходя из ст. 96 ДЕАЭС, государства-члены должны осуществлять тесное сотрудничество друг с другом по целому ряду вопросов, касающихся трудовой миграции. Целью такого сотрудничества является согласование общих подходов к законодательной и правоприменительной деятельности.

Как уже отмечалось выше, государства-члены не вправе устанавливать или применять ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных Договором. При этом понятие «ограничения» может распространяться на меры, которые затрудняют или удерживают граждан государств — членов Союза от реализации своего права на осуществление трудовой деятельности в ином государстве-члене.

Анализ п. 1 ст. 97 ДЕАЭС позволяет сделать вывод о том, что указанная норма создает права как у трудящихся, так и у работодателей, поскольку снимает действующие ограничения не только на трудоустройство, но и на привлечение рабочей силы, субъектом которой выступают работодатели.

Указанные положения ст. 97 ДЕАЭС были истолкованы Судом Союза в консультативном заключении по заявлению Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) в рамках дела о профессиональных спортсменах 2018 г.⁶

Поводом послужили результаты мониторинга соблюдения права Союза, по результатам которого установлено, что в ряде стран ЕАЭС существуют количественные ограничения по участию в спортивных мероприятиях профессиональных спортсменов в зависимости от их гражданства, которые распространяются в том числе и на граждан государств-членов.

⁶ *О разъяснении* применения пункта 2 статьи 97 Договора о ЕАЭС в отношении осуществления трудовой деятельности профессиональными спортсменами, являющимися гражданами государств — членов ЕАЭС, и возможности установления в национальном законодательстве количественных ограничений к данной категории лиц при осуществлении трудовой деятельности : консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 07.12.2018. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Суд пришел к выводу, что п. 1 и 2 ст. 97 Договора наделяют работодателей правами, являются достаточно четкими и ясными, не требуют имплементации в национальное законодательство, соответственно, позволяют констатировать наличие у них свойств прямого действия и непосредственного применения [8].

Кроме того, Суд установил, что указанные нормы также предполагают запрет количественных ограничений в отношении участия профессиональных спортсменов в спортивных мероприятиях. Надо сказать, что в этом деле Суд во многом опирался на судебную практику ЕС [9], однако по праву рассматривается в качестве одного из опорных прецедентов, развивающих свойства права ЕАЭС.

Договор предусматривает исключения из свободы передвижения трудящихся. В силу п. 2 ст. 97 ДЕАЭС государства-члены могут применять ограничения, установленные самим Договором, а также национальным законодательством, в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка. Кроме того, особый порядок трудоустройства и признания документов об образовании применяется в педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической сферах.

Таким образом, государства-члены обладают достаточно широкой дискрецией в определении мер национальной безопасности и общественного порядка, а также отраслей экономики, имеющих стратегическое значение. Вместе с тем государственные меры должны быть пропорциональны, то есть соответствовать обозначенным целям и предусматривать лишь то, что необходимо для их достижения.

Помимо режима трудовой миграции, в рамках ЕАЭС следует выделять также режим свободного передвижения трудящихся внутри Союзного государства России и Беларуси⁷. Иными словами, в России действует два параллельных режима свободной трудовой миграции: в рамках ЕАЭС и Союзного государства.

По мнению Р.Ш. Давлетгильдеева и О.В. Сычевой, в настоящее время существует «дисбаланс между объемом прав граждан Республики Казахстан, Республики Армения, Кыргызской Республики, с одной стороны, и граждан РФ и Беларуси — с другой, поскольку у последних установлен национальный режим в оплате труда, режиме рабочего времени и времени отдыха, охране и условиях труда и других вопросах трудовых отношений... чего нет у граждан Казахстана, Армении и Кыргызстана» [10, с. 152].

Таким образом, внутрисоюзная миграция включает в себя как трудовую миграцию в рамках Союзного государства России и Беларуси, так и трудовую миграцию в рамках ЕАЭС.

⁷ *О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий* : решение Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22.06.1996 г. №4 // Российская газета. 14.02.1998. № 29.

Глава 2.4. Регулирование внутренней трудовой миграции

В соответствии с п. 21 Концепции миграционной политики задачами миграционной политики является в том числе создание условий для снижения диспропорции в размещении населения и решения задач пространственного развития страны.

Указанная задача заключается в том, чтобы предотвратить отток населения из определенных регионов России (главным образом Дальнего Востока), а также обеспечить пропорциональное распределение населения между крупными городскими агломерациями и небольшими населенными пунктами.

В рамках миграционной политики указанная задача решается различными способами, ключевую роль среди которых играет управление внутренней миграцией.

В силу п. 25 Концепции миграционной политики основными направлениями миграционной политики в области создания условий для снижения диспропорции в размещении населения и решения задач пространственного развития РФ являются:

а) учет задач по созданию благоприятных условий для внутренней миграции, снижению диспропорции в размещении населения (включая обеспечение транспортной связанности регионов, формирование рынка доступного жилья) и удовлетворению экономических, социальных, образовательных, профессиональных и культурных потребностей граждан при выработке стратегии развития регионов РФ, распределения финансовых средств и отбора проектов в сфере создания и модернизации объектов жилищной, медицинской, образовательной, транспортной и иной инфраструктуры;

б) развитие инструментов государственной политики в области занятости населения;

в) обеспечение полноты, качества и доступности сведений о возможностях трудоустройства на территории РФ.

Необходимо отметить, что проблема управления внутренней миграцией актуальна далеко не для всех стран, а лишь для тех, где существует диспропорция населения, характеризующаяся не просто низкой плотностью населения в ряде регионов, а именно нехваткой населения в одних регионах и избытком в других. В России существуют регионы с низкой плотностью населения, но располагающие производственными предприятиями, испытывающими нехватку рабочих рук.

В настоящий момент в рамках государственной политики в области внутренней миграции можно выделить целый ряд мероприятий, целью которых является управление миграционными потоками, с тем, чтобы сделать более привлекательными те регионы и местности, где наблюдается отток населения.

Среди мер, направленных на стимулирование внутренней миграции, следует выделить меры по стимулированию притока населения в Дальневосточный регион.

После распада СССР население Дальневосточного региона начало сокращаться, в том числе за счет оттока в западные регионы страны. В этой связи миграционная политика государства направлена на ликвидацию причин оттока населения и повышение привлекательности указанного региона для миграции.

В последние годы государство уделяет особое внимание указанному региону, свидетельством чего служит, в частности, создание в 2012 г. Министрства РФ по развитию Дальнего Востока, позднее переименованного в Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики.

В рамках государственной политики по повышению привлекательности Дальневосточного региона разработан целый ряд мер, среди которых субсидирование авиаперевозок, программы «Дальневосточная ипотека» и «Дальневосточный гектар».

Государственная программа субсидирования авиаперевозок предусматривает, во-первых, введение специальных тарифов для авиаперевозок по конкретным маршрутам для определенных категорий граждан и, во-вторых, выделение субсидий авиакомпаниям на возмещение недополученных доходов от осуществления воздушных перевозок населения по специальному тарифу.

Впервые данная программа была предусмотрена для стимулирования перевозок пассажиров с Дальнего Востока в европейскую часть страны⁸, однако затем распространена в отношении других регионов (Калининградская область, Крым)⁹. При этом в отношении Калининградской области и Крыма она напрямую не направлена на управление внутренней миграцией, поскольку в указанных регионах не наблюдается оттока населения. Таким образом, программа субсидирования авиаперевозок приобрела комплексный характер, поскольку решает целый ряд задач, не только связанных с управлением миграционными потоками, в том числе развитие туризма, обеспечение доступности воздушных перевозок в условиях ограничений на сухопутное сообщение и т. д. Касательно Дальневосточного региона программа субсидирования авиаперевозок направлена на устранение одной из причин оттока населения, связанной с удаленностью региона от центральных регионов России и как следствие — дороговизной транспортного сообщения.

⁸ *Об утверждении* Типовой региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов : приказ Минтруда России от 04.06.2015 г. № 343н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ *Об утверждении* Правил предоставления субсидий из федерального бюджета организациям воздушного транспорта в целях обеспечения доступности воздушных перевозок населению и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 02.03.2018 г. № 215. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В России в 2019 г. была запущена программа льготного кредитования «Дальневосточная ипотека»¹⁰, которая предполагает выдачу кредитов под 2% годовых на приобретение или строительство жилья в ДФО. При этом максимальная сумма кредита составляет 6 млн руб., а срок — не более 242 месяцев.

Данная программа направлена на развитие местного строительного рынка и повышение привлекательности указанного региона для приобретения жилья путем снижения издержек на его покупку или строительство.

В рамках решения той же задачи Правительством РФ была инициирована программа «Дальневосточный гектар», согласно которой граждане РФ, независимо от материального положения [11], а также участники программы добровольного переселения получили право безвозмездно в упрощенном порядке получить земельный участок в ДФО площадью 1 га для освоения, поселения и предпринимательской деятельности¹¹. Впоследствии указанная программа была распространена на другие субъекты РФ, находящиеся на Севере и в Сибири¹². Помимо этого, Правительство РФ в 2021 г. запустило программу «Дальневосточный квартал», которая предусматривает реализацию поддержки проектов комплексной застройки в Амурской области и на Камчатке¹³.

В целом описанные выше меры в отношении регионов Дальнего Востока направлены не только на решение проблем демографического характера, но и на ускорение экономического развития территории [12], а также решение проблемы национальной безопасности Дальнего Востока [13]. Таким образом, указанные меры имеют комплексный характер.

Помимо регионов Сибири, Дальнего Востока и Крайнего Севера в сфере внимания государственной миграционной политики находятся малые города и сельские поселения. В данном случае цель миграционной политики заклю-

¹⁰ *Об утверждении* условий программы «Дальневосточная и арктическая ипотека»: постановление Правительства РФ от 07.12.2019 г. № 1609. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ *Об особенностях* предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных в Арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации: федер. закон от 01.05.2016 г. № 119-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² *О внесении* изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа»: федер. закон от 28.06.2021 г. № 226-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ *О внесении* изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 21.08.2015 г. № 879: постановление Правительства РФ от 09.05.2022 г. № 842; *О внесении* изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 28.09.2015 г. № 899: постановление Правительства РФ от 09.05.2022 г. № 843. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чается в стимулировании квалифицированных специалистов переезжать в населенные пункты с небольшой численностью населения, которые испытывают нехватку работников социальной и иной сферы. Для решения указанной проблемы разработаны программы «Земский доктор»¹⁴, «Земский фельдшер»¹⁵ и «Земский учитель»¹⁶.

Основная идея указанных программ заключается в специальной единовременной выплате учителям, докторам, фельдшерам и иным медицинским работникам, прибывшим (переехавшим) на работу в сельские населенные пункты, рабочие поселки, поселки городского типа либо города с населением до 50 тыс. чел. Размер выплаты зависит от региона и составляет от 500 тыс. до 2 млн руб.

Особое место в области регулирования внутренней миграции занимает программа повышения мобильности трудовых ресурсов, направленная на оказание содействия в перераспределении работников из трудоизбыточных регионов в трудонедостаточные. В качестве правовой основы программы повышения мобильности трудовых ресурсов выступают положения Федерального закона о занятости от 22.12.2014 г. №425-ФЗ, а также ведомственные правовые акты¹⁷. В отличие от программ «Земский доктор» и «Земский учитель» данная программа, во-первых, распространяется на любые специальности, во-вторых, имеет ограниченную территориальную сферу применения, поскольку лишь некоторые российские регионы принимают в ней участие.

Механизм указанной программы состоит в том, что любой специалист, потерявший работу, получает содействие в переезде в другой регион, в котором испытывается потребность в определенных группах специалистов. В этом случае новый работодатель компенсирует работнику затраты на проезд, наем жилья, а также выплачивает единовременную выплату. Все указанные выплаты затем подлежат компенсации со стороны государства.

Особенность программ «Земский доктор», «Земский фельдшер», «Земский учитель» и программы повышения мобильности трудовых ресурсов заключается в том, что они направлены главным образом на регулирование внутренней трудовой миграции, то есть перераспределение внутри страны трудовых ресурсов.

¹⁴ *Об утверждении* государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения»: постановление Правительства РФ от 26.12.2017 г. № 1640. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Там же.

¹⁶ *О внесении изменений* в государственную программу Российской Федерации «Развитие образования»: постановление Правительства РФ от 09.11.2019 г. № 1430. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁷ *Об утверждении* Типовой региональной программы повышения мобильности трудовых ресурсов: приказ Минтруда России от 04.06.2015 г. № 343н. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Таким образом, в рамках государственной миграционной политики отчетливо выделяется компонент, направленный на регулирование внутренних миграционных потоков, в котором можно выделить два основных направления:

1) предотвращение оттока населения из отдаленных и труднодоступных регионов страны (Дальневосточный гектар, Дальневосточная ипотека, программа субсидирования авиаперевозок);

2) перераспределение трудовых ресурсов внутри страны (программы «Земский доктор», «Земский учитель» и повышения мобильности трудовых ресурсов).

Правовые акты в области внутренней миграции приняты в рамках реализации государственной миграционной политики, однако, по нашему мнению, их нельзя отнести к миграционному праву РФ, поскольку в результате перемещения внутреннего мигранта из одного региона в другой его правовой статус не подлежит изменению. Иными словами, законодательство РФ обеспечивает предоставление такому гражданину определенных льгот, но не предусматривает изменение его правового статуса.

Подводя итог, следует отметить, что государственная миграционная политика в той или иной степени охватывает различные виды трудовой миграции, однако правовые нормы, регулирующие отношения, касающиеся отдельных видов миграции, содержатся в различных отраслях или даже системах права. К примеру, внешняя миграция регулируется, главным образом, нормами миграционного права, внутрисоюзная миграция — нормами права ЕАЭС, Союзного государства и отдельных отраслей национального права, а регулирование внутренней миграции осуществляется преимущественно подзаконными актами, нормами регионального законодательства либо нормами мягкого права.

Список литературы

1. *Якшибаева Г. В.* Планово-рыночные механизмы регулирования внутренней трудовой миграции в России // Проблемы современной экономики. 2018. №2 (66). С. 79—81.
2. *Архангельский В. Н., Иванова А. Е., Рыбаковский Л. Л., Рязанцев С. В.* Практическая демография / под ред. Л. Л. Рыбаковского. М. : ЦСП, 2005. С. 151.
3. *Жеребцов А. Н., Малышев Е. А.* Миграционное право в системе административного права Российской Федерации: место и значение // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. №4. С. 81—90.
4. *Хабриева Т. Я.* Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права. 2007. №11. С. 3—16.
5. *Вокув М. Р.* Миграционное право современной России: теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
6. *Гаева А. С.* Проблемы реализации программы по оказанию содействия добровольному переселению соотечественников в Россию // Постсоветский материк. 2020. №3 (27). С. 20—32.

7. Степанов А. В. Миграционное право как новое структурное формирование в системе права Российской Федерации: за и против (анализ точек зрения) // Административное право и процесс. 2014. № 11. С. 32—35.

8. Энтин К., Дьяченко Е. Обзор практики Суда Евразийского экономического союза в 2018 году // Международное правосудие. 2019. № 1 (29). С. 3—22.

9. Pirker B., Entin K. Bosman's Second Life? The Eurasian Economic Union Court and the Free Movement of Professional Athletes // Forthcoming in Legal Issues of Economic Integration. 2019. March 4.

10. Давлетгильдеев Р. Ш., Сычева О. В. Международно-правовое сотрудничество в области трудовой миграции: ЕврАзЭС к Евразийскому экономическому союзу // Журнал российского права. 2015. № 6 (222). С. 143—153.

11. Вронская М. В., Кривцова К. Е. Правовой режим «дальневосточного гектара»: актуальные проблемы его регламентации и реализации // Административное и муниципальное право. 2018. № 11. С. 1—10.

12. Гладкий Ю. Н. Дальневосточный гектар: благая идея при завышенных ожиданиях // Социально-экономическая география. 2017. № 1 (7). С. 115—124.

13. Грибков А. М., Ивлиева Е. А. Перспектива развития программы «дальневосточный гектар» // Интернет как реальность. 2017. С. 67—69.

Раздел 3

МИГРАЦИЯ ТРУДОСПОСОБНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ РОССИИ

Глава 3.1. Миграционные процессы в регионах Дальнего Востока

Историческая динамика миграционных процессов на российском Дальнем Востоке

В настоящее время под российским Дальним Востоком (РДВ) обычно понимается территория ДФО, в состав которого входят 11 субъектов Федерации — Амурская, Магаданская и Сахалинская области, Забайкальский, Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Республики Бурятия и Саха (Якутия), Еврейская автономная область (ЕАО) и Чукотский АО. Однако в своих нынешних границах ДФО существует только с 2018 г., ранее границы различных административных образований, отождествлявшихся с Дальним Востоком (начиная с созданного в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства), неоднократно изменялись. Наиболее крупные из этих изменений касались западной, сухопутной части их рубежей. В том числе по этой причине в исторической ретроспективе географическое содержание понятия «российский Дальний Восток» остается предметом дискуссий. В рамках данной главы под РДВ будет пониматься территория ДФО в границах 2018 г. за исключением Бурятии и Якутии¹⁸.

Начавшееся в 1630-е гг. освоение Россией территории Дальнего Востока с северного Забайкалья вплоть до середины XIX в. происходило достаточно ограниченно. И только во второй половине XIX в., в ходе подготовки присоединения к России Приамурья и Приморья, наметилось оживление миграции на Дальний Восток. Авангардом колонизации, решавшей в первую очередь военно-оборонительные задачи, стали солдаты и казаки, переселявшиеся на новые земли, присоединенные к России по Айгуньскому (1858 г.) и Пекинскому (1860 г.) договорам с Китаем [1]. Эти миграционные процессы сопровождались также переселением жителей сопредельных стран, прежде всего из Китая и Кореи, в южную часть Дальнего Востока [2; 3]. В 1880—1910-е гг. миграция на РДВ сохранила свой преимущественно государственно-организованный характер, но принудительные ее формы в основном уступили место добровольным, направленным на решение проблем социально-экономического развития земель РДВ и их сельскохозяйственного освоения [1].

¹⁸ Миграционные процессы на территориях этих двух субъектов Федерации будут рассмотрены в других главах.

События Первой мировой, двух революций и Гражданской войны прервали длительный период положительного сальдо миграционного обмена РДВ. В эти годы миграционные процессы ограничивались в основном вывозом на запад мобилизованных на РДВ военнослужащих и ввозом военнопленных, а в последующем — беженцев и вынужденных переселенцев, которые затем покинули территорию РДВ и эмигрировали в другие страны.

Возобновление крестьянского переселения на РДВ в 1923—1941 гг. и очередная волна мигрантов из Китая и Кореи [3; 4] прервались с началом Великой Отечественной войны, когда в результате сворачивания государственного переселения и одновременной переброски на запад массы военнослужащих миграционное сальдо РДВ стало отрицательным [5].

Первое десятилетие после окончания войны характеризовалось стремительным подъемом миграционного движения на Дальний Восток. Главным его фактором была государственная политика освоения РДВ, ядром которой оставался приоритет укрепления обороноспособности страны. Важнейшими источниками входящей миграции являлись демобилизация дальневосточников, оргнаборы рабочих, плановое сельскохозяйственное переселение, а также перемещения военнопленных, заключенных и спецпоселенцев [6]. Государственно-организованная миграция в макрорегион продолжала преобладать, хотя доля стихийных передвижений граждан заметно выросла на фоне материального стимулирования миграционного притока (надбавки к зарплатам и жилищное строительство) [5; 7].

Во второй половине 1950-х гг. РДВ вступил в период отрицательного сальдо миграции, обусловленного значительным усилением миграционного оттока, главным образом по причине реформирования тоталитарного режима в СССР, его авторитарной трансформации. Проявлениями этой трансформации в макрорегионе стали масштабные сокращения армии и флота, демонтаж системы исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений, децентрализация и некоторая либерализация социально-экономических и, в частности, трудовых отношений. Фактором увеличения оттока населения РДВ на запад было также завершение восстановления хозяйства европейской части страны. Относительное снижение жесткости государственного контроля над миграциями и расширение их неорганизованных форм в короткий срок изменили миграционный баланс макрорегиона, обнаружив непрочность демографических достижений предыдущего периода.

В 1961—1988 гг., вследствие очередного пересмотра отношения к РДВ со стороны государства, миграционная убыль сменилась приростом. Главным фактором повышения внимания государства к макрорегиону стало прогрессирующее углубление советско-китайских противоречий. Другой важной причиной явился быстрый рост потребностей в дальневосточном сырье, в том числе в интересах расширения экспортной торговли. Исходя из целей миграционной политики, потоки въезжающих на РДВ в этот период состояли в основном из военнослужащих, промышленных рабочих и членов их семей, тогда как доля сельхозработников существенно снизилась. Миграционный при-

ток на РДВ сопровождался мерами по поддержке занятых (повышение зарплат, строительство жилья и социальной инфраструктуры). Однако в силу все более очевидного отставания РДВ от западных регионов страны по комплексной комфортности условий жизни усилились наметившиеся еще в послевоенный период тенденции к росту обратного движения переселенцев, к сокращению сроков их проживания в макрорегионе, к текучести кадров [8]. География территорий-доноров миграции на РДВ в этот период была чрезвычайно широкой. Наряду с уже традиционными регионами выхода, заметное место заняли Кавказ и Закавказье, Средняя Азия и вновь — Западная и Восточная Сибирь. В самом макрорегионе наиболее значительный рост притока мигрантов испытали Якутия, Чукотская, Камчатская, Магаданская области и Сахалин, что было связано с активным развитием на «северах» предприятий добывающих отраслей, привлекавших работников высокими заработками.

На рубеже 1980—1990-х гг. общественно-исторические условия развития РДВ качественно изменились. Выражением этого стала обвальная демилитаризация, а затем и более широкая деэтизация макрорегиона, одновременное сворачивание в нем различных форм государственного присутствия. Эти процессы, происходившие на фоне общероссийского трансформационного кризиса, резко обострили многие давние хронические проблемы РДВ. Результатом обострения проблем в разных сферах жизни макрорегиона явилось отрицательное сальдо миграционного обмена, зафиксированное в 1989 г. и сохраняющееся до настоящего времени.

Военно-оборонительные и вообще политические задачи перестали оказывать значимое влияние на миграционные процессы на Дальнем Востоке, имеющие сегодня преимущественно социально-экономическую обусловленность. При этом целеполагание в миграционной сфере во многом переместилось с национального, отраслевого или регионального уровней на уровень хозяйствующих субъектов и отдельных граждан, став инструментом реализации их частных интересов. В тесной связи с целями эволюционировали и способы организации миграций. Несмотря на предпринимавшиеся со второй половины 2000-х гг. попытки вмешательства в эти процессы Правительства РФ, миграционная динамика РДВ (особенно меж- и внутримакрорегиональная) остается в целом стихийной.

Миграция трудоспособного населения

В регионах РДВ [9] до сих пор сохраняется миграционная убыль населения, интенсивность которой за предыдущие 20 лет снизилась почти в 2 раза (рис. 3.1)¹⁹. В 2021 г. здесь впервые определился небольшой миграционный

¹⁹ В тексте приводится статистика, а также представлены таблицы и выполнены рисунки 3.1—3.26 по источнику: *Численность и миграции населения Российской Федерации* : стат. бюллетень. ФСГС. 2011—2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 29.09.2022).

прирост населения (1%), который с осторожностью можно считать своеобразным «индикатором» усилий власти по стабилизации демографической ситуации в дальневосточном регионе: предлагается ряд льгот для приезжих россиян и местного населения, реализуются инвестиционные проекты различных масштабов.

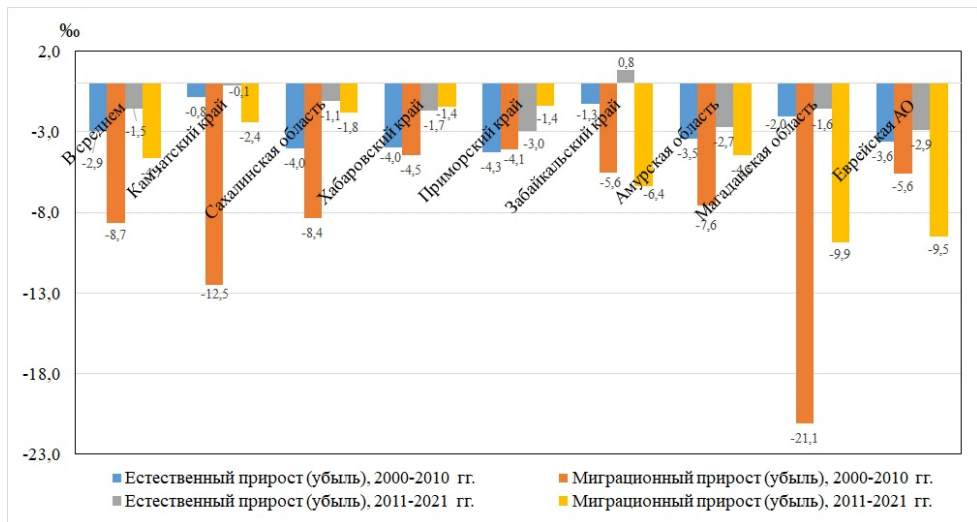

Рис. 3.1. Воспроизводство населения в приграничных регионах ДФО, в среднем за 2000—2010 и 2011—2021 гг.

Сравнение динамики интенсивности миграционного оттока в каждом из приграничных субъектов РФ в среднем за 2000—2010 и 2011—2021 гг. подтверждает наметившуюся позитивную тенденцию на уровне макрорегиона. Только в двух регионах (Забайкалье и ЕАО) миграционная убыль, наоборот, увеличилась (рис. 3.1). Несмотря на это, миграция (на фоне медленно снижающейся естественной убыли населения) не выполняет свою замещающую функцию в воспроизводственных процессах и обеспечивает как всему приграничному макрорегиону, так и его отдельным регионам общие потери народонаселения (рис. 3.2). За последнее десятилетие в ДФО они составили 334,4 тыс. чел., из которых 304,0 тыс. пришлись на изучаемые регионы. Более двух третей этих потерь вызваны миграцией (рис. 3.3). При этом в Камчатском и Забайкальском краях, Магаданской области на миграцию приходится более 80% совокупных потерь численности населения. И только в двух субъектах Федерации — Приморском и Хабаровском краях — роль миграционной убыли менее значима по сравнению с естественной убылью населения (32 и 46% соответственно) (рис. 3.3).

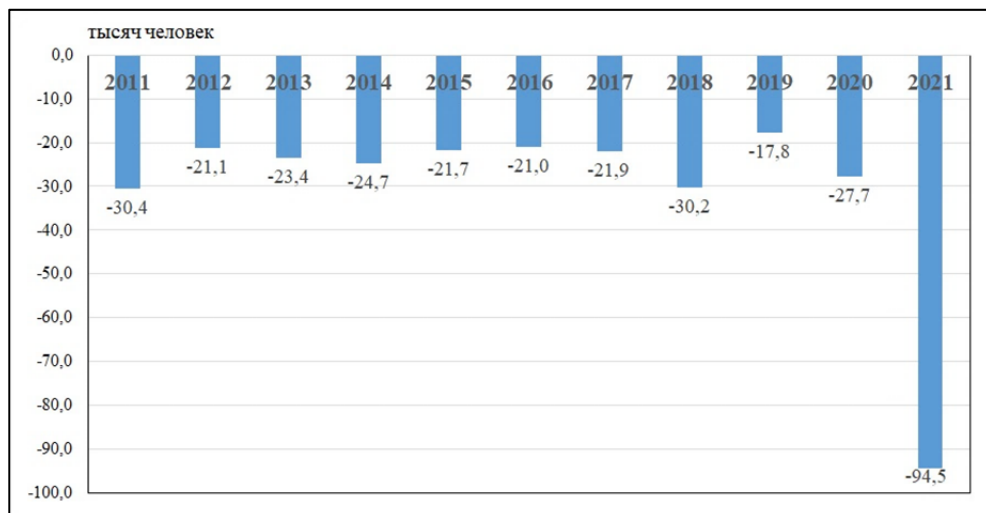

Рис. 3.2. Динамика численности населения приграничных регионов ДФО, в среднем за 2011—2021 гг.

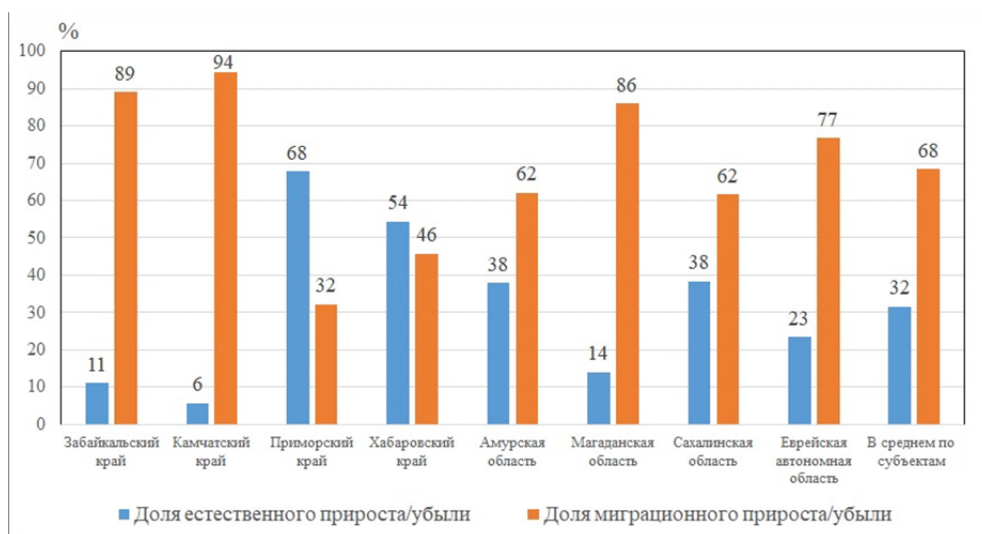

Рис. 3.3. Доля естественной и миграционной убыли в общих потерях населения приграничных регионов ДФО

По характеру формирования численности населения среди регионов выделяется Забайкальский край. В среднем за 2011—2021 гг. в нем отмечается хоть и невысокий, но естественный прирост населения (0,8%) (рис. 3.1). Однако он не «перекрывает» значительную миграционную убыль.

Анализ изменения сальдо миграции подтверждает тенденцию на сокращение общего оттока жителей приграничного макрорегиона на протяжении

2011—2021 гг. На рисунке 3.4 видно, что в 2021 г. впервые был отмечен относительно объемный приток мигрантов трудоспособного возраста. Он оказался обеспечен, главным образом, за счет замещения оттока дальневосточников в западные регионы России иммигрантами (преимущественно трудowymi) из Киргизии, Таджикистана и Украины (рис. 3.5).

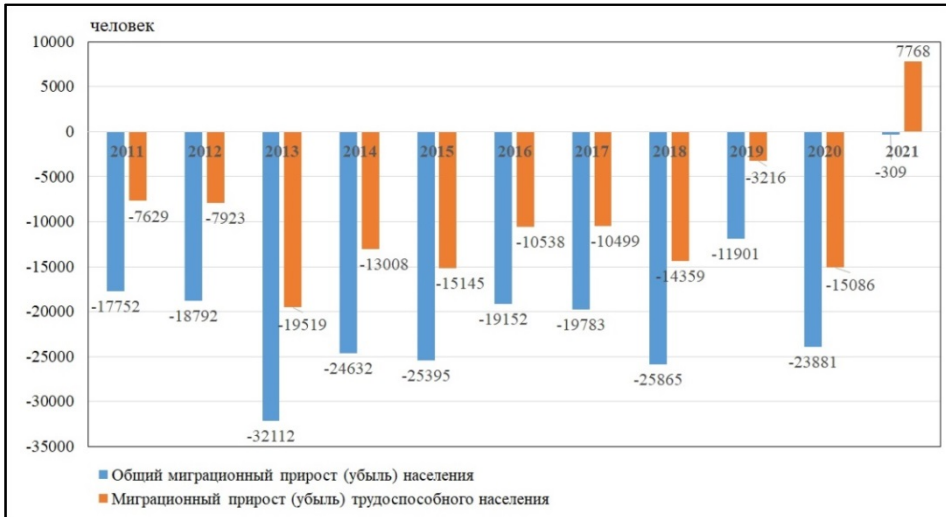

Рис. 3.4. Динамика сальдо миграции трудоспособного населения в приграничных регионах ДФО, 2011—2021 гг.

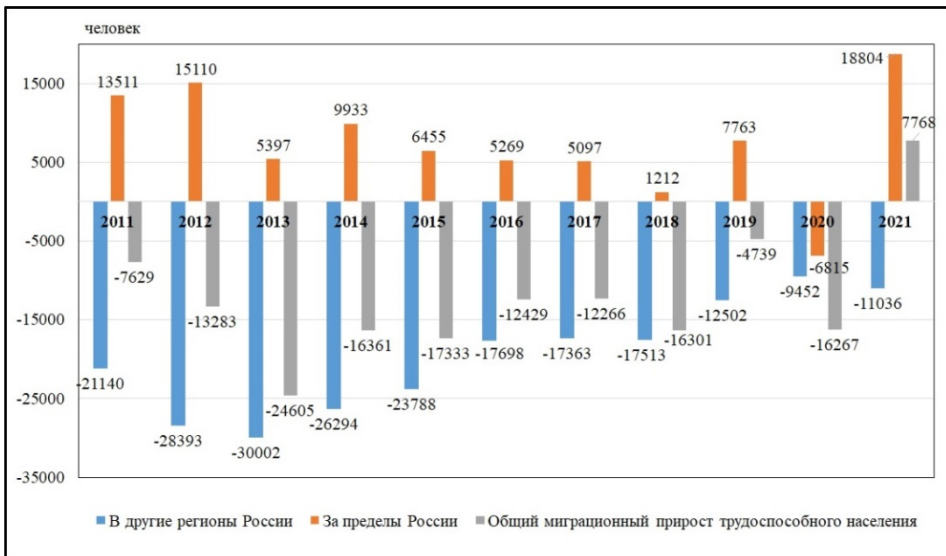

Рис. 3.5. Сальдо миграции трудоспособного населения приграничных регионов ДФО с учетом территорий обмена, 2011—2021 гг.

В этом же году наибольший приток был зафиксирован в Хабаровском крае, где впервые за исследуемый период был отмечен общий миграционный прирост населения. Он обусловлен реализацией в регионе нескольких масштабных проектов при поддержке Правительства РФ, что инициировало обратные переезды специалистов для работы на предприятиях, расширяющих производство. В целом власти рассчитывают, что до 2026 г. из других российских регионов в Хабаровский край переедет не менее 8 тыс. чел. для осуществления крупных инвестиционных проектов. Положительные итоги миграции в 2021 г., в том числе и трудовой, наблюдались еще в двух регионах Тихоокеанского морского порубежья — на Камчатке и Сахалине. Способствовало этому развитие морского транспорта, туристического бизнеса и нефтепереработки.

Значительную миграционную убыль населения в абсолютном выражении демонстрирует Забайкальский край (5,5 тыс. чел.), Амурская область (2,3 тыс. чел.) и Еврейская автономная область (1,4 тыс. чел.), а небольшую (менее 0,4 тыс. чел.) — Магаданская область и Приморский край.

Очевидно, что вклад в негативную общерегиональную миграцию населения за 2011—2021 гг. внесли включенные в 2018 г. в состав ДФО субъекты РФ с неблагоприятной миграционной обстановкой — Бурятия и Забайкальский край. В последующие 2020—2021 гг. свои коррективы привнесла пандемия коронавируса, которая, с одной стороны, обусловила значительный прирост смертности, а с другой — ослабила миграционные потоки из-за вводимых ограничений. В результате за два года естественная убыль населения макрорегиона увеличилась в 2,5 раза, а общий миграционный отток — почти в 7 раз (рис. 3.4).

Анализ миграционных потоков за исследуемый период выявил, что сальдо миграции трудоспособного населения во взаимодействии с регионами России остается отрицательным, но начиная с 2013 г. постепенно снижается (рис. 3.5). Одновременно с этим уменьшается и положительное миграционное сальдо внешней миграции, которое обеспечивается на 47% странами СНГ (Киргизия, Таджикистан и др.), а до закрытия границ с КНР — китайскими мигрантами (34%) [10; 11]. Этот поток трудоспособного населения все время хотя бы частично компенсировал отрицательную межрегиональную миграцию. В 2020 г. из-за ковидных ограничений сальдо внешней миграции продемонстрировало убыль. Однако в 2021 г. ситуация в регионе кардинально изменилась, и благодаря мигрантам из Киргизии, Таджикистана и Украины здесь был отмечен самый объемный с 2011 г. миграционный прирост (19 тыс. чел.) (рис. 3.5).

Положительная интенсивность внешней миграции «сглаживает» отрицательные значения межрегиональной миграции не только для трудоспособного населения, но и для других основных возрастных групп, тем самым поддерживая возрастную структуру населения, особенно в таких приграничных регионах, как Камчатский, Приморский и Хабаровский края, Магаданская и Сахалинская области (рис. 3.6).

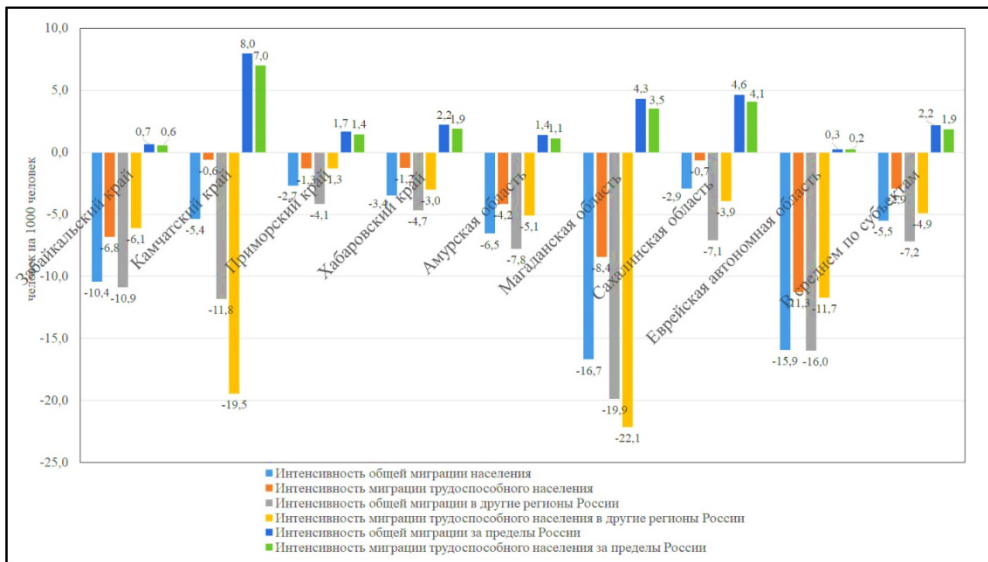

Рис. 3.6. Среднегодовая интенсивность миграции в приграничных регионах ДФО с учетом территорий обмена, 2011—2021 гг.

Но все же отток постоянного населения трудоспособного возраста (на фоне высокой смертности) остается главным вызовом демографического развития приграничных субъектов ДФО РФ. Это подтверждается очень высоким среднерегиональным показателем миграционной активности населения, который существенно превышает среднюю величину по стране (85,3% против 55,2%) (рис. 3.7).

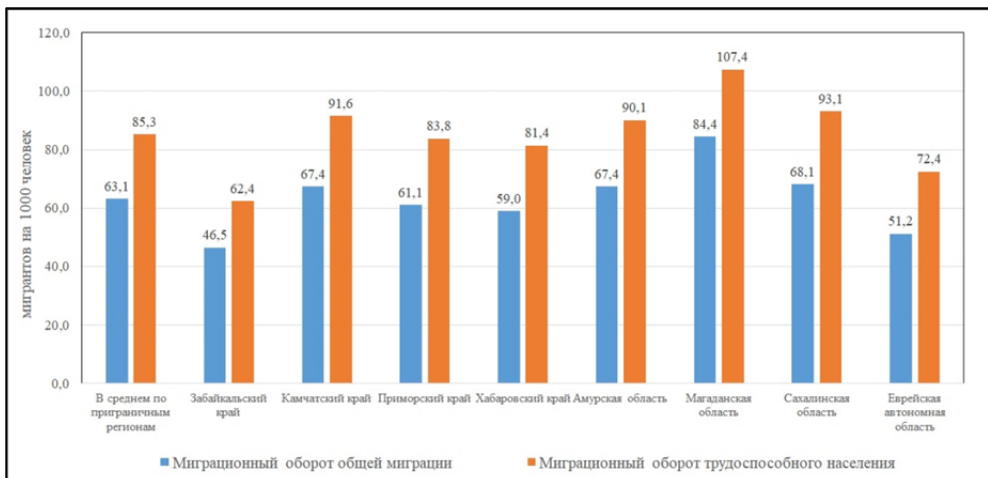

Рис. 3.7. Миграционный оборот в приграничных регионах ДФО, в среднем за 2011—2021 гг.

Наиболее интенсивно выбытия и прибытия протекают в осваиваемых северо-восточных и освоенных южных приграничных регионах — Магаданской и Сахалинской областях, Камчатском крае, Амурской области, Приморском и Хабаровском краях. Трудоспособное население ЕАО и Забайкальского края несколько уступает по миграционной активности регионам-соседям, но опережает средний уровень интенсивности валовой миграции по РФ (рис. 3.7).

Структура миграционного оборота в приграничных регионах отлична. Так, если средняя доля межрегиональной миграции по регионам ДФО равна 85,5%, то в четырех регионах из восьми (Камчатском, Хабаровском, Приморском краях и Сахалинской области) она ниже. Напротив, в Еврейской автономной области и Забайкальском крае международная миграция крайне незначительна (менее 4%) (рис. 3.8).

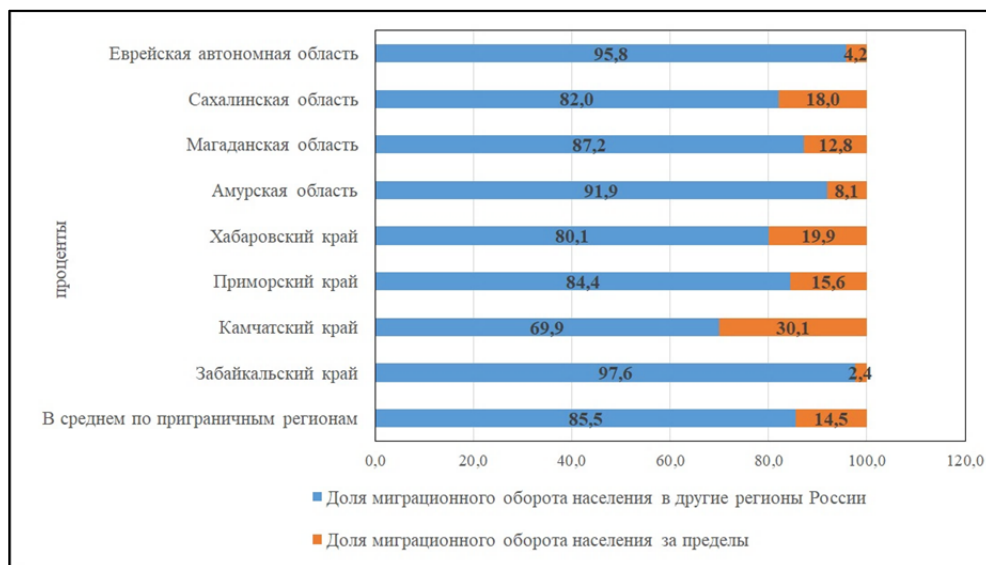

Рис. 3.8. Структура миграционного оборота в приграничных регионах ДФО по территориям обмена, в среднем за 2011—2021 гг.

Все приграничные территории РДВ теряют свое трудоспособное население в межрегиональной миграции и продолжают быть донорами мигрантов (рис. 3.6). Причиной этого остается недостаточная привлекательность макро-региона для потенциальных мигрантов. Так, например, из-за разницы в среднедушевых доходах жителей ДФО с другими округами, повышенной стоимости фиксированного набора потребительских товаров и услуг он входит в первую двадцатку самых дорогих регионов страны [12].

Кроме того, среди выезжающих в возрасте от 15 до 40 лет более половины (51%) — это люди с высшим и средним профессиональным образова-

ем, а среди приезжающих их только 44,4% (рис. 3.9). При этом в Магаданской области это соотношение еще хуже: 60,1% против 48,7%. Доля тех, кто не указывает свое образование среди прибывающих, составляет 23,3%, а выбывающих меньше — 14,4%. Это подтверждает высокое предложение низкооплачиваемых вакансий в большинстве регионов, кроме самых «проблемных» — Забайкальский край (7,3%) и ЕАО (18,5%).

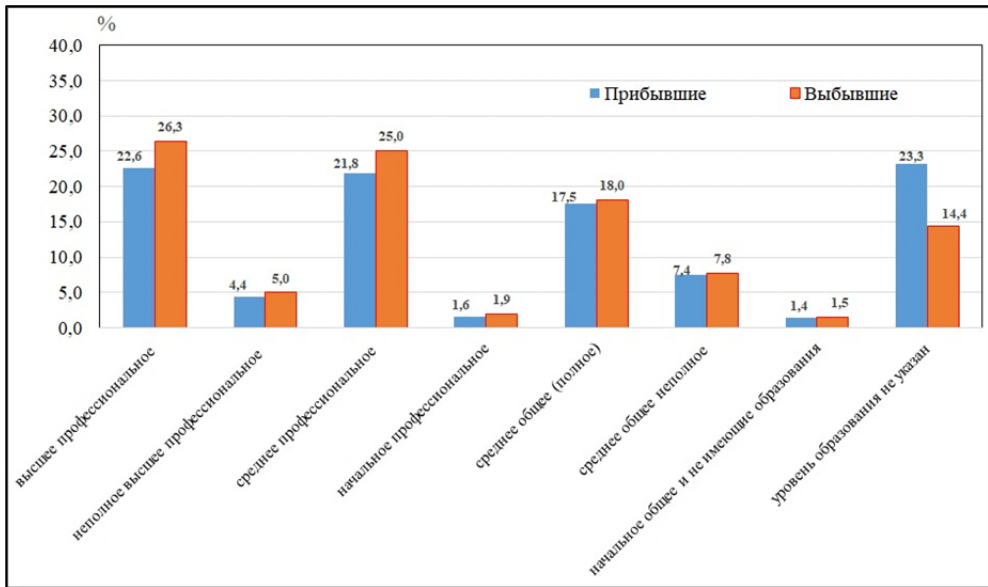
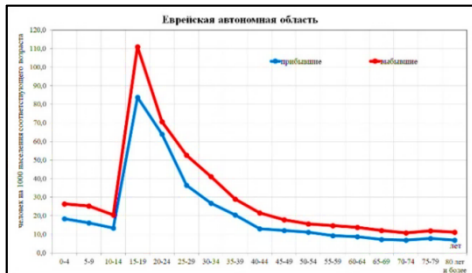

Рис. 3.9. Распределение выбывших и прибывших в возрасте 14 лет и старше по уровню образования в среднем по приграничным регионам ДФО, 2011—2020 гг.

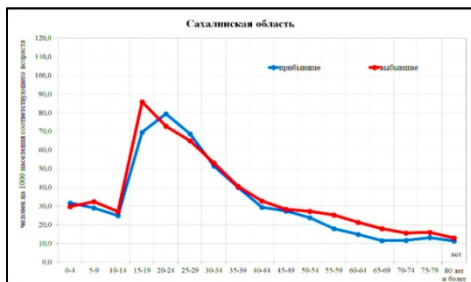
Проведенный анализ возрастной структуры мигрантов в приграничных регионах выявил как сходства, так и различия (рис. 3.10, *a—u*). Общей тенденцией для четырех из восьми территорий является наличие «пика» миграционной активности среди лиц в возрасте 15—29 лет, что соответствует результатам моделирования возрастных профилей миграции для отдаленных от центра страны регионов. В среднем за 2011—2021 гг. они составляют 39,3% от общего числа выбывших и 41,8% — прибывших. Причем самые высокие среднегодовые значения коэффициентов выбытия и прибытия отмечены в возрастных группах 15—19 и 20—24 лет. Одна из основных причин отъезда молодых людей в возрасте 15—24 лет — получение высшего и среднего профессионального образования. По данным Росстата, на начало 2019 г. в ДФО насчитывалось 35 из 724 российских вузов [13], что определяло ему последнее место среди федеральных округов.

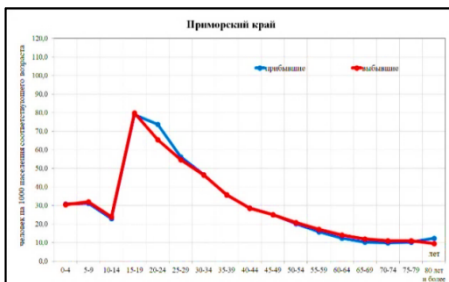
а

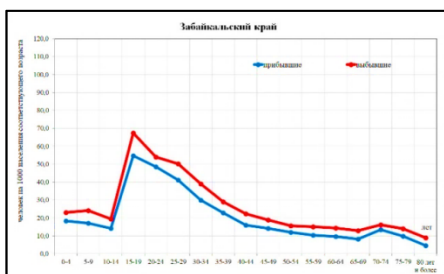
б

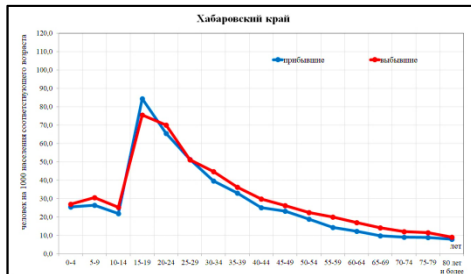
в

г

д

е

Рис. 3.10. Возрастные профили мигрантов в приграничных регионах ДФО, в среднем за 2011—2020 гг. (начало, окончание на с. 61)

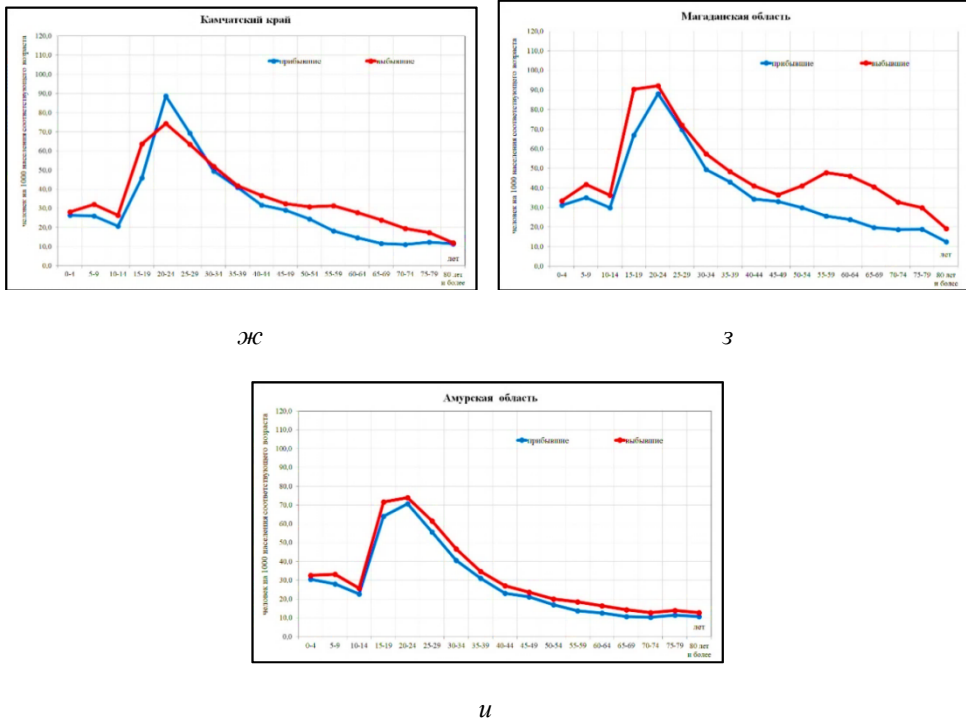

Рис. 3.10. Возрастные профили мигрантов в приграничных регионах ДФО, в среднем за 2011—2020 гг. (окончание, начало на с. 60)

Подобная ситуация вынуждает дальневосточную молодежь переезжать в крупные российские города и университетские центры западной части страны, по преимуществу Москвы и Санкт-Петербурга.

Повышению миграционной мобильности выпускников школ приграничных регионов ДФО способствует относительно низкий качественный уровень высшего образования, что подтверждается выводами экспертов Рособрназзора в последние годы. Безусловно, высокой мотивацией к их отъезду служат единые правила приема для всех российских вузов (в том числе по результатам ЕГЭ), а также желание получить образование в вузах, выпускники которых не испытывают особых проблем с трудоустройством. В результате «западный вектор» в территориальном распределении человеческого капитала сохраняется, и скорее всего, продолжится, так как эмпирическим путем установлено, что интенсивность миграции населения возрастной группы 15—24 лет не снижается даже в условиях экономического кризиса [14].

Среди первопричин оттока молодежи из ДФО — проблемы социально-экономического характера: трудности с трудоустройством, неудовлетворительный уровень и качество жизни, удаленность от культурных центров страны и высокие цены на авиа- и железнодорожные билеты, недоступность жи-

ля из-за высоких цен. При этом нельзя не учитывать, что молодежная миграция может быть связана со стремлением к самостоятельной жизни вдали от родителей, желанием посмотреть мир, а также расширить возможности самореализации и карьерного роста [15—18].

Анализ распределения мигрантов по полу также выявил общую для всех регионов тенденцию: женщин переезжает больше, чем мужчин (соотношение 50,2 к 49,8%). Для мужчин главной причиной переезда остается работа (31,2%), а для женщин — возвращение после временного отсутствия (25,1%) и семейные обстоятельства (23,6%).

Возрастные профили миграции²⁰ для приграничных регионов РДВ раскрывают ее структурные особенности (в том числе с учетом пола) и позволяют сгруппировать регионы по максимальным значениям интенсивности миграционных потоков за 2011—2020 гг.

В *первую группу* включены ЕАО, Сахалинская область, Приморский и Забайкальский края. Их объединяет наличие преобладающего «пика» выбывших в возрастной группе 15—19 лет, по величине которого они распределяются следующим образом: ЕАО (111‰), Сахалинская область (85,9‰), Приморский (80‰) и Забайкальский (67‰) края.

ЕАО является лидером по показателю интенсивности уезжающей молодежи, который на 6,5‰ превышает среднерегиональное значение. Связано это с крайне низким уровнем привлекательности региона для мигрантов: низкое качество жизни населения (прежде всего, отсутствие должного уровня развития здравоохранения), ограниченность рынка труда, что заставляет каждого пятого трудоспособного жителя ЕАО искать работу за ее пределами. Активный отток населения поддерживается молодыми людьми в возрастных группах 20—34 лет. Больше всего женщин уезжает в возрасте 15—35 лет, а мужчин — 35—60 лет.

Особенностью возрастного профиля миграции Сахалинской области является преобладание прибывших мужчин и женщин над выбывшими в возрастных группах 20—24 и 25—29 лет. В регионе им предлагаются вакансии с низкой квалификацией на морских нефте- и газодобывающих месторождениях, а также на предприятиях рыбной отрасли (более 33,1% прибывших вообще не указывают уровень образования). После 40 лет сахалинцы предпочитают уезжать, и эта тенденция усиливается в пенсионных возрастах. В этой категории преобладают женщины.

²⁰ Возрастные профили миграции построены по: *Численность* и миграции населения Российской Федерации : стат. бюллетень. ФСГС. 2011—2022. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> ; *Численность* населения Российской Федерации по полу и возрасту : стат. бюллетень. ФСГС. 2012—2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> ; URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> ; *Число* выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения // ЕМИСС. 2017—2020. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> ; URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/> ; *Число* прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения. 2017—2020. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> ; URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 06.09.2022).

В Приморском крае отток 15—19-летней молодежи всего лишь на 1,1% превышает интенсивность ее прибытия. Объясняется это наличием во Владивостоке шести крупных вузов, в которые приезжают абитуриенты преимущественно из дальневосточных и сибирских регионов. Одновременно выпускники приморских школ в большом количестве выезжают поступать в вузы других регионов страны.

В возрастном профиле Приморья формируется дополнительный «пик» с преобладанием прибывших в возрасте 20—24 лет. Среди них женщин больше, чем мужчин, и свое лидерство они сохраняют до 35 лет. Молодым женщинам предлагают реализовать себя в сфере строительства, торговли, рыбопереработки, пищевой индустрии, образования и здравоохранения. Строительство новых предприятий и инфраструктурных объектов в рамках ТОР, введение в эксплуатацию верфи на судостроительном комплексе «Звезда» в г. Большой Камень (2016 г.) значительно расширили перечень рабочих вакансий, прежде всего для мужчин.

Среди всех приграничных регионов Забайкальский край имеет самые низкие показатели интенсивности притока и оттока молодежи в возрасте 15—29 лет. При этом интенсивность убытий выше прибытий на 27,1%. Более активно покидают малую родину женщины в возрасте 15—35 лет, а мужчины — 35—60 лет.

Во *вторую группу* отнесен Хабаровский край, который единственный среди регионов выделяется «пиком» прибывающих в возрасте 15—19 лет. Причем девушек больше, чем юношей. В значительной степени это обусловлено достаточно высоким уровнем востребованности 10 хабаровских вузов у молодежи из других российских регионов. При этом отмечается желание молодых хабаровчан данного возраста получать высшее и среднее профессиональное образование на родине. Однако после обучения они вливаются в более значительный поток выезжающих, и в нем женщин больше, чем мужчин. Тем самым линия профиля в возрасте от 30 лет и старше становится идентичной на профилях ЕАО, Забайкальского края, Амурской и Магаданской областей.

В состав *третьей группы* включен Камчатский край, который единственный среди приграничных регионов выделяется «пиком» приезжающей молодежи в возрасте 20—24 лет. При этом приезжающих мужчин, хоть и незначительно, но больше. Миграционный прирост наблюдается и для 25—29-летних возрастов. Мужчин в этом потоке всегда больше, что связано со сложными природно-климатическими условиями проживания населения и отдаленностью региона. В поисках работы на Камчатку приезжают жители ЮФО, СФО, ДФО, а также мигранты из стран СНГ. Однако с 30 лет и старше количество выбывших с полуострова становится больше прибывших, что отражает общерегиональную тенденцию. Женщины более активно начинают уезжать с 50—54 лет, а мужчины с 55—59 лет, что обусловлено выходом их на пенсию и желанием переехать в районы с более комфортными условиями.

В четвертую группу вошли Магаданская и Амурская области с двумя «пиками»: в возрасте 15—19 и 20—24 лет. При этом по интенсивности оттока Магаданская опережает Амурскую область: среди 15—19-летних на 18,6%, а 20—24-летних — на 20,4%. Очевидно, что абитуриенты-амурчане по сравнению с магаданцами в меньшем количестве уезжают из родных мест, так как проживают в более комфортных климатических условиях и имеют для учебы более развитую образовательную инфраструктуру, прежде всего в Благовещенске.

Более высокие значения интенсивности обеих миграционных потоков среди 20—24-летних жителей Магаданской области над аналогичными показателями для Амурской области хорошо известны. Регионы по-разному обеспечивают возможность трудовым мигрантам из других регионов страны и стран СНГ (до 2020 г. и из Китая) получать относительно высокую заработную плату, что является основной целью их приезда. Так, в Магаданской области мигрантам предлагаются вакансии, связанные с работой на старых и новых золотоносных месторождениях, на предприятиях рыбной отрасли с «северным коэффициентом» в оплате труда. В Амурской области такой мотивации нет, но здесь, в исследуемый период, значительная часть трудовых мигрантов работала и продолжает трудиться на крупномасштабных стройках: космодром «Восточный» (2010—2018 гг.), газопровод «Сила Сибири» (2014—2019 гг.), «Сила Сибири — 2» (2021—2024 гг.), Амурский ГПХ (2020—2024 гг.).

Кардинально отличаются эти два региона по интенсивности миграции среди лиц в возрасте 50—54 лет и старше. В Магаданской области на этом возрастном отрезке линия профиля похожа на «гребень» и показывает довольно критичные значения оттока населения (11—22%), а в Амурской области, наоборот, невысокую миграционную убыль — в интервале 2—4%.

Анализ возрастных профилей приграничных регионов РДВ подтверждает общерегиональную тенденцию превышения оттока постоянного населения над притоком практически во всех возрастных группах.

Миграционная ситуация на муниципальном уровне, как правило, является зримым отображением общерегиональных тенденций. После распада СССР отрицательное сальдо миграции стало привычным явлением для большинства регионов ДФО. Однако следует учитывать, что для некоторых муниципальных образований (МО) негативные последствия оттока населения могут приобрести поистине катастрофические масштабы, вплоть до полного исчезновения отдельных населенных пунктов. Особенно данной опасности подвержены небольшие поселения отдаленных районов РДВ.

Подобная ситуация наблюдается не на всем пространстве макрорегиона. Динамика миграционных процессов, протекающих в отдельных муниципалитетах приграничных субъектов ДФО РФ, демонстрирует не только отрицательные, но и в некоторых случаях положительные значения показателей миграции: эти территории существенно отличаются по природно-климатическим характеристикам, уровню социально-экономического развития, а также

эффективности деятельности органов государственного и муниципального управления. Тем не менее миграционная проблема в той или иной степени по-прежнему является актуальной как для юга, так и для севера РДВ.

Ярким примером миграционного неблагополучия на муниципальном уровне выступает Магаданская область — один из лидеров ДФО по оттоку населения. Всем девяти городским округам (ГО) региона за последние десять лет характерно снижение численности населения за счет естественного и миграционного оттока (рис. 3.11).

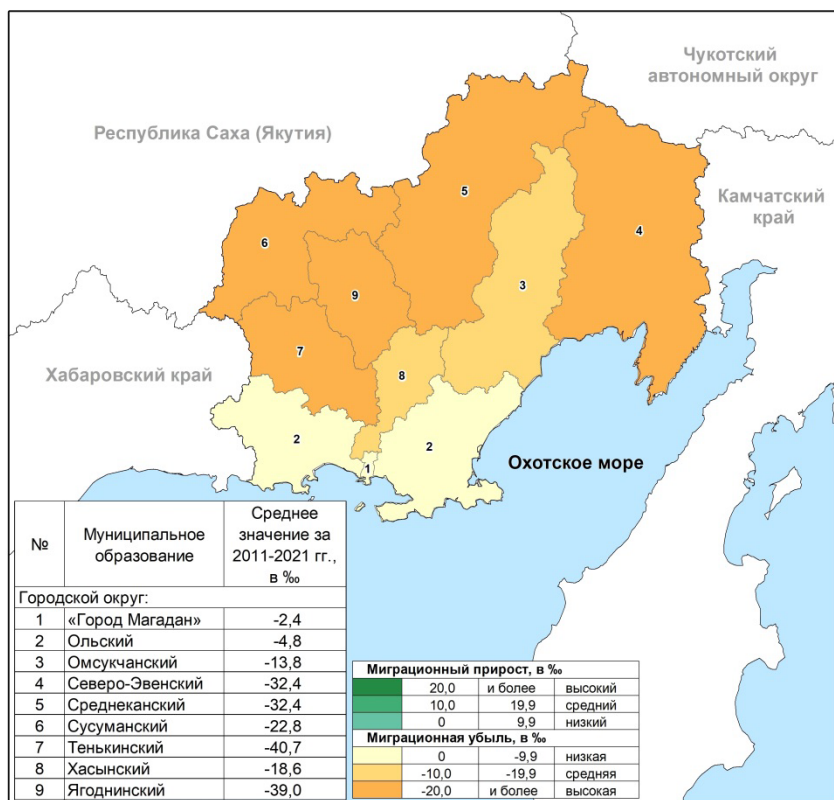

Рис. 3.11. Миграционное движение населения в Магаданской области, в среднем за 2011—2021 гг.²¹

Отсутствие иных видов муниципалитетов в Магаданской области объясняется оптимизацией бюджетных расходов. Однако данная практика привела к усилению оттока, поскольку способствует свертыванию сети учреждений социальной сферы [19]. Так, в 2018 г. коэффициент сальдо миграции в Тенькинском ГО достигал критических значений (–82,4%), в 2017 и 2019 гг. крайне высокий уровень оттока отмечался в Ягоднинском ГО (более –60%). При этом ведущим направлением является межрегиональная миграция. Насе-

²¹ Составители: А. Н. Романовская, Л. И. Рябинина, В. А. Костык.

ление уезжает в другие регионы России в силу не только инфраструктурных и климатических особенностей области, но и под влиянием «сценария отложенной жизни».

В отдельные годы миграционный прирост наблюдался в Магадане (2011, 2016, 2019 гг.), Омсукчанском ГО (2011 г.), Ольгинском ГО (2016, 2021 гг.) и Хасынском ГО (2019—2021 гг.). Одной из причин послужила внутрирегиональная миграция в г. Магадан как административный центр области с изначально более широкими возможностями для учебы и трудоустройства, а также со сравнительно развитой инженерной и социальной инфраструктурой. Кроме того, положительное сальдо складывалось за счет прибывающих из стран СНГ. Однако уровень образования и квалификации мигрантов усложняет их полноценное участие в отраслях специализации экономики региона (прежде всего, добыче полезных ископаемых). В итоге убыль трудоспособного населения уже привела к закрытию ряда поселков и продолжает затруднять обеспечение устойчивости региона.

Среди МО Магаданской области преобладают округа с высоким уровнем оттока (5 из 9) (рис. 3.12). При этом в 2018 г. в этой группе находились все муниципалитеты области. Правда, рост количества МО в первой группе в 2019—2020 гг. не означал безусловного снижения миграционной убыли. Для улучшения очень неблагоприятной миграционной обстановки в регионе требуется системная поддержка федерального центра, и это работа на средне- и долгосрочную перспективу.

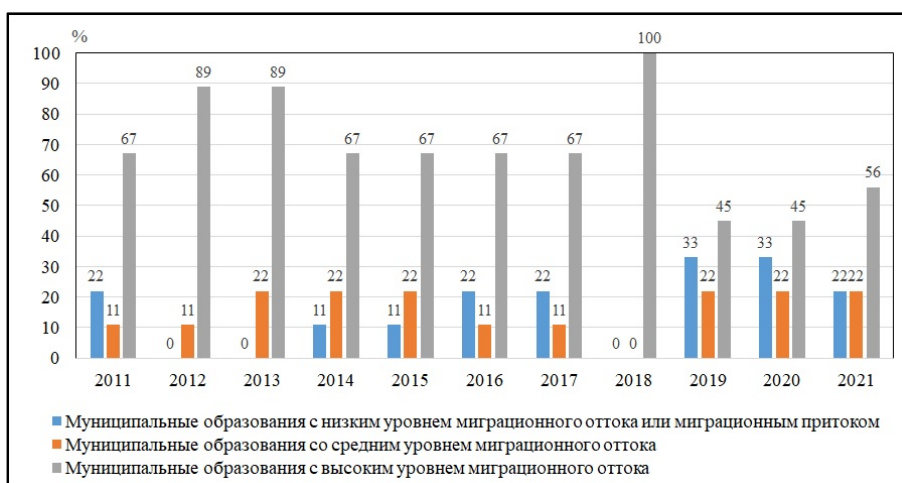

Рис. 3.12. Муниципальные образования Магаданской области с разным уровнем сальдо миграции, 2011—2021 гг.²²

Примечание: здесь и далее 100% — численность муниципальных образований в регионе. В качестве основного показателя для группировки муниципалитетов ис-

²² Рисунки 3.12—3.26 составлены на основе: База данных показателей муниципальных образований / Росстат. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 06.09.2022).

пользовался коэффициент сальдо миграции: -1% и $>$ — низкий уровень миграционного оттока или миграционного притока; от -1 до -10% — средний уровень оттока; -10% и $>$ — высокий уровень оттока.

В Камчатском крае ситуация на муниципальном уровне отличается от соседней Магаданской области. В четырех муниципалитетах по итогам 2011—2021 гг. сложился миграционный прирост (рис. 3.13). Остальные муниципальные районы (МР) характеризуются миграционным оттоком: низким — Быстринский, Карагинский, Мильковский, Усть-Большерецкий, средним — п. Палана, Тигильский и Пенжинский, высоким — Олюторский и Усть-Камчатский.

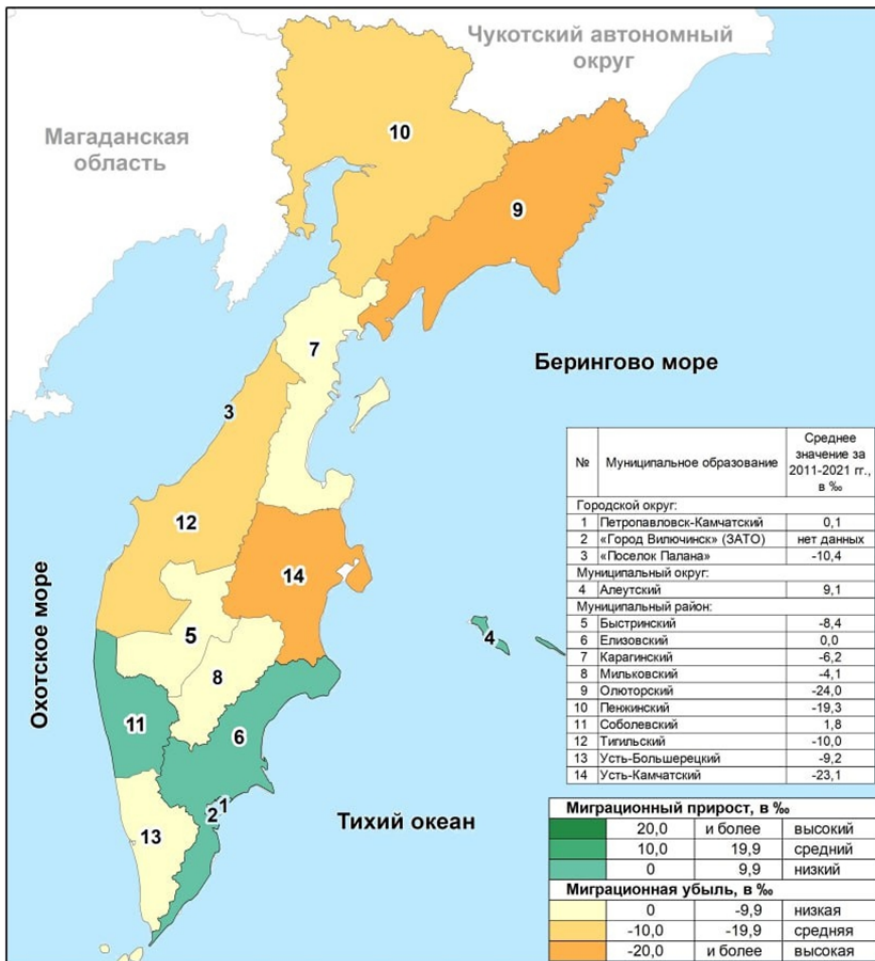

Рис. 3.13. Миграционное движение населения Камчатского края, в среднем за 2011—2021 гг.²³

²³ Составители: Р. Н. Джавршян, Л. И. Рябина, В. А. Костык.

За период исследования интенсивность сальдо миграции значительно варьировала. С одной стороны, в некоторых МО наблюдался весьма высокий уровень прироста. Так, в 2015 г. в Алеутском муниципальном округе он достиг почти 80%, в столичном Петропавловск-Камчатском ГО в 2021 г. — 18%, главным образом, вследствие международной миграции. В 2020—2021 гг. численность МО с положительным сальдо миграции или небольшим оттоком составляла 55% от их общего числа (рис. 3.14).

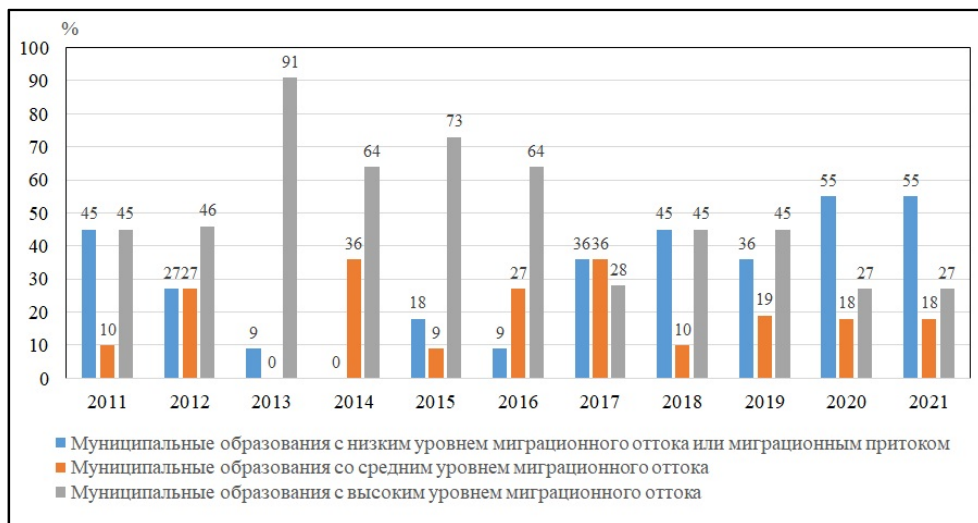

Рис. 3.14. Муниципальные образования Камчатского края с разным уровнем сальдо миграции, 2011—2021 гг.

С другой стороны, в том же Алеутском округе в 2014 г. фиксировалось значение коэффициента сальдо миграции в $-76,6\%$, в Усть-Большерецком районе в 2015 г. — $-43,8\%$, в Усть-Камчатском районе в 2020 г. — $-34,3\%$. В 2021 г. границы значений показателя для МО края варьировались от 30% (Соболевский МР) до $-20,4\%$ (Олюторский МР). Подобные различия могут быть обусловлены экономической специализацией территории или ее ролью в обеспечении национальной безопасности государства. Косвенным подтверждением данного тезиса является преобладание мужского населения в числе прибывающих из других регионов страны в некоторые МО Камчатки. Несмотря на положительное сальдо миграции или небольшой отток в 27% муниципалитетов региона, наличие в группе МО с высоким уровнем миграционного оттока иллюстрирует необходимость действенного регулирования трудовых миграций в Камчатском крае.

Муниципалитетам *Забайкальского края* присуща стабильность в оттоке населения за последние десять лет. Из 32 МО только в г. Чите наблюдался низкий миграционный прирост, в остальных — миграционная убыль (рис. 3.15).

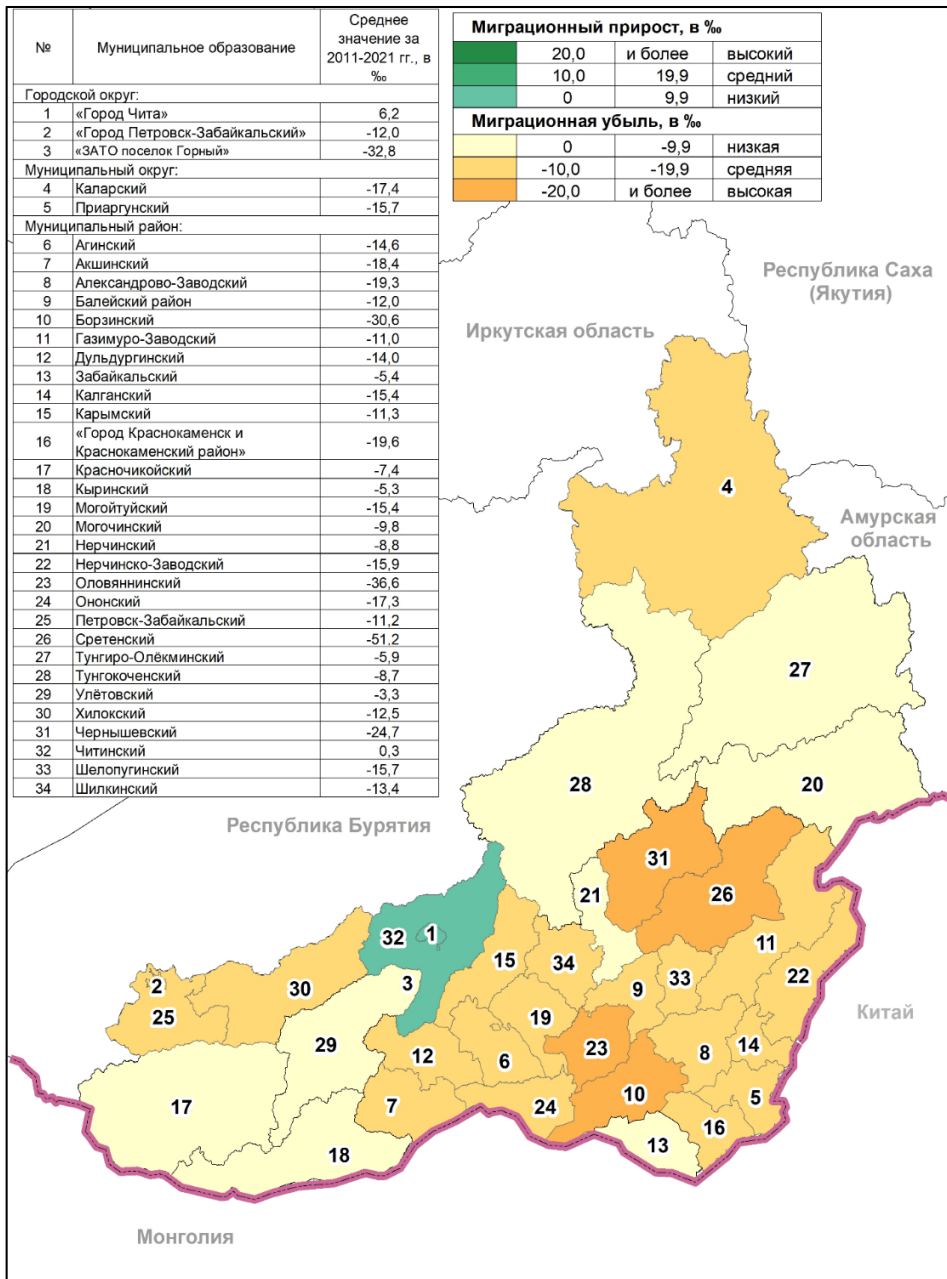

Рис. 3.15. Миграционное движение населения Забайкальского края, в среднем за 2011—2021 гг.²⁴

²⁴ Составители: А. Н. Романовская, Л. И. Рябина, В. А. Костык.

Численность населения территорий с относительно благополучными показателями миграции не превышала 16% от общего числа муниципальных образований (рис. 3.16). Так, в 2021 г. небольшой миграционный прирост наблюдался только в 6 из 32 муниципалитетов края. Соответственно, негативное течение миграционных процессов, характерное для большинства МО, демонстрирует недостаточную эффективность деятельности органов публичной власти региона.

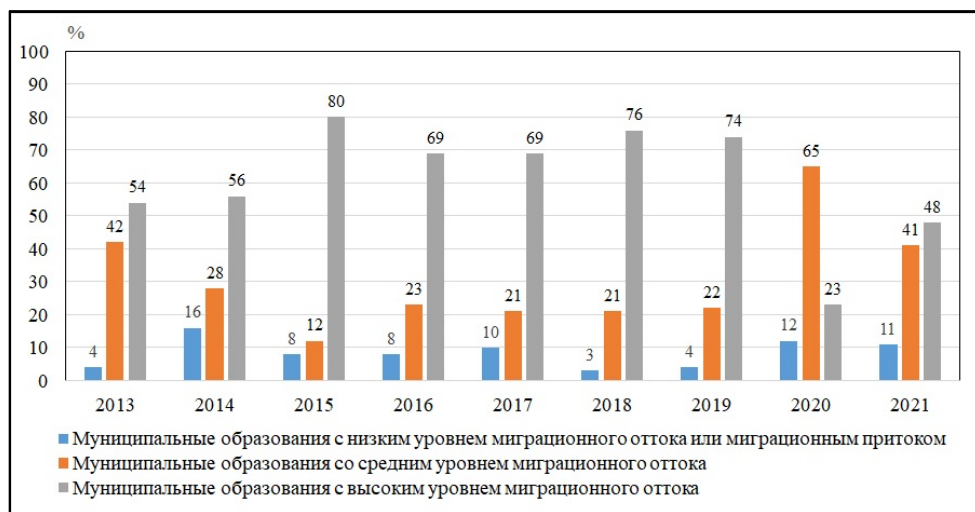

Рис. 3.16. Муниципальные образования Забайкальского края с разным уровнем сальдо миграции, 2013—2021 гг.

Если рассматривать динамику миграционных процессов в зависимости от вида муниципальных образований, то городские округа Забайкалья, несмотря на имеющиеся преимущества, практически не отличаются от муниципальных районов по темпам оттока в другие регионы России. Исключением является г. Чита как столица региона. Среди районов наибольшей убылью выделяются Борзинский, Оловянинский, Сретенский и Чернышевский районы, в которых в 2013—2014 гг. коэффициент миграционной убыли достигал критических значений (106,2—196,6%).

В муниципальном районе «Город Краснокаменск и Краснокаменский район» в 2013 г. наблюдался значительный миграционный отток (–57,5%), однако в 2020—2021 гг. ситуация изменилась вследствие незначительного внутрирегионального. Учитывая, что г. Краснокаменск входит в перечень моногородов РФ, изменения в динамике могут быть связаны с реализацией соответствующих программ. При этом г. Краснокаменск не единственный моногород на территории края с горнодобывающей специализацией. Подчеркнем, что монопрофильные МО крайне чувствительны к изменению экономической конъюнктуры [20].

Следует также отметить сравнительно невысокие показатели международной миграции в муниципальных образованиях региона, в том числе со

странами СНГ. Однако стабильно отрицательное сальдо межрегиональной миграции практически повсеместно крайне негативно сказывается на уровне социально-экономического развития региона в целом.

Амурская область, которая граничит с Забайкальским краем, имеет перед ним некоторые конкурентные преимущества. Это связано с успешным развитием на ее территории определенных отраслей экономики, в том числе космической. Продукция сельскохозяйственной и энергетической отраслей региона востребована в КНР. Тем не менее из 28 муниципалитетов региона только пять имеют стабильный приток. В остальных МО сохраняется отток населения: 18 — средней интенсивности и 5 — низкой (рис. 3.17). Группировка муниципальных образований области по уровню сальдо миграции показывает наличие существенного количества МО с высоким уровнем миграционной убыли в разные годы (от 70 до 32 %) (рис. 3.18).

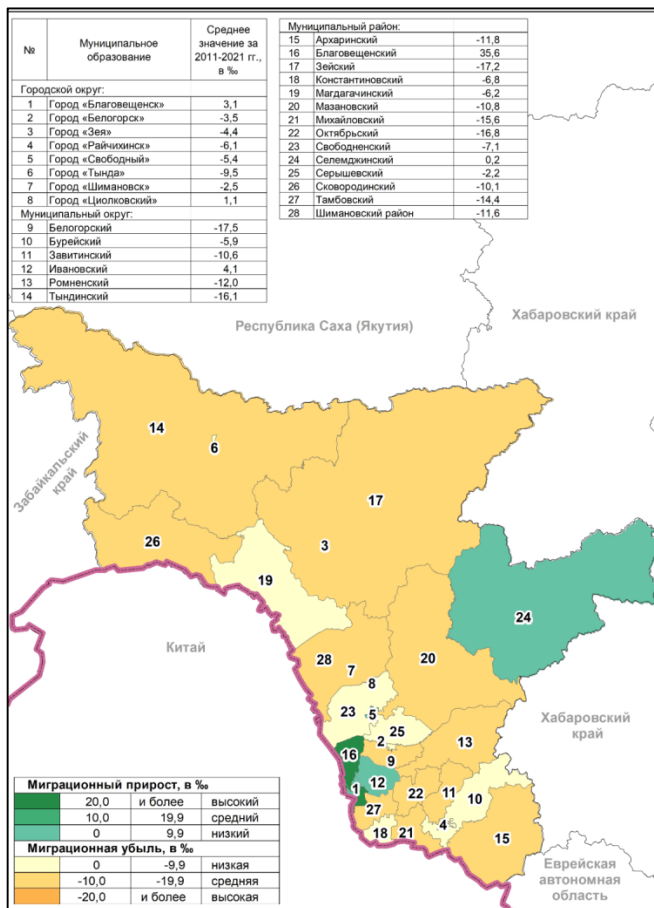

Рис. 3.17. Миграционное движение населения Амурской области, в среднем за 2011—2021 гг.²⁵

²⁵ Составители: А. Н. Романовская, Л. И. Рябина, В. А. Костык.

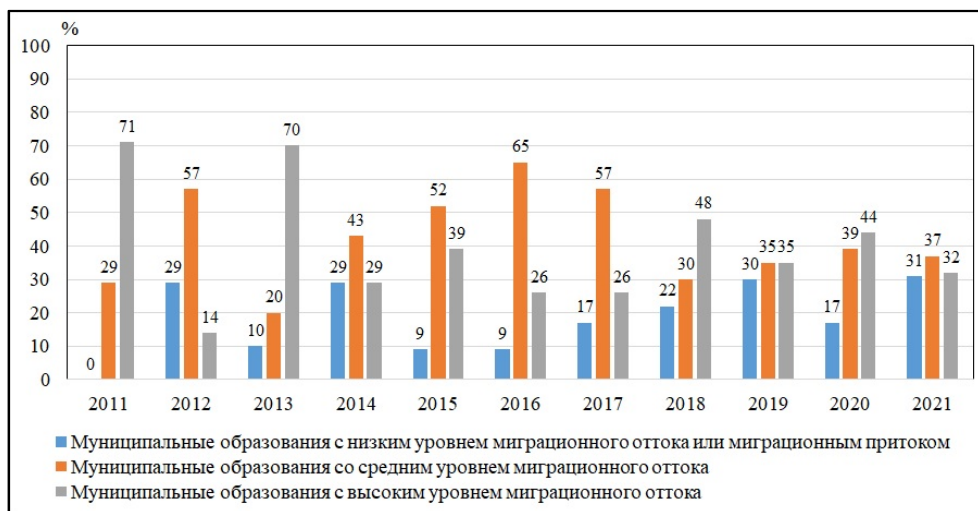

Рис. 3.18. Муниципальные образования Амурской области с разным уровнем сальдо миграции, 2011—2021 гг.

На протяжении 2015—2021 гг. высокий миграционный прирост в Благовещенском МР был обусловлен в основном внутрирегиональной миграцией. Основной вид экономической деятельности в районе — сельское хозяйство. Здесь создана Территория опережающего социально-экономического развития — ТОР «Приамурская», по его территории проходит газопровод «Сила Сибири». В г. Благовещенске положительное сальдо миграции отмечается с 2017 г. за счет внутрирегиональных потоков (здесь также действует ТОР). Таким образом, в настоящее время можно констатировать стремление жителей региона к концентрации в наиболее перспективных, с точки зрения ускоренного развития, муниципалитетах области.

В *Хабаровском крае* миграционная ситуация не сильно отличается от Амурской области. Из 19 муниципалитетов два имеют устойчивый миграционный прирост (г. Хабаровск и Хабаровский район), остальные — теряют население (рис. 3.19).

Как и в других приграничных субъектах ДФО РФ, в крае отмечается высокая доля внутрирегиональной миграции, характеризующаяся стягиванием населения в краевую столицу.

Однако наиболее значительные потоки в муниципалитетах Хабаровского края связаны с межрегиональной и международной миграцией. Центрами притяжения при этом в разные годы становятся территории реализации инвестиционных проектов и льготных режимов хозяйствования, например Ванинский район, где функционирует Ванинский морской торговый порт (на его территории действует режим СПВ — Свободный порт Владивосток), или Аяно-Майский МР, где реализуется проект Аянского газохимического парка, районы функционирования ТОР (Николаевский район, ГО «Город Хабаровск» и ГО «Город Комсомольск-на-Амуре»).

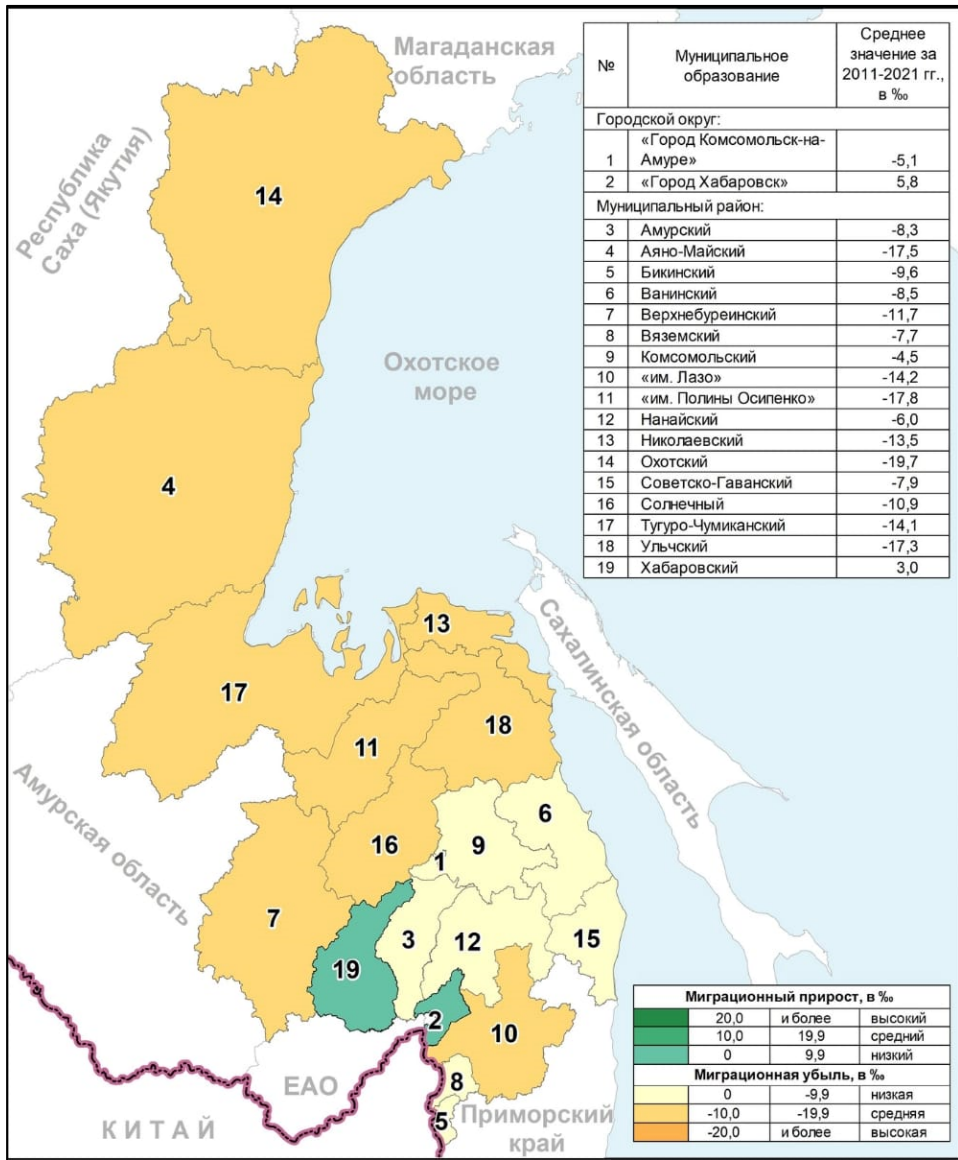

Рис. 3.19. Миграционное движение населения Хабаровского края, в среднем за 2011—2021 гг.²⁶

Однако группировка МО по-прежнему показывает наличие муниципальных образований края с относительно высоким уровнем муниципальной убыли (рис. 3.20).

²⁶ Составители: А. А. Безделева, Л. И. Рябинина, В. А. Костык.

Рис. 3.20. Муниципальные образования Хабаровского края с разным уровнем сальдо миграции, 2011—2021 гг.

В *Еврейской автономной области* миграционная ситуация характеризуется убылью, но с разной интенсивностью: низкой (г. Биробиджан, Смидовичский и Ленинский районы) и средней (Биробиджанский, Облученский и Октябрьский районы) (рис. 3.21).

За исследуемый период доля муниципалитетов с низким уровнем миграционной убыли варьировала от 89% в 2013 г. до 15% в 2021 г. В течение 2015—2018 гг. и 2021 г. в ЕАО территориях с положительным сальдо миграции не фиксировалось (рис. 3.22).

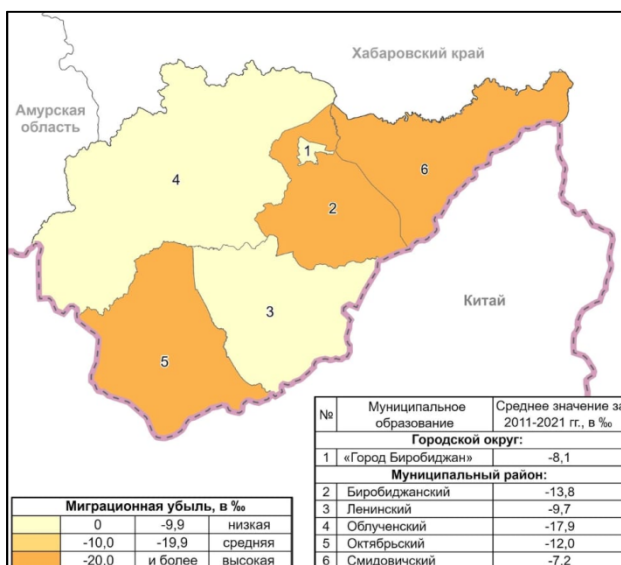

Рис. 3.21. Миграционное движение населения в ЕАО, в среднем за 2011—2021 гг.²⁷

²⁷ Составители: В. С. Деньга, Л. И. Рябина, В. А. Костык.

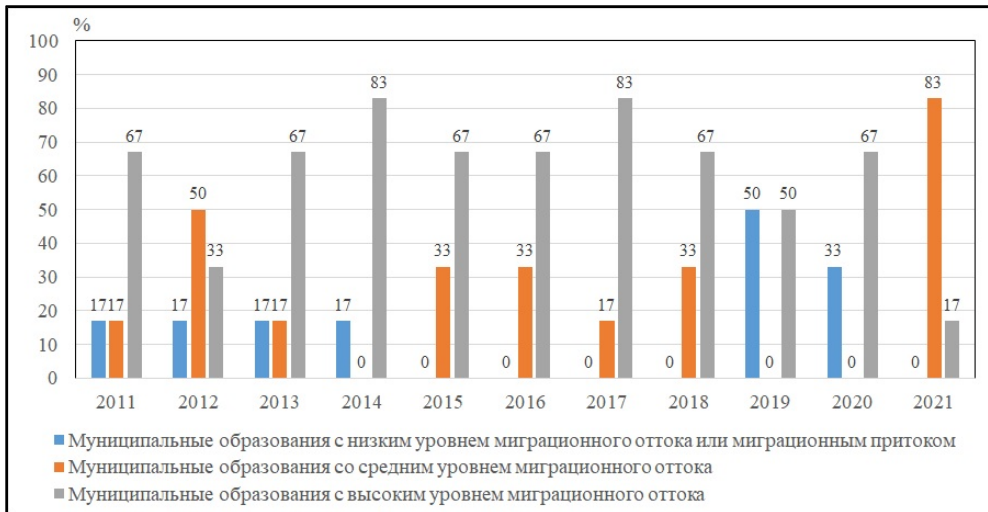

Рис. 3.22. Муниципальные образования ЕАО с разным уровнем сальдо миграции, 2011—2021 гг.

При этом отчетливо видна позитивная динамика по доле муниципалитетов со средним уровнем оттока населения по годам: от 16% в 2011 и 2014 гг. до 79% — в 2020 г. Последнее можно объяснить не только коронавирусными ограничениями, но и ставшими более активными внутрирегиональными и международными прибытиями в результате деятельности ТЕР «Амуро-Хинганская».

Миграционная ситуация в муниципалитетах *Сахалинской области*, в отличие от ЕАО и Магаданской области, схожа с остальными пятью приграничными регионами (рис. 3.23). В области нет муниципальных районов и округов, поэтому деятельность местного самоуправления осуществляется органами публичной власти 18 ГО. В Южно-Сахалинске, Корсаковском, Ногликском и Северо-Курильском округах наблюдается низкий миграционный прирост, в Курильском — высокая убыль населения, еще в восьми ГО — средний отток населения и пяти — низкий.

Вместе с тем обстановка в муниципалитетах далека от стабильной. Прирост населения в некоторых ГО, в том числе и в Южно-Сахалинске, идет за счет внутренней и международной миграции (в основном из стран СНГ). При этом миграционный прирост в Ногликском ГО и окрестностях связан с развитием добывающей промышленности, а в Южно-Сахалинске, Анивском ГО и Корсаковском ГО — с особенностями экономико-географического положения (столичное, портовое), а также деятельностью производственного комплекса «Пригородное» в Корсаковском ГО.

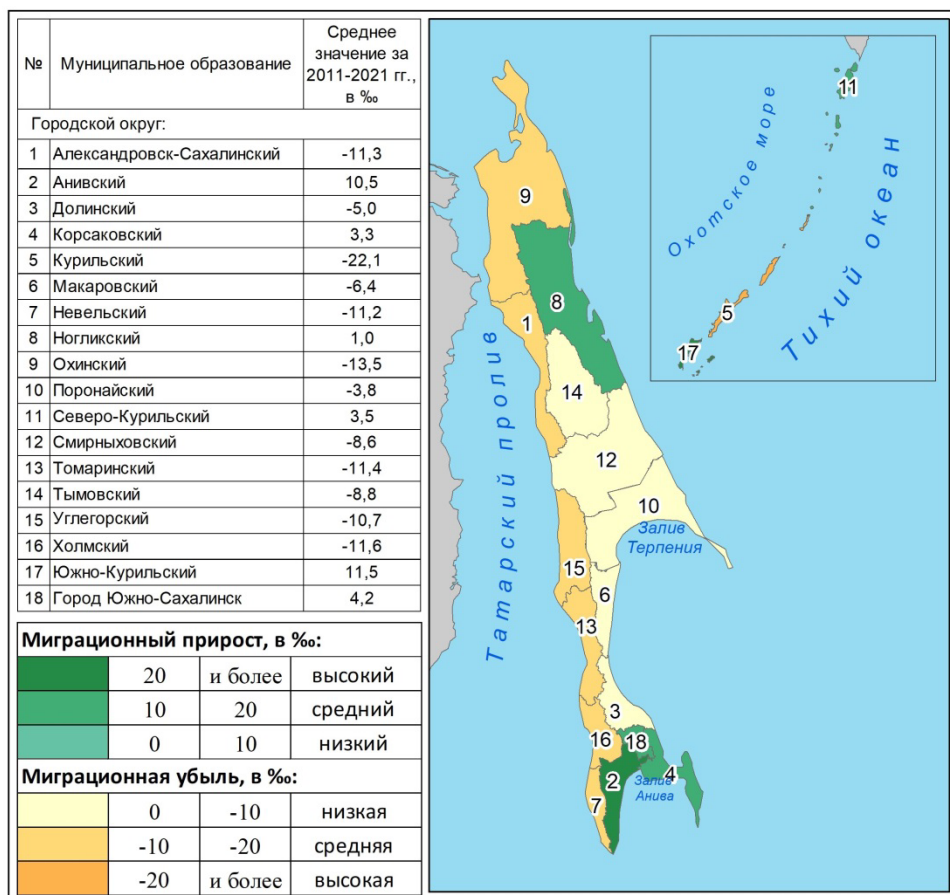

Рис. 3.23. Миграционное движение населения в Сахалинской области, в среднем за 2011—2021 гг.²⁸

Показатели миграционного обмена с другими регионами не демонстрируют устойчивой положительной динамики.

В результате анализа дифференциации интенсивности миграционного потока округов Сахалинской области подтверждается его негативный ход в контексте общерегиональной тенденции (рис. 3.24).

На территории *Приморского края* в 2011—2021 гг. лишь пять муниципалитетов характеризовались миграционным приростом (Артемовский, Владивостокский, Уссурийский и Партизанский ГО, Надеждинский район), 10 — средним оттоком и 19 — низким оттоком (рис. 3.25).

²⁸ Составители: С. А. Инкин, Л. И. Рябина, В. А. Костык.

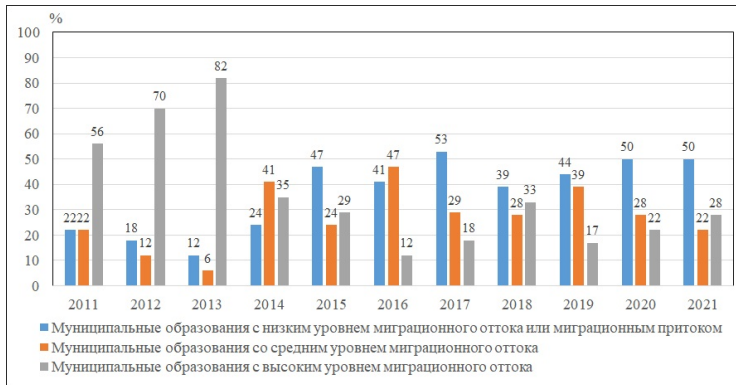

Рис. 3.24. Муниципальные образования Сахалинской области с разным уровнем сальдо миграции, 2011—2021 гг.

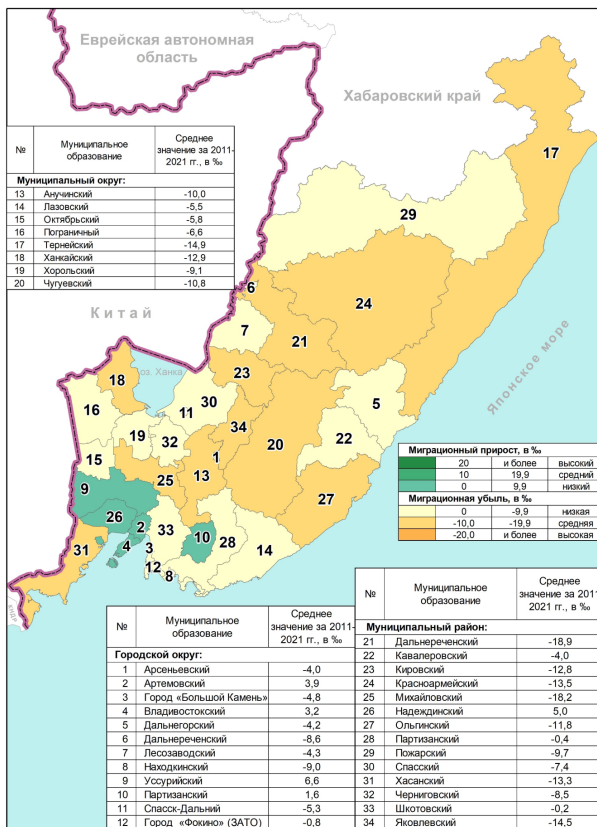

Рис. 3.25. Миграционное движение населения Приморского края, в среднем за 2011—2021 гг.²⁹

²⁹ Составители: М. М. Молохотко, Л. И. Рябина, В. А. Костык.

Начиная с 2020 г. преобладают территории со средней миграционной убылью. При этом их численность в первой группе к 2021 г. заметно снизилась. Положительные показатели сальдо миграции варьируют от 0,3 до 25,7%. В третьей группе представлены муниципалитеты с уровнем оттока более 10% (рис. 3.26).

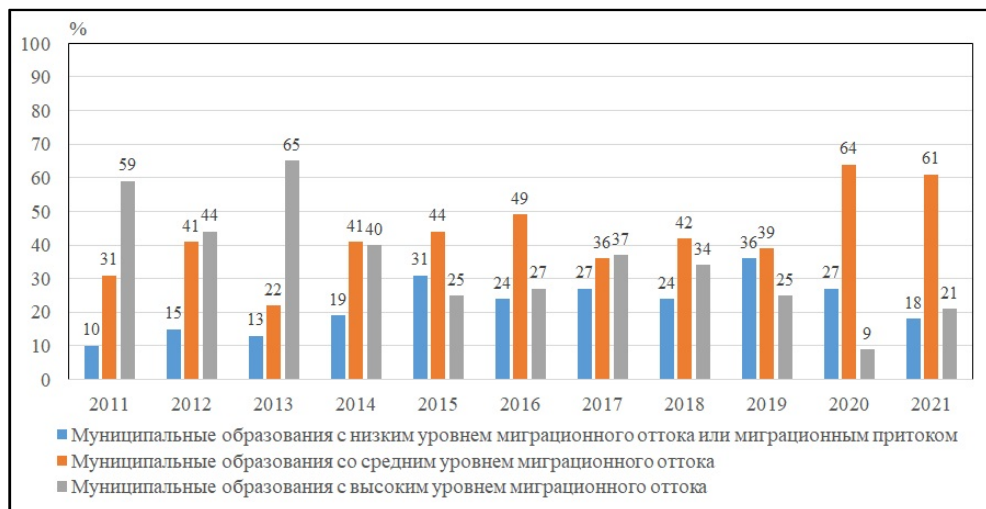

Рис. 3.26. Муниципальные образования Приморского края с разным уровнем сальдо миграции, 2011—2021 гг.

Позитивная динамика сальдо миграции в Надеждинском районе привлекает внимание — в 2021 г. она составила 25,7% (рост к 2019 г. более чем в 2 раза). Это связано с тремя основными факторами: деятельностью ТОР «Надеждинская» и близостью к Владивостоку, развитой транспортной инфраструктурой. Последние во многом определяют миграционную ситуацию Артемовского ГО. При этом нестабильная динамика характерна для всех ГО региона, а в МР преобладает отток населения.

Ведущая роль в миграционном приросте отводится международной миграции населения (из стран СНГ) и вспомогательной — внутрирегиональной. Наиболее значительный приток международных мигрантов характерен для Владивостока. Напротив, другой дальневосточный портово-промышленный Находкинский ГО испытывает значительную миграционную убыль населения, прежде всего вследствие неудовлетворительного уровня и качества жизни, проблем с экологией.

Проведенная группировка показала превалирование в приграничных регионах РДВ муниципалитетов с низким и средним уровнем оттока населения. Важной особенностью миграционного притока в отдельные МО макрорегиона является требование обеспечения национальной безопасности страны. Вследствие чего положительное сальдо миграции на данных территориях складывается за счет военнотружущих и членов их семей.

Административные центры дальневосточных регионов РФ выступают центрами притяжения внутрирегиональных мигрантов и стягивают население. Отдельное место при этом занимают Хабаровская агломерация как крупный промышленный центр и Владивостокская агломерация. Последняя привлекательна не только благодаря относительно комфортным природно-климатическим условиям проживания, но и в силу действующего статуса столицы ДФО. К тому же Владивосток выполняет функции главной базы Тихоокеанского флота России, является логистическим, судостроительным и туристическим центром, что предполагает наличие рабочих мест в различных отраслях, в том числе в сфере торговли, услуг и строительства. В результате Владивостокский ГО и Хабаровский ГО характеризуются более значительным притоком международных мигрантов.

В целом сложившаяся в муниципалитетах приграничных регионов ДФО ситуация свидетельствует о невысоком уровне их социально-экономического развития и недостаточно эффективном государственном и муниципальном управлении.

Факторы притяжения и выталкивания мигрантов

Участниками трудовых миграций на РДВ являются как жители других регионов страны, так и иностранцы — в этом сказывается влияние приграничного географического положения. До распространения пандемии COVID-19 и связанных с ней ограничений на мобильность в международной миграции в ДФО преобладали жители КНР, КНДР, стран Средней Азии и Закавказья. Несмотря на то что в 2022 г. ограничения сохранялись (особенно в китайском секторе трудовых миграций), в долгосрочной перспективе для приграничных регионов важную роль продолжит играть миграционная активность населения вышеуказанных стран.

Для жителей КНР, КНДР и среднеазиатских стран выбор дальневосточных регионов для трудовой миграции в немалой степени определяется фактором *пространственной близости и транспортной доступности* Дальнего Востока. Россия в пределах региона имеет государственную границу с КНР, Монголией и небольшой участок — с КНДР. Вдоль Государственной границы обустроены более двух десятков пограничных переходов [21], налажено прямое транспортное сообщение. Государства Средней Азии также имеют прямое транспортное сообщение с Камчатским, Приморским и Хабаровским краями, Амурской областью по воздуху и сухопутными видами транспорта.

Для мигрантов из стран — участниц ЕАЭС установлены трудовые права, приравнивающие их к гражданам РФ. Таким образом, *интеграционные процессы* в рамках ЕАЭС положительно влияют на трудовые миграции на РДВ.

Страны — основные поставщики трудовых мигрантов, как правило, трудоизбыточные с молодым населением и относительно невысоким уровнем развития и качества жизни, распространением безработицы. *Градиенты потенциалов (демографического и социально-экономического)* создают благоприятную среду в регионах РДВ для привлечения мигрантов из стран Сред-

ней Азии. По данным Мирового Банка, валовой национальный доход на душу населения (ППС) в 2021 г. в России превысил аналогичные в Киргизии — в 6,7 раза, Таджикистане — в 6,1 раза, Узбекистане — в 3,8 раза, Туркмении — в 2 раза [22]. Медианный возраст населения Таджикистана — 25,3 лет (в РФ — 40,3 лет), дети до 14 лет составляют 31 % (в РФ — 17 %). Похожая ситуация в Киргизии: медианный возраст — 27,3 лет, дети — 30 %, население старше 65 лет составляет менее 6 % [23]. Уровень безработицы в Киргизии — 9,1 %, Таджикистане и Узбекистане — более 7,2 %, Армении — 20,9 % [24].

Немаловажным для потенциальных иностранных трудовых мигрантов в регионы ДФО является наличие соответствующих этнических групп. Их представители имеют бизнес, контролируют отдельные сектора экономики; здесь, как правило, трудоустраиваются мигранты «своей» национальности, которые, в свою очередь, могут составить протекцию вновь прибывшим. Имеют значение родственные связи между мигрантами.

По данным ВПН — 2020, в ДФО проживали около 42 тыс. иностранных граждан. Из них 72 % — граждане Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Китая, Армении (табл. 3.1). В каждом из регионов ДФО заметна доля граждан КНР, самые высокие доли в ЕАО (19 %), Амурской области (18,7 %), Приморском крае (12,2 %) [26] — сказывается приграничное положение.

Таблица 3.1

**Гражданство иностранцев по приграничным регионам ДФО,
по данным ВПН 2020 г., % (выборочно)**

Гражданство	Забайкальский край	Камчатский край	Приморский край	Хабаровский край	Амурская область	Магаданская область	Сахалинская область	ЕАО
Азербайджан	3,0	5,0	2,1	4,1	2,3	1,2	3,2	9
Армения	6,8	3,0	9,6	6,3	9,2	2,3	6,3	7
Казахстан	2,1	1,2	0,6	1,4	1,5	5,6	1,5	0,0
Киргизия	22,7	26,4	3,0	6,1	6,4	6,6	31,0	0,0
Таджикистан	15,8	3,3	3,7	16,6	11,7	3,2	4,6	18
Туркмения	0,5	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0
Узбекистан	9,1	33,1	33,2	30,2	19,1	38,5	23,6	0,0
Китай	10,4	1,1	12,2	10,0	18,7	3,3	0,8	19,0

Китайские трудовые мигранты прибывают в основном из приграничной провинции Хэйлунцзян. Ее население — 31,8 млн чел., что в 5,2 раза превосходит численность всех регионов РДВ в совокупности. Среди мигрантов много работников со средним образованием, имеющих невысокий доход у себя в стране. Их трудовая деятельность дифференцирована по секторам: торговля, строительство, общественное питание, транспорт, сельское хозяй-

ство. Китайцы и северные корейцы, подолгу проживающие и работающие в регионе, неплохо освоили русский язык, предпочитают придерживаться своих традиций в повседневной жизни, в целом не проявляя активной культурной жизни. Мигранты из Средней Азии более или менее владеют русским языком, имеют представление о культурных особенностях в районах прибытия и принимают их.

Еще один стимул для въезда на территорию РДВ из сопредельных и соседних стран — *получение высшего образования*. Так, в Дальневосточном федеральном университете обучается около 1,5 тыс. граждан Китая, более 400 студентов из Узбекистана, а также других стран Средней Азии [27; 28].

Для трудовых мигрантов из других регионов России ни один из вышеназванных факторов в целом нельзя причислить к «факторам притяжения». Приграничный макрорегион теряет постоянное население, в том числе в трудоспособном возрасте, при этом не выделяясь среди прочих территорий какими бы то ни было преимуществами в наиболее значимых для потенциальных мигрантов сферах — экономической и социальной.

Для потенциальных мигрантов относительно благоприятный имидж Дальнего Востока может определяться большими размерами его территории, слабой заселенностью и освоенностью. Общая площадь восьми приграничных регионов составляет 2796,3 тыс. км² (40,2% от территории ДФО), и на ней проживает всего 6066,5 тыс. чел. (75% от населения округа) (2021 г.). Плотность населения составляет 2,2 чел./км², что почти в 4 раза ниже среднероссийского уровня (8,5 чел./км²). При этом население продолжает сокращаться (табл. 3.2). То, что с проблемами оттока населения, в том числе трудоспособного, сталкиваются «южные» регионы РДВ, обладающие определенными преимуществами для социально-экономического развития по сравнению с «северными» (климат, транспортная доступность и инфраструктурная обустроенность), свидетельствует о недостаточной «силе» указанных факторов для того, чтобы проявилась их аттрактивность. Реализуемые программы по повышению привлекательности макрорегиона пока не достаточно эффективны. Так, по данным Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, участниками программы «Дальневосточный гектар» на конец 2021 г. стали всего 96,6 тыс. чел., большинство из которых — дальневосточники [29].

Таблица 3.2

Площадь и некоторые показатели населения приграничных регионов ДФО

Приграничный регион	Площадь, тыс. км ²	Среднегодовая численность населения, тыс. чел.		Плотность населения, чел. на км ²	Городское население, %
		2011 г.	2021 г.		
Забайкальский край	431,9	1102,8	1043,5	2,4	69
Камчатский край	464,3	320,9	312,7	0,7	79

Окончание табл. 3.2

Приграничный регион	Площадь, тыс. км ²	Среднегодовая численность населения, тыс. чел.		Плотность населения, чел. на км ²	Городское население, %
		2011 г.	2021 г.		
Приморский край	164,7	1952,0	1863,0	11,3	78
Хабаровский край	787,6	1342,7	1299,0	1,6	82
Амурская область	361,9	825,1	772,5	2,1	68
Магаданская область	462,5	155,5	137,8	0,3	96
Сахалинская область	87,1	496,1	484,2	5,6	83
ЕАО	36,3	175,4	153,8	4,2	68

В целом население распределяется крайне неравномерно как в пределах приграничного макрорегиона, так и внутри отдельных его регионов. Территориальные диспропорции хозяйственного освоения сужают географические возможности потенциальных мигрантов в плане выбора мест проживания и трудовой деятельности.

Преимущественно индустриальный характер освоения территории обусловил высокую долю городского населения как для ДФО в целом (73%), так и в регионах (табл. 3.2). Расширение урбанизированной среды играет положительную роль для потенциальной трудовой миграции на РДВ. Города не только рынки труда, это центры образования, культуры, благоустроенная среда для жизни и коммуникации. Проблема в том, что преимущества городского образа жизни не являются повсеместными, сосредотачиваясь, главным образом, в нескольких ареалах.

Для значительной части потенциальных мигрантов из России дальневосточные регионы представляются обширной малонаселенной, с суровыми условиями выживания территорией, интересной лишь для временного пребывания с целью заработка. Подобные настроения характерны и для части собственно дальневосточников трудоспособного возраста с высоким уровнем образования, с той существенной разницей, что вопрос трудоустройства и зарабатывания средств существования для них связывается с другими российскими регионами, более привлекательными с точки зрения качества жизни. Обширные малонаселенные территории не рассматриваются как площадка для старта в первую очередь многими молодыми людьми с дипломами специалистов.

Природные особенности (рельеф, климат) большинства приграничных регионов ДФО не являются благоприятными для жизни людей, что сказывается на продолжительности жизни населения — в среднем по Дальнему Востоку в 2021 г. она составила 68,1 лет (в РФ — 70,1 лет) (рис. 3.27).

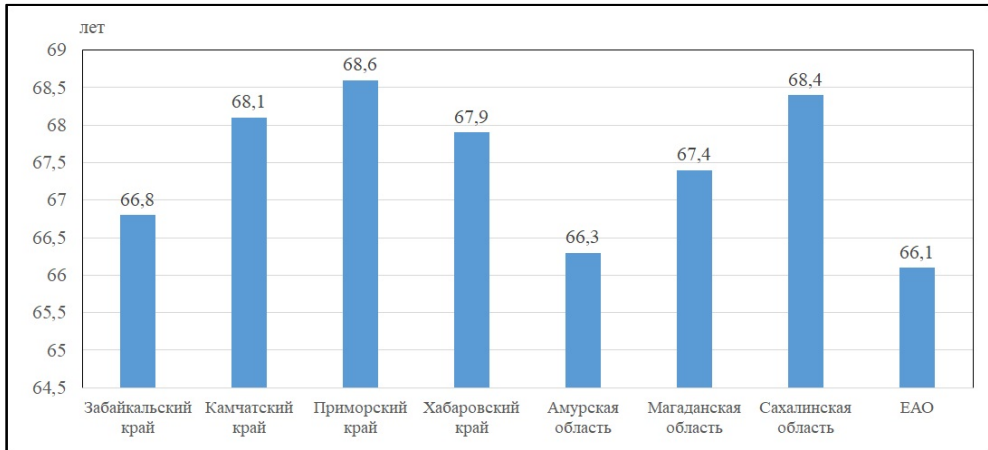

Рис. 3.27. Продолжительность жизни населения в приграничных регионах ДФО, 2021 г.

При этом население макрорегиона моложе, чем в стране в целом. Если для РФ доля людей в возрасте моложе трудоспособного составляет 19,8%, старше трудоспособного — 26,4%, то для ДФО — соответственно 20,8 и 21,6% [31]. В трудоспособном возрасте находится 4,7 млн чел., или 57,6% от общего числа жителей (для РФ — 56%): самая высокая доля на Камчатке (60,7%) и в Магаданской области (59,8%) (табл. 3.3).

Таблица 3.3

Доля населения в трудоспособном возрасте и показатели уровня жизни, 2021 г.

Приграничный регион	Население в трудоспособном возрасте		Среднедушевые денежные доходы населения, тыс. руб.	Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата, тыс. руб.
	Всего, тыс. чел.	%		
Забайкальский край	602,0	57,1	28,9	52,2
Камчатский край	189,3	60,7	60,2	93,9
Приморский край	1083,5	57,7	41,2	55,6
Хабаровский край	756,4	57,0	44,1	58,8
Амурская область	447,7	58,1	39,6	59,1
Магаданская область	83,1	59,8	75,5	112,9
Сахалинская область	277,4	57,1	63,9	94,3
ЕАО	88,8	56,7	30,4	50,1

Составлено по: *Трудовые ресурсы, занятость и безработица*. URL: https://rosstat.gov.ru/labour_force; *Уровень жизни*. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397>; *Рынок труда, занятость и заработная плата*. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 29.09.2022).

Важным фактором притяжения мигрантов в ДФО остаются *социально-экономические условия* труда и жизни людей, в том числе доходы населения, заработная плата и их динамика. Среднедушевые доходы населения ДФО в 2021 г. составили 42,2 тыс. руб. в месяц (3-е место после ЦФО и СЗФО [32]). Существенно выше доходы населения в приграничных регионах, специализирующихся на добыче природных ресурсов, — Магаданской и Сахалинской областях, Камчатском крае. В то же время доходы населения в Забайкальском крае и ЕАО значительно уступают среднему уровню по ДФО и РФ (40 тыс. руб.) (табл. 3.3). Для этих регионов суждение о «длинном дальневосточном рубле» является мифом. Относительно невысокие доходы при прочих издержках, имеющих отношение к социальной среде, можно отнести к факторам «выталкивания» населения, в том числе трудоспособного возраста. Однако территориями притяжения являются не только районы Центра и Юга России, но и соседние дальневосточные — Хабаровский и Приморский края.

В рейтинге регионов по *качеству жизни* ни одна дальневосточная территория не входит в первую двадцатку; при этом разброс между регионами значительный, что свидетельствует о резких контрастах качества жизни населения внутри самого ДФО (табл. 3.4). Из восьми регионов за 2020—2021 гг. рейтинговый балл и место в рейтинге снизились в Забайкальском (сразу на 3 пункта) и Хабаровском краях, а также Амурской области. В остальных регионах отмечена положительная динамика.

Таблица 3.4

Рейтинг регионов ДФО по качеству жизни и вводу жилья, 2021 г.

Регион	Качество жизни, балл		Ввод жилья, м ² на 1 жителя	
	2020	2021	2019	2021
Забайкальский край	84	81	80	80
Камчатский край	27	33	82	82
Приморский край	41	43	72	54
Хабаровский край	30	29	78	77
Амурская область	69	68	79	75
Магаданская область	50	55	84	83
Сахалинская область	26	28	19	7
Еврейская автономная область	82	83	81	81

Составлено по: *Рейтинг* регионов по качеству жизни — 2021. Инфографика // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220215/630216951.html> ; *Рейтинг* регионов РФ по вводу жилья в 2021 году. Инфографика // РИА Рейтинг. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220505/630221785.html> (дата обращения: 29.09.2022).

Важной составляющей качества жизни является жилищный вопрос. Общая площадь жилых помещений в ДФО в среднем на 1 жителя в 2021 г. со-

ставила 24,3 м² (27,8 м² для РФ), это 7-е место среди макрорегионов страны (ниже только в Северо-Кавказском ФО — 22,9 м²). Если принять во внимание жилую площадь, приходящуюся на 1 жителя дальневосточных городов и поселков городского типа, где проживает подавляющая часть населения, ДФО займет последнее место среди округов. Из общей площади введенного в действие жилья (2020 г. — 2555 тыс. м²) 25,4% приходится на Приморье, 17,2% — на Сахалинскую область, менее 1% — на Магаданскую область и ЕАО.

В рейтинге российских городов по вводу жилья (2021 г.), а значит и решению жилищной проблемы, Южно-Сахалинск занял 3-е место; что касается других дальневосточных городов, то ситуация выглядит не лучшим образом: Владивосток — 31-е место, Хабаровск — 69-е, Чита — 79-е, Благовещенск — 87-е, Биробиджан — 91-е, Магадан — 96-е, Петропавловск-Камчатский — 98-е [33].

Уровень потребления. По обороту розничной торговли лидируют Приморский и Хабаровский края, на которые в совокупности приходится около $\frac{2}{5}$ населения ДФО. При этом наибольшими объемами услуг розничной торговли в расчете на 1 жителя отличается Сахалинская область (339,7 тыс. руб.), в меньшей степени — Хабаровский и Приморский края, Амурская область. В других регионах он существенно ниже (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Некоторые характеристики качества жизни населения в регионах ДФО, 2020 г.

Приграничный регион	Оборот розничной торговли на 1 жителя, тыс. руб.	Объем платных услуг населению на 1 жителя, тыс. руб.	Потребительские расходы в среднем на душу населения (в месяц; тыс. руб.) и место в рейтинге
Забайкальский край	165,2	44,4	19,5 (64)
Камчатский край	202,8	93,5	33,7 (9)
Приморский край	231,5	71,3	27,9 (19)
Хабаровский край	279,5	91,7	34,2 (7)
Амурская область	246,5	60,5	27,3 (20)
Магаданская область	246,9	106,2	35,6 (5)
Сахалинская область	339,7	101,6	43,5 (2)
ЕАО	169,0	54,3	21,0 (55)

Аналогичная ситуация складывается и на рынке платных услуг — по абсолютным значениям лидируют Приморский и Хабаровский края. В расчете на душу населения самые значительные расходы за оказанные услуги несут жители Магаданской и Сахалинской областей, Камчатки и Хабаровского края, то есть регионов, население которых имеет самые высокие доходы. Но это не столько проявление обеспеченности и возможности жизни на «широкую ногу» богатых территорий, сколько необходимость оплачивать услуги

(например, транспортные и услуги ЖКХ) по более высоким ставкам и тарифам. В соответствии с рейтингом регионов РФ по доле расходов на оплату услуг ЖКХ, Камчатский край (14,2%) и Магаданская область (13,0%) несут самые значительные расходы в стране, занимая 83-ю и 85-ю позиции соответственно [34]. По потребительским расходам в среднем на душу населения ДФО занимает 3-е место среди макрорегионов РФ (после ЦФО и СЗФО). При этом шесть из восьми рассматриваемых субъектов РФ (за исключением Забайкальского края и ЕАО) входят в число 20 территорий с самыми значительными величинами расходов [35].

Безусловно, главным фактором притяжения мигрантов и, что даже предпочтительнее, удержания местного населения должна быть государственная стратегия социально-экономического развития РДВ. Развитие промышленности (горнодобывающая, металлургия, машиностроение, отрасли морского хозяйства), сферы услуг (туризм, образование), науки, внешнеэкономических связей, ориентированных на Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), повышение качества жизни населения могут стабилизировать численность местного населения и обеспечить привлекательность региона для мигрантов. В этих целях уже работают программы повышения трудовой мобильности, «Дальневосточная ипотека», «Дальневосточный гектар», «Земский доктор», «Земский фельдшер», «Земский учитель». Выделены 23 территории с налоговыми и административными преференциями. Привлечению инвестиций в социально-хозяйственный комплекс макрорегиона также способствует Восточный экономический форум. Учитывая международную ситуацию, сложившуюся после 24 февраля 2022 г., актуальным фактором притяжения, видимо, нужно считать современное геополитическое положение дальневосточных территорий, прежде всего их удаленность от района проведения СВО.

Пока же переломить тенденцию сокращения населения на Дальнем Востоке и отток трудоспособных возрастов в течение многих лет не удастся. Факторы выталкивания имеют больший вес, чем факторы притяжения.

Государственное регулирование привлечения, интеграции и закрепления, сдерживания оттока трудоспособного населения.

Государственные федеральные и региональные программы и механизмы

Острое демографическое неблагополучие РДВ и его связь с массовым миграционным оттоком населения макрорегиона уже в середине 1990-х гг. вполне осознавались и публично признавались органами государственной власти страны. Однако многие годы политика российского государства, касающаяся этих проблем, имела сугубо декларативный характер.

Только со второй половины 2000-х гг., в обстановке начавшегося «поворота на Восток» и значительного перераспределения в пользу дальневосточных регионов средств федерального бюджета, государственное регулирование становится заметным фактором миграционной динамики РДВ. Предпо-

ссылками к этому послужили нормативно-правовое оформление комплекса целей и задач федеральной миграционной политики в макрорегионе и постепенное пополнение арсенала инструментов ее реализации.

Начиная с первой относительно полно профинансированной программы развития РДВ — ФЦП «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Забайкалья» (Постановление Правительства РФ от 15.04.1996 г. №480) — последующие плановые документы макрорегионального уровня³⁰ в целом характеризовались преемственностью целей и задач в области народонаселения. Во всех программных документах этого уровня первоочередной задачей называлось прекращение оттока населения РДВ, а конечной, стратегической целью — увеличение численности его жителей. В различных конкретных формулировках в данных документах присутствовала и задача преодоления существующего в макрорегионе дефицита рабочей силы, решение которой связывалось с привлечением на РДВ трудовых мигрантов. Вместе с тем не учитывались следующие важнейшие вопросы: 1) приоритизация в миграционной политике интересов безопасности или развития макрорегиона, а в рамках развития — его экономического или социально-демографического направления; 2) соотношение естественного движения и миграции населения РДВ в его планируемой динамике; 3) определение географических и социальных источников миграционного прироста населения РДВ.

Названные вопросы в полной мере не были прояснены и в конкретизирующих макрорегиональные стратегии и программы документах территориального (программы социально-экономического развития субъектов ДФО РФ) и отраслевого (прежде всего, «Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.» (Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2017 г. № 1298-р)) планирования.

Ключевыми в целеполагании федерального центра в сфере миграционной политики на РДВ во второй половине 2000—2010-х гг. указывались следующие пункты:

1. Главным направлением в достижении цели увеличения населения РДВ в изучаемый период для государства являлось поддержание положительной динамики естественного прироста, а содействие миграционному приросту играло в целом вспомогательную роль.

³⁰ *Стратегия* социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. : распоряжение Правительства РФ от 28.12.2009 г. №2094-р ; *Государственная программа* РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» : распоряжение Правительства РФ от 29.03.2013 г. №466-р ; *Государственная программа* РФ «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» : утв. постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 г. №308 ; *Национальная программа* социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года ; *О мерах* по социально-экономическому развития Дальнего Востока : указ Президента РФ от 26.06.2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Если во второй половине 2000-х гг. миграционная политика на РДВ мотивировалась, прежде всего, обеспечением безопасности макрорегиона, то в дальнейшем в ней усиливаются интересы развития, причем экономическая составляющая в них постепенно уравнивается социальными задачами.

3. Декларируемая приоритетность межрегиональной миграции все более вытесняется на практике ставкой на привлечение на РДВ иностранных мигрантов из стран Центральной Азии.

4. В управлении межрегиональными потоками задачи переселения со временем уступают место решению текущих проблем рынка труда, что выражается в поощрении краткосрочной, вахтовой миграции в макрорегион.

Формирование инструментария регулирования миграции на РДВ происходило вне прямой связи с развитием его общих целей и задач и, как правило, со значительным запаздыванием. До середины 2000-х гг. регулирующая деятельность миграционных органов, органов внутренних дел и региональных властей носила в основном административно-рестриктивный характер [36] и фокусировалась на борьбе с нелегальной трансграничной миграцией, основанной на таких мерах, как квотирование, выдача разрешений на работу, наложение штрафов и депортация. Процесс разработки и внедрения инструментов закрепления населения и поощрения миграции на РДВ начался позже.

Первые шаги в этом направлении были сделаны в 2006 г. в рамках запущенной «Программы оказания содействия добровольному переселению в РФ соотечественников, проживающих за рубежом». Для участников программы, выбравших для переезда приграничные районы РДВ (вошедшие в категорию территорий «А»)³¹, была предусмотрена максимальная сумма подъемных. В дальнейшем экономическая поддержка переселенцев по данной программе неоднократно увеличивалась в объеме и пополнялась новыми преференциями.

В целях предотвращения оттока жителей РДВ было принято решение о субсидировании с 2010 г. пассажирских авиаперелетов между городами макрорегиона и центральной частью России. Объемы средств, выделяемых на реализацию этой меры, и степень охвата ею населения РДВ со временем также расширились.

Государственное стимулирование миграции в РДВ со второй половины 2010-х гг. характеризуется селективностью. Так, с 2015 г. семь регионов ДФО, участвующих в «Программе повышения мобильности трудовых ресурсов», получили возможность оказывать привлекаемым работникам финансовую поддержку в части компенсации затрат по переезду, подъемных, надбавок к зарплате и предоставления жилья. На привлечение российских граждан в сельские районы Дальнего Востока было нацелено введение в действие инструмента «Дальневосточный гектар». В 2016 г. право получения земельных участков в пользование, а по прошествии пяти лет в долгосрочную аренду или в собственность было сначала дано жителям ДФО, а с 2017 г. распростра-

³¹ С 2014 г. статус территорий приоритетного заселения был распространен на все регионы нынешнего ДФО, кроме Якутии.

нено и на жителей других территорий РФ. Содействовать закреплению населения РДВ был призван и механизм «Дальневосточной ипотеки» (с 2019 г.), предоставляющий молодым семьям дальневосточников право получения льготного ипотечного кредита на жилье [37; 38].

Частью селективной политики развития РДВ являлась и определенная либерализация условий привлечения в макрорегион трудовых мигрантов из-за рубежа. Согласно принятому в конце 2014 г. закону о ТОРах, их резидентам была предоставлена возможность использования иностранных работников без получения соответствующих разрешений и без учета действующих в РФ квот [39]. Эта преференция появилась на фоне общего смягчения административного контроля над трудовой миграцией из ближнего зарубежья³² и принятия с середины 2010-х гг. мер поощрения занятости в России квалифицированных и высококвалифицированных иностранных специалистов.

Вместе с тем ряд реализованных во второй половине 2000—2010-х гг. на РДВ регулирующих мер были направлены на сдерживание трансграничной миграции. Самыми значимыми среди них являлись установленный с 2007 г. запрет на ведение иностранцами розничной торговли и начавшееся с конца 2000-х гг. сокращение квот для привлекаемых на РДВ работников из стран дальнего зарубежья. Кроме того, с 2013 г. в нескольких регионах ДФО были введены запреты на трудоустройство иностранцев (из Китая и стран СНГ) в наиболее чувствительных с точки зрения обеспечения занятости местных жителей отраслях [40].

Несмотря на некоторый оптимизм [37] относительно эффективности государственного регулирования миграционных процессов на РДВ, выражающийся в сокращении оттока населения, большинство исследователей отмечает ограниченность эффектов дальневосточной миграционной политики, не позволяющих достичь заявленных правительством целей [36; 41; 42].

Сопоставление целевых показателей упоминавшихся выше плановых документов³³ с фактическими изменениями демографической ситуации на РДВ в 2010-х гг. дает возможность сделать несколько выводов. Прежде всего, планировавшаяся к 2020 г. стабилизация численности населения макрорегиона не произошла. Хотя в некоторых дальневосточных регионах (Сахалинская область, Забайкальский край, Чукотский АО) в отдельные годы фиксировался положительный общий прирост. На короткий период, с 2012 по 2016 г., большей части регионов РДВ, впервые с начала 1990-х гг., удалось вернуться к естественному приросту, однако ни один из регионов не смог добиться подобного результата в преодолении миграционной убыли. Вопреки планам, нулевого сальдо миграции к 2020 г. на РДВ достигнуто не было, и именно миграционный отток в другие регионы РФ оставался главным слагаемым сокращения численности населения макрорегиона.

³² В связи с введением так называемой «патентной системы» для въезжающих из безвизовых стран СНГ и формированием общего рынка труда в пределах ЕАЭС.

³³ В первую очередь наиболее содержательного из них — Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.

Таким образом, официальная статистика указывает не только на то, что в 2010-е гг. государство оказалось не способным остановить депопуляцию РДВ, но и на то, что самым слабым звеном в его политике являлось как раз регулирование миграционных связей макрорегиона. Географическая структура и соотношение объемов входящих и исходящих из макрорегиона миграционных потоков говорят о том, что в этот период они определялись в основном стихийными, рыночными силами, а не планами, разработанными правительством.

На наш взгляд, в качестве основных факторов, объясняющих низкую эффективность дальневосточной миграционной политики, необходимо выделить следующие:

1. Неясность приоритетов в государственном управлении демографическими, и в том числе миграционными, процессами на РДВ. Федеральному центру необходимо принять принципиальное решение о том, что увеличение населения макрорегиона направлено не на повышение его абстрактной безопасности, а на обеспечение социально-экономического развития, при котором параметры естественного и миграционного прироста на РДВ должны как можно точнее соответствовать целевой отраслевой и территориальной структуре его хозяйства.

2. Раздробленность и рассогласованность нормативно-правовой базы дальневосточной миграционной политики. Место десятков федеральных документов, с разных сторон бегло касающихся целей, задач и средств миграционной политики на РДВ, должен занять единый политико-правовой акт, упорядочивающий деятельность государства в этой сфере. В долгосрочной стратегии миграционной политики в макрорегионе, увязанной со стратегией его социально-экономического развития, цели, территориальные и отраслевые задачи, прямые и косвенные инструменты этой политики должны быть представлены в развернутом, систематизированном и субординированном виде.

3. Отсутствие институционального центра, руководящего реализацией миграционной политики на РДВ. Принятие стратегии миграционной политики на РДВ предполагает определение федерального органа³⁴, ответственного за ее выполнение. Такой орган должен располагать полномочиями и бюджетом, необходимыми для осуществления планирования, координации, мониторинга и контроля действий всех субъектов миграционной политики в пределах ДФО.

Список литературы

1. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX в. (1640—1917). М. : Наука, 1985. С. 89—91, 96—98.

2. Киреев А.А. Дальневосточная граница России: тенденции формирования и функционирования (вторая половина XIX — начало XXI в.). Владивосток : Изд-во ДВФУ, 2011. С. 99—100, 146—149.

³⁴ Это может быть Миграционная комиссия при Минвостокразвития РФ.

3. *Ващук А. С., Чернолуцкая Е. Н., Королева В. А. и др.* Этномиграционные процессы в Приморье в XX веке. Владивосток : ДВО РАН, 2002. С. 13—14, 73—79.
4. *Чернолуцкая Е. Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920—1950-е гг. Владивосток : Дальнаука, 2011. С. 312—313.
5. *Рыбаковский Л. Л.* Население Дальнего Востока за 150 лет. М. : Наука, 1990. С. 111, 116.
6. *История Дальнего Востока России.* Т. 3, кн. 4 / под общ. ред. В. Л. Ларина ; отв. ред. А. С. Ващук. Владивосток : Дальнаука, 2009. С. 127—183.
7. *Авдеев Ю. А., Сидоркина З. И., Бельская Е. Э. и др.* Проблемы населения Дальнего Востока. Владивосток : Дальнаука, 2004. С. 104—111.
8. *Ващук А. С., Друзяка А. В., Чернолуцкая Е. Н. и др.* Исторические проблемы социально-политической безопасности российского Дальнего Востока (вторая половина XX — начало XXI в.). Кн. 2. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2014. С. 64, 80, 85.
9. *Федоров Г. М., Осмоловская Л. Г., Кузнецова Т. Ю.* Типология приграничных регионов России // Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Ч. 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья : монография / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожейной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 37.
10. *Мотрич Е. Л.* Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. №3. С. 145.
11. *Киреев А. А., Рябинина Л. И.* Российско-китайское приграничное сотрудничество // Приграничное сотрудничество вдоль государственной границы России. Ч. 1: Регионы Дальнего Востока, Сибири, Урала и Поволжья : монография / под ред. А. П. Клемешева, Я. А. Ворожейной, И. С. Гуменюка, Г. М. Федорова. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2021. С. 126.
12. *Социально-экономическое положение Дальневосточного федерального округа в 2021 году / ФСГС.* М., 2022. С. 59.
13. *Образование в цифрах: 2020: краткий статистический сборник / Л. М. Гохберг, О. К. Озерова, Е. В. Саутина, Н. Б. Шугаль ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики».* М.: НИУ ВШЭ, 2020. С. 49.
14. *Кашицкий И. С., Мкртчян Н. В., Лешуков О. В.* Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // Вопросы образования. 2016. №3. С. 169—203.
15. *Торопова Т. А., Толстопятова И. А.* Проблемы привлечения и закрепления молодежи на территории Дальнего Востока России // Инновационный потенциал молодежи: глобализация, политика, интеграция. Екатеринбург, 2016. С. 474—477.
16. *Козлов Д. В., Платонова Д. П., Лешуков О. В.* Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов. М. : НИУ ВШЭ, 2017. 32 с.
17. *Шкуркин А. М., Луценко Е. Л.* Миграция российской молодежи в региональном измерении: дальневосточный ракурс // Уровень жизни населения регионов России. 2017. №2 (204). С. 78—82.
18. *Мотрич Е. Л.* Дальневосточный регион в демографическом пространстве России: пореформенный тренд // Пространственная экономика. 2017. №3. С. 145.
19. *Щербаков Д.* Дальний Восток продолжает терять население / Информационно-аналитическое агентство «Восток России». 11.02.2019. URL: <https://www.eastrussia.ru/material/vse-glubzhe-v-demograficheskuyu-yamu/> (дата обращения: 16.10.2021).

20. *Симагин Ю.А.* Территориальное распространение сильной депопуляции в России на муниципальном уровне // Народонаселение. 2018. Т. 21, №1. С. 63.

21. *Рой О.М.* Приграничные муниципалитеты Приморского края: состояние и перспективы // Регионалистика. 2022. №9 (2). С. 26—39.

22. ФГКУ Росгранстрой. URL: <https://www.rosgranstroy.ru/> (дата обращения: 16.10.2022).

23. ВНД на душу населения, ППС (текущий международный доллар). URL: <https://data.worldbank.org> (дата обращения: 16.10.2021).

24. Central Asia — The World Factbook. URL: <https://www.cia.gov/the-world-factbook/central-asia/> (дата обращения: 16.10.2022).

25. Уровень безработицы в Азии / TheGlobalEconomy.com. URL: https://ru.theglobaleconomy.com/rankings/Unemployment_rate/Asia/ (дата обращения: 16.10.2022).

26. Всероссийская перепись населения 2020 года / Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vprn_popul (дата обращения: 16.10.2022).

27. За прошедший год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10% / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/mezhdunarodnoe-sotrudnichestvo/51810/> (дата обращения: 16.10.2022).

28. Генконсул Узбекистана в России: В ДВФУ созданы лучшие условия для иностранных студентов // Дальневосточный федеральный университет : [сайт]. URL: https://www.dvfu.ru/news/international_cooperation/the_consul_general_of_uzbekistan_in_russia_in_fefu_created_the_best_conditions_for_foreign_students/ (дата обращения: 20.10.2022).

29. Около 100 тыс. человек стали участниками программы «Дальневосточный гектар» // ТАСС. 25.10.2021. URL: <https://tass.ru/obschestvo/12750267> (дата обращения: 20.10.2022).

30. Мигранты едут не только в Хабаровск // Тихоокеанская звезда. 01.03.2022. URL: https://toz.su/newspaper/realnaya_ekonomika/_migranty_edut_ne_tolko_v_khabarovsk/ (дата обращения: 25.10.2022).

31. Численность населения Российской Федерации по полу и возрасту. Статистический бюллетень // ФСГС. 2012—2021. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13284> (дата обращения: 25.10.2022).

32. Уровень жизни. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13397> (дата обращения: 25.10.2022).

33. Рейтинг регионов РФ по вводу жилья в 2021 году // РИА Рейтинг : [сайт]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220505/630221785.html> (дата обращения: 27.10.2022).

34. Рейтинг регионов по доле расходов населения на ЖКХ // РИА Рейтинг : [сайт]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20220905/630228702.html> (дата обращения: 27.10.2022).

35. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021 : стат. сб. / Росстат. М., 2021. С. 243

36. *Друзья А.В.* Система регулирования внешней миграции на Дальнем Востоке Российской Федерации (1991—2020 гг.) // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, №3. С. 114—129.

37. *Шмидт Ю.Д., Ивашина Н.В.* Оценка результативности новых инструментов миграционной политики в Дальневосточном регионе // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 905—908, 902—916.

38. Доступные меры поддержки // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики : [сайт]. URL: <https://rabota.ercd.ru/meripodderzhki> (дата обращения: 19.08.2022).

39. *О территориях* опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2014 г. №473-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

40. *Мицук С.Н.* Реализация современной миграционной политики на Дальнем Востоке России: федеральный и региональный аспекты // Региональная экономика: теория и практика. 2018. Т. 16, №6. С. 1033.

41. *Авдеев Ю.А.* Дальний Восток: как остановить отток населения и сделать его привлекательным? (полемические размышления) // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, №3. С. 299—313.

42. *Миграция* в демографическом развитии российского Дальнего Востока // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Т. 18, №1. С. 27—40.

Глава 3.2. Миграционные процессы в Российской Арктике

К Арктической зоне Российской Федерации (АЗРФ), согласно Указу Президента РФ от 13.05.2019 г. №220, относятся территории девяти субъектов РФ: Мурманской области, Ненецкого АО, Ямало-Ненецкого АО, Чукотского АО (полностью), Архангельской области, Республики Карелия, Коми Республики, Республики Саха (Якутия) и Красноярского края (частично) (табл. 3.6).

Таблица 3.6

Территории АЗРФ³⁵

Субъект РФ	Арктические территории
Мурманская область	Полностью
Ненецкий АО	
Ямало-Ненецкий АО	
Чукотский АО	
Республика Карелия	Беломорский муниципальный район; Лоухский муниципальный район; Кемский муниципальный район
Республика Коми	ГО Воркута
Архангельская область	ГО Архангельск; ГО Новодвинск; ГО Северодвинск; Мезенский муниципальный район; Онежский муниципальный район; Приморский муниципальный район
Красноярский край	ГО Норильск; Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район; Туруханский район

³⁵ В границах, обозначенных в Указе Президента РФ «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 02.05.2014 г. №296 “О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации”» от 13.05.2019 г. №220. URL: <https://docs.cntd.ru/document/554515440> (дата обращения: 15.09.2022).

Окончание табл. 3.6

Субъект РФ	Арктические территории
Республика Саха (Якутия)	Абыйский улус (район); Аллайховский улус (район); Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район); Булунский улус (район); Верхнеколымский улус (район); Верхоянский район; Жиганский национальный эвенкийский район; Момский район; Нижнеколымский район; Оленекский эвенкийский национальный район; Среднеколымский улус (район); Усть-Янский улус (район); Эвено-Бытантайский национальный улус (район)

Тема миграции в Российской Арктике чрезвычайно актуальна в научной среде, что связано со стремительными темпами депопуляции населения в северных циркумполярных регионах в постсоветский период. В целях привлечения внимания государственных структур к проблемам народонаселения северных рубежей страны к обозначенной теме систематически обращаются экономисты в рамках осмысления состояния человеческого потенциала в целом и трудовых ресурсов в частности как основы поступательного социально-экономического развития [1—3]. Отдельный фокус исследований направлен на изучение особенностей долговременной трудовой миграции — работников ресурсодобывающих предприятий, портов и морской инфраструктуры, а также военных [4—6]. Очевидно повышенное внимание специалистов в области демографии, социологии и миграциологии [7—10]. Однако в настоящее время слабо представлены исследования, связанные с выявлением влияния приграничного положения на миграционную ситуацию в регионе и анализом муниципального уровня миграции [11—12], что актуализирует настоящее исследование.

Территориальные рамки настоящего исследования сознательно ограничиваются восемью арктическими субъектами РФ и их территориями, входящими в Арктическую зону Российской Федерации. Республика Карелия исключена из анализа в связи с тем, что на этой территории ключевые миграционные тренды тяготеют к Балтийскому региону.

Малозаселенные территории Российской Арктики издавна прирастали населением преимущественно за счет миграции. Особенно интенсивно этот процесс происходил в XX в., в период 1920—1980 гг. Богатые природными ресурсами территории являлись источником валютных резервов страны. Поощрение въездной миграции в регион осуществлялось как принудительными (преобладала в 1920—1930-х гг., когда на Север массово высылали лиц, признанных опасными для советского общества), так и поощрительными методами (разнообразная система социальных льгот и гарантий для лиц, работа-

ющих в районах Крайнего Севера). Анализ данных Всесоюзных переписей населения свидетельствует, что численность населения этих территорий за 1926—1989 гг. возросла в 5 раз — до 10,2 млн чел.

Диаметрально противоположная демографическая тенденция начинает проявляться с 1990-х гг. Обусловлено это было общим курсом государства на либерализацию и внедрение рыночных механизмов в экономике: Россия отказалась от поддерживающей модели государственной региональной политики в пользу курса на самокупаемость территорий через освоение богатейших природных ресурсов Арктики вахтовым методом. Для северных территорий с неблагоприятными климатическими условиями, более затратным производством и дороговизной жизни в целом это оказало неблагоприятное влияние. Многие из них в короткие сроки превратились в депрессивные регионы. Нивелировались социальные льготы и гарантии для проживающих в районах Крайнего Севера. Как следствие, существенно сократился естественный прирост населения, начался массовый выезд трудоспособного населения из арктических регионов. Оттоку населения содействовала и реализация с 2002 г. Федерального закона «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей» (ФЗ РФ № 125 от 25.10.2002), который с определенными коррекциями продолжает действовать в настоящее время. В результате общая численность населения в девяти арктических субъектах РФ за 1989—2010 гг. сократилась почти на 22 % (табл. 3.7). Более 40 % из них в связи с миграционным оттоком [13].

Таблица 3.7

**Динамика численности населения в Российской Арктике
в 1989—2021 гг., тыс. чел.**

Регион	1989	2010	2010 к 1989, %	2011	2021	2021 к 2011, %
Республика Карелия	791,3	643	-18,7	639,7	603,1	-5,7
Республика Коми	1261,0	899	-27,7	889,8	803,5	-9,7
Архангельская область	1570,3	1183,0	-24,7	1171,1	1070,0	-8,6
Ненецкий АО	54,8	42	-23,4	42,4	44,5	+5,0
Мурманская область	1146,8	794	-30,8	788,0	724,5	-8,1
Ямало-Ненецкий АО	486,2	525	+8,0	536,6	552,1	+2,9
Красноярский край	3596,3	2829,0	-21,3	2838,4	2849,0	+0,4
Республика Саха (Якутия)	1081,4	958	-11,4	955,8	992,1	+3,8
Чукотский АО	157,5	51	-67,6	51,0	50,1	-1,8
<i>Всего</i>	10145,6	7924,0	-21,9	7912,8	7688,9	-2,8

Во втором десятилетии XXI в. темпы депопуляции населения арктических территорий существенно снизились. За 2011—2021 гг. общая численность населения в арктических субъектах РФ сократилась лишь на 2,8 %. В Ненецком АО, Ямало-Ненецком АО, Красноярском крае и Республике Саха (Якутия) обозначилась положительная динамика воспроизводства населения. Однако позитивные изменения были обусловлены преимущественно естественным приростом населения (рис. 3.28).

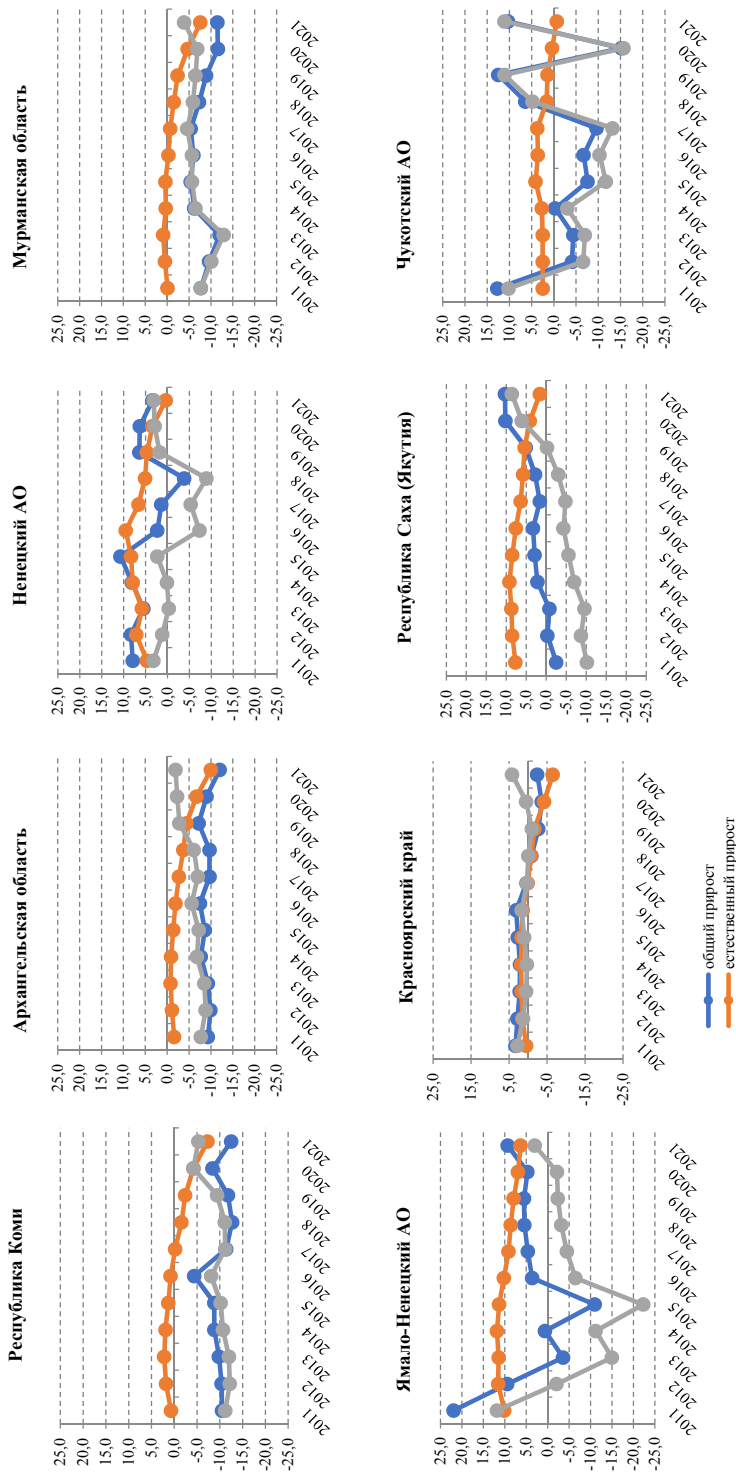

Рис. 3.28. Динамика общего, естественного прироста регионов АЗРФ

Источник: *Численность и миграция населения Российской Федерации* / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium> (дата обращения: 18.10.2022).

Более наглядно это наблюдалось в регионах концентрации коренных малочисленных народов, среди которых сохранялись традиционные репродуктивные установки. Мощный импульс росту рождаемости во всех регионах страны был дан в 2007 г. государственной программой поддержки семей, воспитывающих детей.

Общие потери от миграции за 2011—2020 гг. в арктических субъектах РФ составили 270 тыс. чел. В целом, небольшая положительная миграционная динамика на протяжении 2011—2021 гг. характерна лишь для Красноярского края. В Республиках Карелия, Коми, Архангельской и Мурманской областях миграционная убыль устойчиво сохраняется в исследуемый период, однако темпы миграционного оттока населения сокращаются. В свою очередь, Республика Саха (Якутия) преодолела миграционную убыль населения и с 2019 г. демонстрирует положительную динамику. Скачкообразный характер миграционного прироста наблюдается в Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском округах. Положительные значения сальдо миграции резко сменяются на отрицательные в 2012—2017 гг., однако с 2018 г. вновь уходят в плюс.

Наибольшую миграционную активность, как среди прибывших, так и выбывших, проявляет молодежь в возрасте 17—27 лет (80—95 %) (рис. 3.29). В Архангельской, Мурманской областях, Республике Коми, Ямало-Ненецком АО интенсивность убытий и прибытий в данной группе превышает 100 %, а в Чукотском АО — 140—160 % (рис. 3.30) Причины данного тренда понятны: выбор места учебы, поиск более высокооплачиваемой работы, возможность для профессионального и карьерного роста.

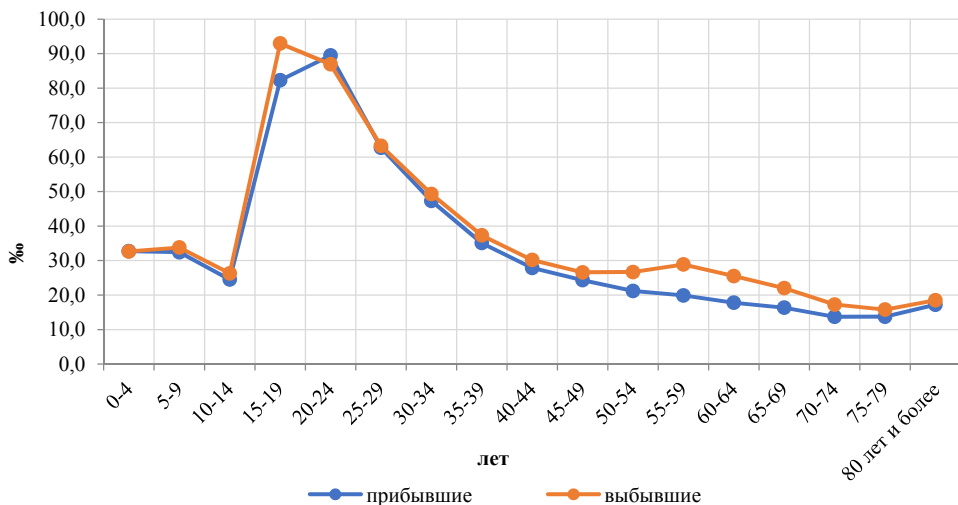

Рис. 3.29. Возрастной профиль мигрантов по регионам АЗРФ, в среднем в 2011—2020 гг.

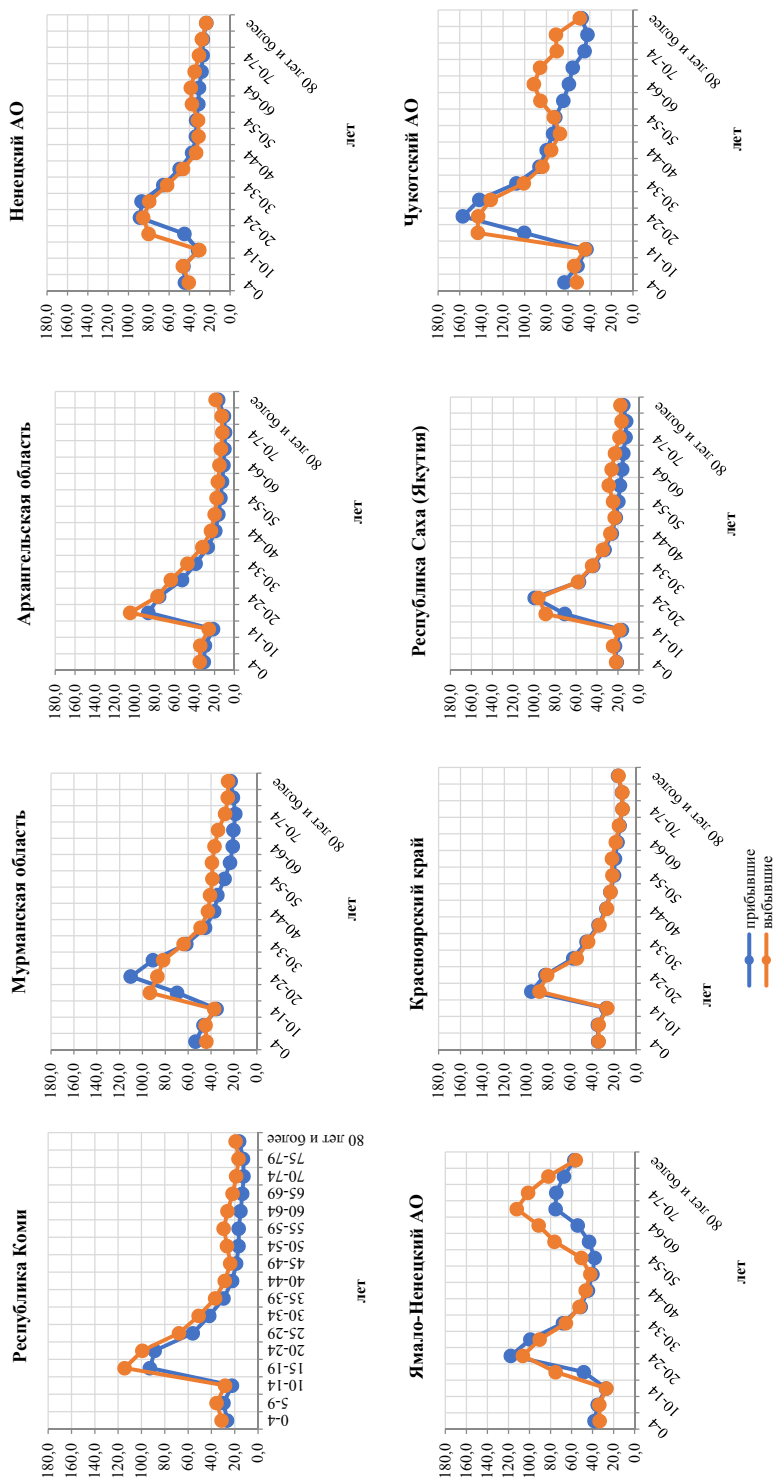

Рис. 3.30. Возрастной профиль мигрантов в регионах АЗРФ, в среднем в 2011—2020 гг., %

По мере увеличения возраста миграционная активность постепенно снижается. Так, если среди людей в возрасте 30—34 лет в территориальные перемещения вовлекается около 50 человек на 1 тыс. населения соответствующего возраста, то в возрасте 50—54 лет — вдвое меньше.

Дальнейший спад миграционной мобильности типичен для лиц, завершивших трудовую деятельность. В субъектах РФ, где значительную роль играют внутрирегиональные перемещения (Архангельская область, Республика Коми, Красноярский край, Республика Саха (Якутия)) лишь 20 человек на 1 тыс. лиц соответствующего возраста решаются на перемену места жительства. В регионах с преобладанием межрегиональной миграции (Мурманская область, Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Чукотский АО) эти показатели в 2—3 раза выше. По завершении трудовой деятельности люди возвращаются на свою историческую родину или переезжают в регионы с более благоприятными климатическими условиями. В этой категории интенсивность территориальных перемещений существенно выше среди лиц в возрасте 55—64 лет. К примеру, в Ямало-Ненецком АО и Чукотском АО интенсивность выбытий в возрасте 55—69 лет достигает 80—112 %.

Удельный вес лиц трудоспособного возраста среди прибывших во всех регионах превышает 70 %, за исключением Ямало-Ненецкого и Чукотского АО (свыше 80 %). Однако во всех регионах, за исключением Архангельской области, имеет место тенденция его сокращения: от 19 % в Ямало-Ненецком АО и 9 % в Чукотском АО, до 3 % в большинстве других (рис. 3.31).

В структуре выбывших прослеживается аналогичная тенденция, что объясняется стабилизацией социально-экономической ситуации в арктических регионах, появлением новых рабочих мест. Одновременно арктические территории прирастают старожильческим населением, которое, как правило, предпочитает оставаться в обжитых родных краях, где успело обрести комфортными для себя социальными связями и контактами (рис. 3.32).

В среднем по арктическим регионам удельный вес лиц моложе трудоспособного возраста среди прибывающих стабильно не превышает 20 %. Положительная динамика проявляется лишь в Красноярском крае, Республике Саха (Якутия), Ямало-Ненецком и Чукотском АО, где удельный вес этой возрастной группы среди прибывающих увеличился за 2011—2020 гг. на 5—7 пп. В плане улучшения миграционной ситуации это позитивный знак, так как свидетельствует о том, что прибывающие отдают предпочтение долгосрочной миграции и переезжают в регион со своими семьями.

В то же время на фоне оттока лиц трудоспособного детородного возраста отмечается повсеместное увеличение доли лиц молодых возрастов и в структуре выбывших — на 3—6 пп.

Среди прибывающих в суровую климатическую зону незначителен удельный вес лиц старше трудоспособного возраста (6—10 %), однако в 2015—2017 гг. этот показатель дал динамику роста. Особо ощутимо за 2011—2020 гг. он возрос в Ненецком АО (на 8 %), Ямало-Ненецком АО (на 13 %), Мурманской области (на 5 %), Чукотском АО (на 4 %).

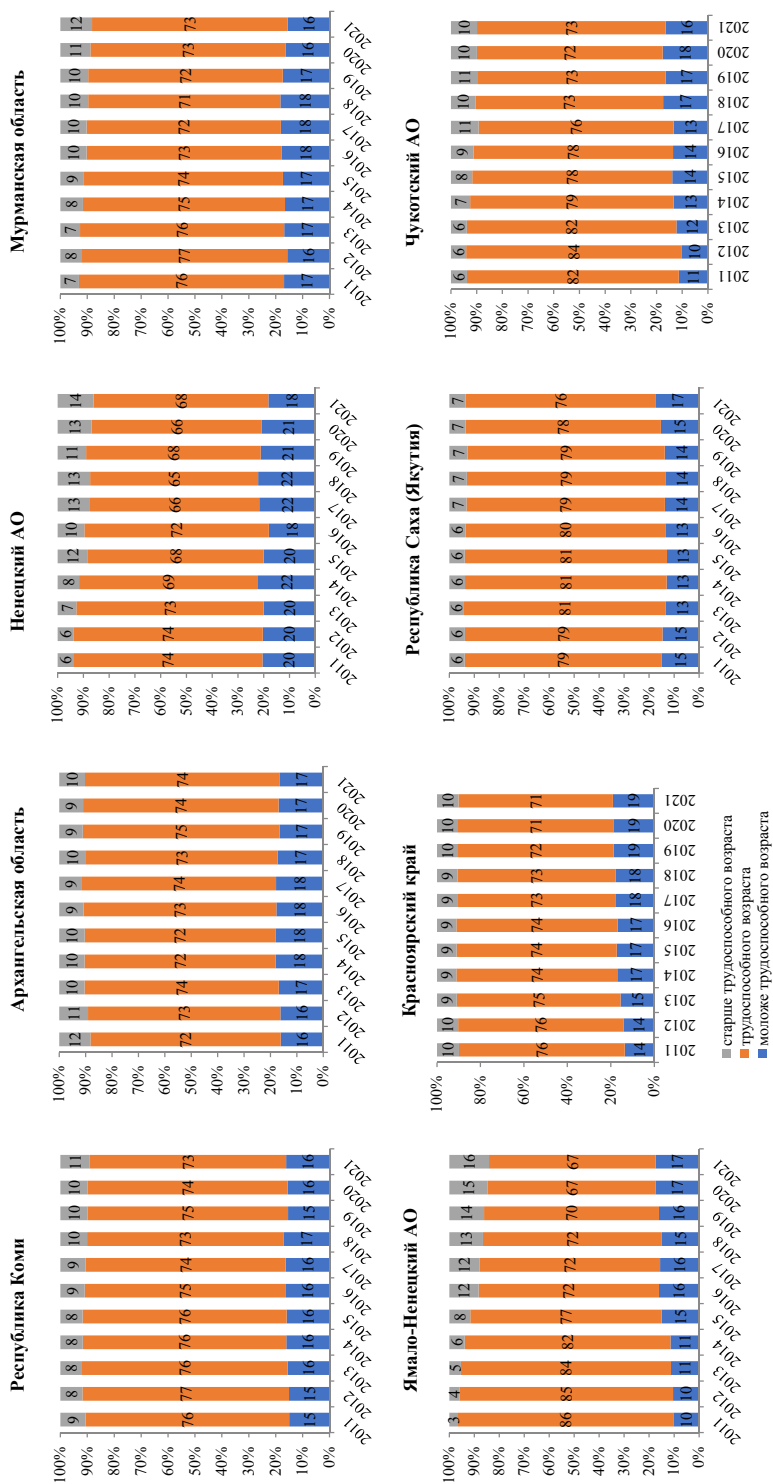

Рис. 3.31. Возрастной состав прибывших в регионы АЗРФ, 2011—2021 гг.

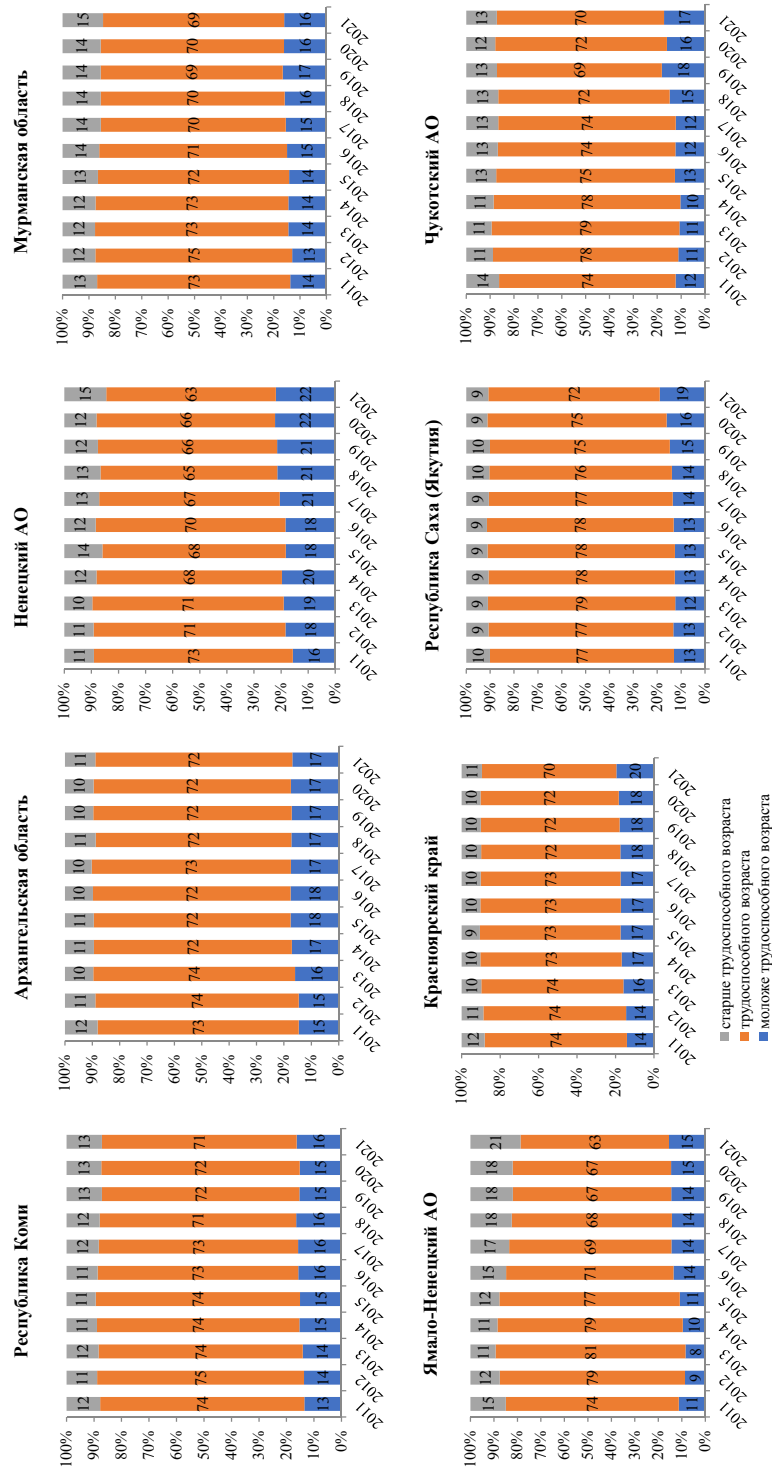

Рис. 3.32. Возрастной состав выбывших из регионов АЗРФ, 2011—2021 гг.

Очевидна тенденция оттока лиц старше трудоспособного населения. Во всех исследуемых регионах эта возрастная группа, за исключением Республики Саха (Якутия), превышает 10%, а в Ямало-Ненецком АО в 2020 г. достигла 21% всех выбытий. В то же время в четырех арктических субъектах РФ (Республика Коми, Мурманской области, Ненецком АО и Ямало-Ненецком АО) доля населения данной возрастной группы увеличилась и в структуре прибывших. В остальных регионах, где значителен удельный вес старожильческого населения, показатели стабильные, в пределах 9—13%.

В целом очевидна тенденция старения прибывающих мигрантов в Мурманской области, Ненецком, Ямало-Ненецком и Чукотском округах на фоне уменьшения доли лиц старших возрастов среди выбывающих. Это связано с возвращением в регион лиц, ранее выехавших. Как свидетельствует практика, северяне за долгие годы жизни в регионе успели адаптироваться к климатическим условиям, они плохо переносят жаркий климат, поэтому вынуждены возвращаться на родину. Ментально-психологические установки северян и южан имеют свои особенности, в связи с чем на новом месте жительства им сложно обзавестись социальными связями и контактами. И наконец, существенное влияние на принятие решения о возвращении оказывает такой фактор, как уменьшение размера пенсии. При переезде в южные регионы пенсионерам прекращается выплата районного коэффициента к пенсии. В районах Крайнего Севера и приравненных к ним этот коэффициент в зависимости от климатических условий составляет 1,2—2,0³⁶.

Анализ данных по направлениям передвижения мигрантов свидетельствует, что в целом в Российской Арктике замещение трудоспособного населения происходит преимущественно за счет внутрирегиональных перемещений. Заметную роль в укреплении трудового потенциала арктических территорий играет международная миграция. Удельный вес прибывших из-за рубежа (главным образом стран СНГ) составляет 10,4%, тогда как среди выбывших — лишь 5,5%.

По направленности миграционных потоков можно выделить следующие типы регионов (рис. 3.33, 3.34):

- с преобладанием внутрирегиональных миграций: Архангельская область, Красноярский край, Республика Саха (Якутия);
- с преобладанием межрегиональных миграций: Мурманская область, Ямало-Ненецкий и Чукотский АО;

³⁶ *О размерах районных коэффициентов к заработной плате работников непродовольственных отраслей в районах Крайнего Севера и приравненных им местностях*: информационное письмо Департамента по вопросам пенсионного обеспечения Минтруда РФ от 09.06.2003 г. № 1199-16, Департамента доходов населения и уровня жизни Минтруда РФ от 19.05.2003 г. № 670-9, ПФ РФ от 09.06.2003 г. № 25-23/5995. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&ts=Hn007JTg5uPDzLh21&cacheid=C066D64600B99EBAF358FBE0F1211434&mode=splus&rnd=r1S8A&base=LAW&n=43645&dst=1000000001#R307JTouFa3L2oW2> (дата обращения: 02.10.2022).

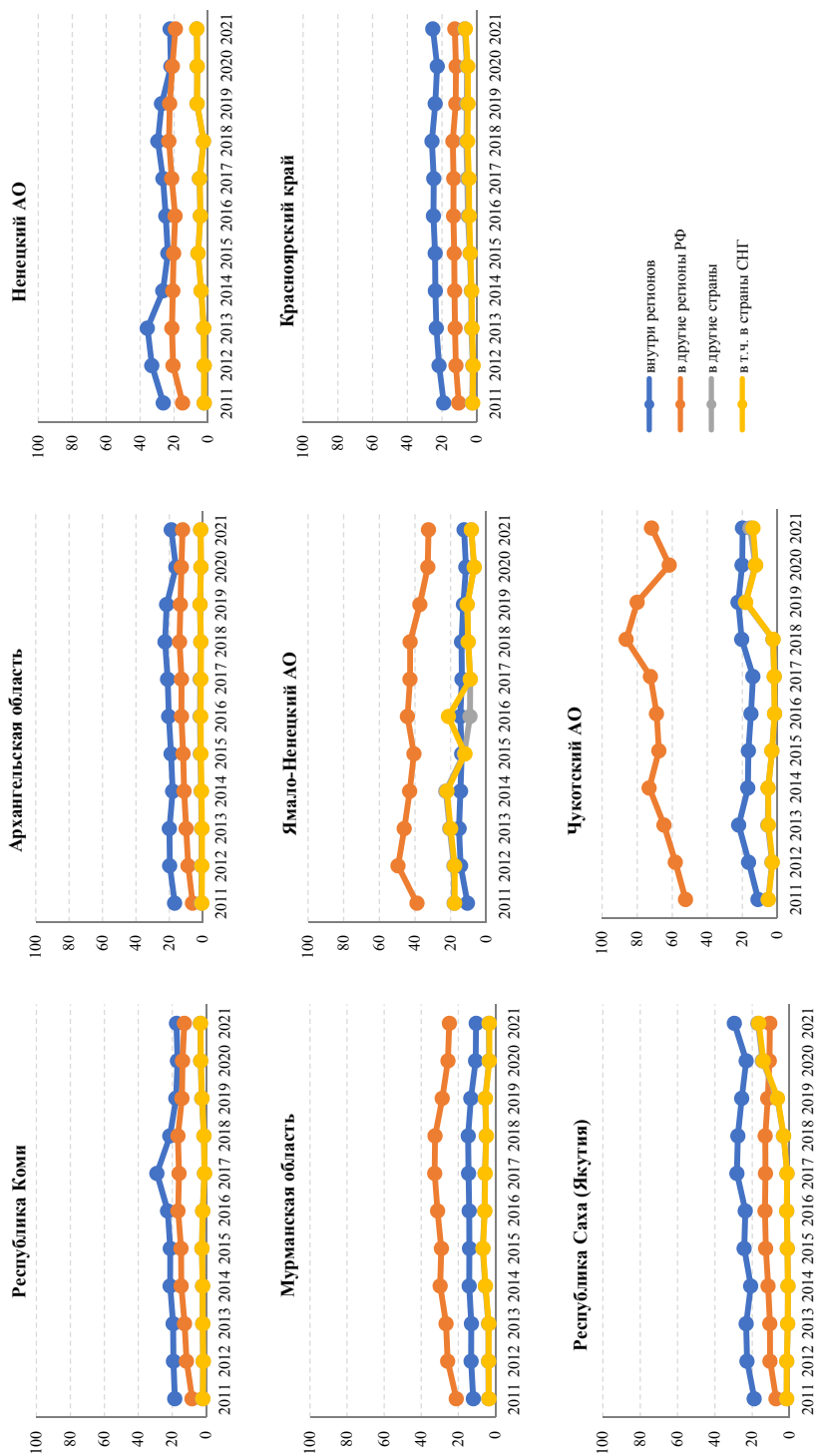

Рис. 3.33. Интенсивность прибытий в регионы АЗРФ, %

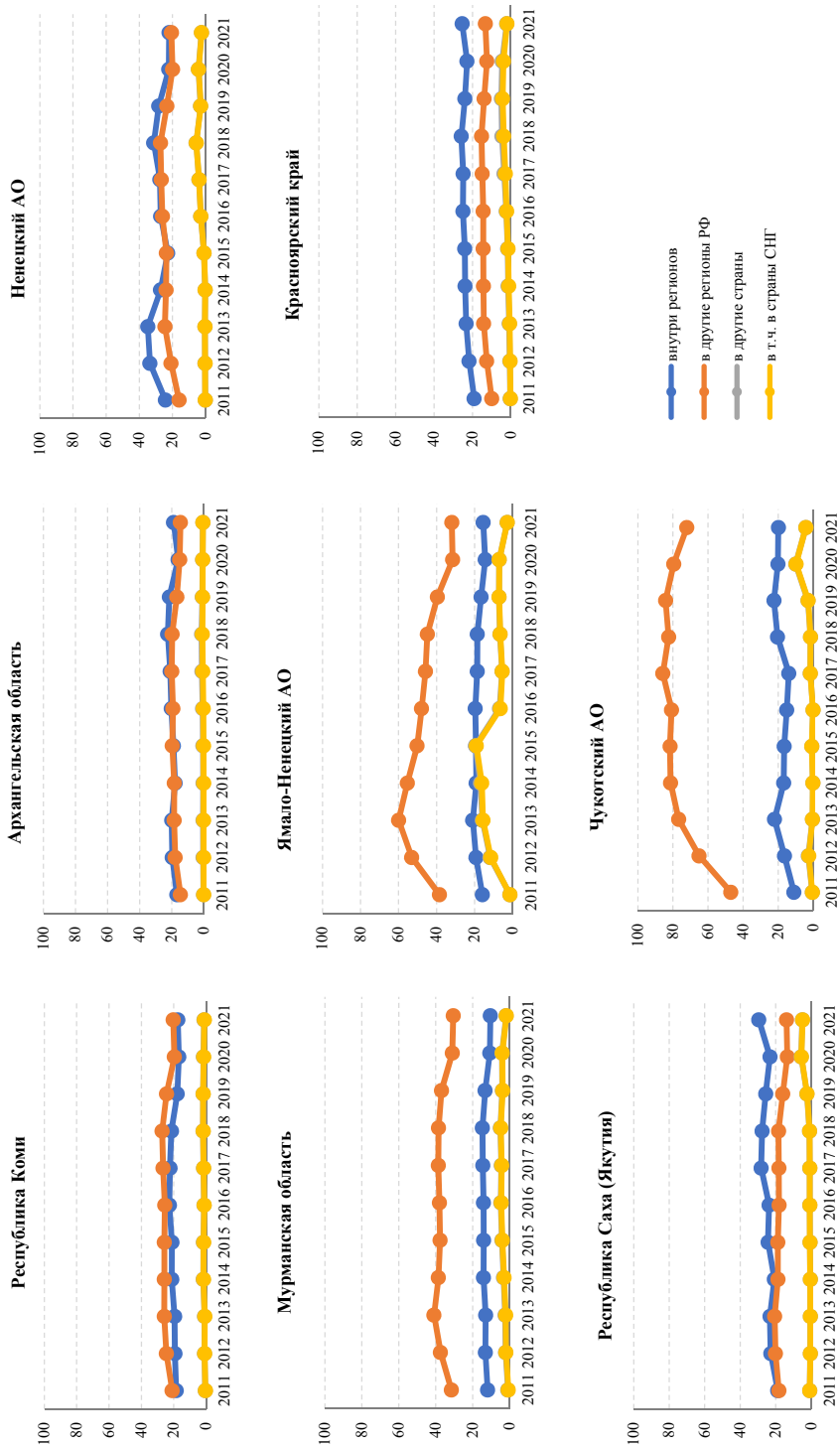

Рис. 3.34. Интенсивность выбытий из регионов АЗРФ, %

— характеризующиеся преобладанием внутрирегиональной миграции в структуре прибытий и межрегиональной миграции — в структуре выбытий: Республика Коми;

— характеризующиеся преобладанием внутрирегиональной миграции в структуре прибытий и внутрирегиональной и межрегиональной миграции — в структуре выбытий: Ненецкий АО.

В целом по исследуемым территориям миграционный прирост международных мигрантов за 2011—2021 гг. составил почти 154 тыс. чел., что играет определенную роль в замещении трудоспособного населения в Мурманской области, Республиках Коми и Саха (Якутия), Красноярском крае, Ямало-Ненецком и Чукотском АО. Однако их удельный вес среди прибывающих в среднем превышает 10% лишь в Мурманской области, Ямало-Ненецком АО и Красноярском крае. В 2019—2021 гг. обозначилась тенденция увеличения доли международных мигрантов среди прибывающих в Ненецком и Чукотском округах, Красноярском крае и Республике Саха (Якутия). Противоположная динамика проявляется в Ямало-Ненецком АО.

В то же время для миграции в другие зарубежные страны, кроме СНГ, характерна миграционная убыль, которая за 2011—2021 гг. по восьми арктическим регионам составила 21,6 тыс. чел. Чаще всего эти выбытия связаны с эмиграцией, прежде всего, в сопредельные страны, с которыми Российская Арктика имеет сухопутные (Мурманская область) и морские границы. Этому также способствует развитие приграничного сотрудничества в европейской части Российской Арктики (например, в рамках Баренцева/Евроарктического сотрудничества), в том числе на муниципальном уровне (например, Совет северных приграничных муниципалитетов в Киркенесе), и содействие академической мобильности (в рамках Университета Арктики (UArctic)³⁷ при посредничестве Арктического Совета). Проводимые опросы среди обучающихся Северного (Арктического) федерального университета (САФУ), участвовавших в международных программах академической мобильности с целью семестрового и краткосрочного обучения в странах Северной Европы, свидетельствуют, что 30—50% из них мотивированы к дальнейшей учебе в магистратуре за рубежом. Еще одним фактором, стимулирующим территориальные перемещения в страны Северной Европы, стало введение в 2008 г. новых визовых правил для въезжающих в страну жителей российского Поморья — Архангельской, Мурманской областей и Ненецкого АО. Жители этих субъектов РФ могли получать многократные визы сроком действия 5 лет.

Следует признать, что все эти программы международного взаимодействия финансировались преимущественно североευропейскими странами и являлись в определенном смысле инструментом «мягкой силы». Вместе с тем расширение международного сотрудничества на региональном и муниципальном уровне содействовало развитию деловых взаимодействий и контак-

³⁷ *Арктик-фонд. Сеть «Арктический университет»*. URL: <https://arctic.narfu.ru/infologia-arktiki/nauka-i-obr-v-arktike/set-arkticheskij-universitet> (дата обращения: 29.10.2022).

тов на межличностном уровне. Возросло взаимопонимание между народами. На фоне СВО России на Украине многие обозначенные программы сотрудничества приостановлены, но не прекращены полностью.

В целом в странах Северной Европы, особенно в Финляндии и Норвегии, значителен удельный вес выходцев из регионов России. По данным на конец 2020 г., на постоянной основе в Финляндии проживало более 84 тыс. чел. Русскоязычная группа оказалась самой большой иноязычной группой³⁸. Именно русские мигранты чаще всего подают прошение на получение статуса временного резидента, а самыми популярными основаниями для этого являются вступление в брак (43%), трудоустройство (32%), обучение (22%)³⁹. А города Киркенес и Тромсё считаются «русскими городами» из-за широкого распространения здесь русской речи⁴⁰.

Образовательный уровень мигрантов довольно высок: в среднем по АЗРФ свыше 55% мигрантов имеют полное и неполное высшее и среднее профессиональное образование (табл. 3.8).

Таблица 3.8

Структура мигрантов по уровню образования, в среднем за 2011—2021 гг., %

Регион	Прибывшие			Выбывшие		
	с ВО*	с СПО**	Всего	с ВО*	с СПО**	Всего
Республика Коми	26,5	27,6	54,1	29,43	27,9	57,3
Архангельская область	26,7	27,9	54,6	29,2	27,4	56,6
Ненецкий АО	38,1	28,1	66,2	36,6	27,2	63,8
Мурманская область	35,0	31,2	66,2	36,7	30,0	66,7
Ямало-Ненецкий АО	34,6	32,6	67,2	35,55	31,7	67,3
Красноярский край	25,1	26,8	51,9	26,7	26,9	53,6
Республика Саха (Якутия)	27,8	23,8	51,6	30,1	24,5	54,6
Чукотский АО	35,6	27,1	62,7	35,9	27,2	63,1
В среднем Российская Арктика	28,0	28,0	56,0	30,0	27,9	57,9

Примечание: * — с высшим и неполным высшим образованием, ** — со средним профессиональным образованием.

Однако в конкретно-региональном измерении показатели по уровню образования мигрантов дифференцируются (рис. 3.35, 3.36). В регионах, где

³⁸ В Финляндии пересчитали русскоязычных жителей // РБК. 05.04.2021. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/05/04/2021/606adfad9a794751c8cfc1ea (дата обращения: 29.10.2022).

³⁹ Жизнь русских в Финляндии // Zaganportal. URL: <https://zaganportal.ru/finliandia/zhizn-finliandia/zhizn-russkix-v-finlyandii.html> (дата обращения: 29.10.2022).

⁴⁰ Русская столица Норвегии // Национальный акцент. 29.09.2019. URL: <https://nazaccent.ru/content/31051-russkaya-stolica-norvegii.html> (дата обращения: 29.10.2022); Русский акцент — как смешанные семьи в Норвегии сохраняют знание языка // РИА-новости. 03.03.2018. URL: <https://ria.ru/20180303/1515668756.html> (дата обращения: 29.10.2022).

межрегиональные перемещения более выражены, они превышают 60%. Напротив, там, где преобладают внутрорегиональные перемещения из сельских районов в городские — ниже средних значений по региону.

В целом очевиден отток высококвалифицированных специалистов из региона. Практически во всех арктических регионах, за исключением Ненецкого АО, удельный вес выбывающих выше, чем прибывающих. В Мурманской области отток специалистов со средним профессиональным образованием частично компенсируется въезжающими в область.

За 2011—2021 гг. чистая миграционная убыль лиц с неполным и полным высшим образованием (с учетом перемещающихся между регионами АЗРФ) в арктических регионах составила 137,7 тыс. чел., лиц со средним профессиональным образованием — 69,1 тыс. чел.

Арктическая зона Российской Федерации включает в себя 23 городских образования и 34 муниципальных района⁴¹. Анализ динамики коэффициента естественного и миграционного прироста / убыли в них позволяет выделить четыре типа территорий (в анализ в связи с отсутствием данных не включены ГО и МР Чукотского АО) (табл. 3.9):

— территории с естественным и миграционным приростом: городские округа Нарьян-Мар (НАО), Салехард, Губкинский и Новый Уренгой (Ямало-Ненецкий АО). В основном это территории с развитой нефтегазодобывающей и газоперерабатывающей отраслями промышленности. Здесь расположены такие крупнейшие предприятия, как ООО «Севгеолдобыча», ОАО «Нарьян-Марсейсморазведка», ООО «Нарьянмарнефтегаз», ТПП «ЛУКОЙЛ-Севернефтегаз», ООО «Газпром», ОАО «НК «Роснефть»», ПАО «НОВАТЭК» и др. Динамика естественного прироста населения здесь стабильна, отмечается нестабильный рост сальдо миграции: в 2020 г., а также 2014—2015 гг. отмечалась миграционная убыль населения в связи с оттоком части международных мигрантов вследствие санкций 2014 г.;

— территории с положительным естественным приростом и отрицательным сальдо миграции: 5 ГО и 22 МР. Среди них: Воркута, Заполярный МР Ненецкого АО, Печенгский МР Мурманской области, 3 ГО и все МР Ямало-Ненецкого АО, Норильск и Таймырский Долгано-Ненецкий МР Красноярского края и 12 из 13 муниципальных районов Республики Саха (Якутия). В подавляющем большинстве из них наблюдается тенденция постепенного сокращения коэффициента естественного прироста и положительной миграционной динамики. Замещение выбывшего населения за счет естественного прироста происходит только в 4 МР Ямало-Ненецкого АО (Приуральский, Пуровский, Тазовский, Ямальский), г. Норильске и 3 районах Республики Саха (Якутия) — Анабарском национальном (долгано-эвенкийском) улусе, Оленекском эвенкийском национальном районе и Эвено-Бытантайском национальном улусе, где значителен удельный вес коренных малочисленных народов, среди которых сохраняются традиционные репродуктивные установки семьи;

⁴¹ В связи с отсутствием данных в анализ не включены закрытые территориальные образования.

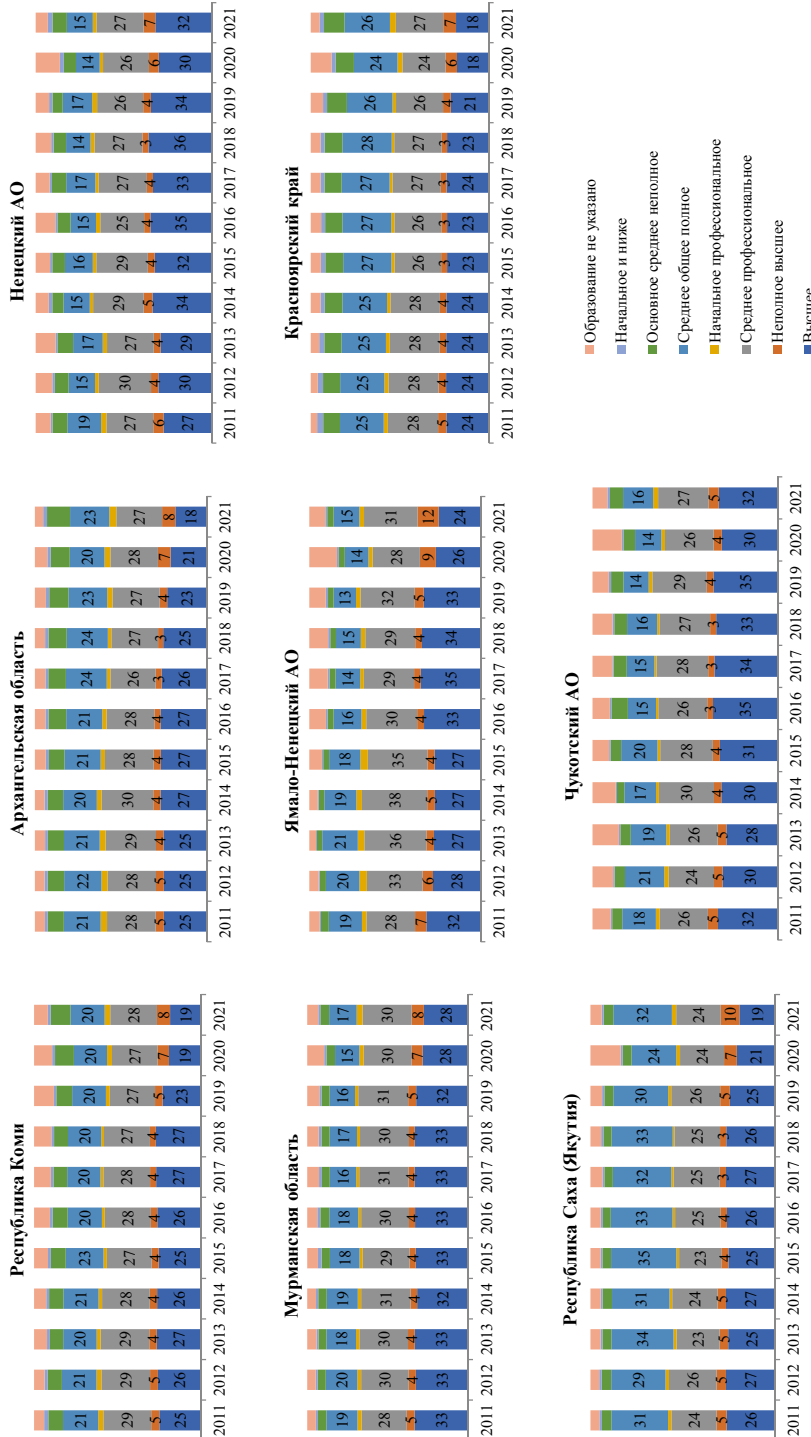

Рис. 3.36. Структура выбывших из регионов АЗРФ по уровню образования, %

Коэффициент естественного и миграционного прироста / убыли по муниципальным образованиям АЗРФ, в среднем за 2011—2021 гг.

Территории	+ ЕП + СМ		+ЕП – СМ		– ЕП + СМ		– ЕП – СМ		Динамика ЕП, 2011—2021	Динамика СМ, 2011—2021
	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП		
Республика Коми										
г. Воркута			0,86	-26,85					-	+
Архангельская обл.										
г. Архангельск					-1,8	0,12			-	- + - +
г. Новодвинск							-3,1	-5,7	-	+
г. Северодвинск							-1,5	-4,5	-	+
Мезенский МР							-6,6	-15,8	-	+
Онежский МР							-4,5	-16,8	-	+
Приморский МР							-2,4	-2,8	-	+
Ненецкий АО										
г. Нарьян-Мар	7,5	8,9							- +	+ -
Заполяный МР			4,2	-10,3					-	+
Мурманская обл.										
г. Мурманск							-2,0	-9,1	-	- +
ГО Апатиты							-5,3	-5,8	-	-
ГО Полярные Зори							-0,9	-5,7	-	+
ГО Кировск							-5,1	-4,7	-	+ -
ГО Ковдорский р-н							-5,1	-13,1	-	+
ГО Мончегорск							-3,6	-3,9	-	+
ГО Оленегорск							-0,4	-0,85	-	+
Кандалакшский МР							-8,85	-9,3	-	+ -
Кольский МР							-3,7	-5,8	-	+
Ловозерский МР							-3,9	-3,5	-	+ -

Печенгский МР							0,97	-6,0					-10,9		-6,7	-+	-
Терский МР																-	+
Ямало-Ненецкий АО																	
г. Салехард	10,3	7,5														-	--+
ГО Губкинский	9,7	7,7													0	0	--+
ГО Лабытнанги							4,5	-4,9							-	-	+
ГО Муравленко							8,9	-14,8							-	-	--+
ГО Новый Уренгой	10,8	0,7													0	0	--+
ГО Ноябрьск							8,7	-9,6							-	-	+
Красноселькупский МР							7,0	-15,4							0	0	--+
Надымский МР							8,3	-9,5							0	0	--+
Приуральский МР							9,3	-7,3							-	-	--+
Пуровский МР							9,2	-9,2							-	-	--+
Тазовский МР							14,6	-7,1							0	0	--+
Шурышкарский МР							9,3	-12,4							-	-	--+
Ямальский МР							16,5	-12,2							-	-	--+
Красноярский край																	
г. Норильск							7,8	-3,5							-	-	--+
Таймырский Долгано-Ненецкий МР							5,0	-13,1							-	-	--+
Туруханский МР															-0,5	-18,5	--+
Республика Саха (Якутия)																	
Абыйский улус (район)							1,9	-13,5							-+-	-+-	--+
Аллаиховский улус (район)							5,1	-13,1							0	0	--+
Анабарский национальный (долгано-эвенкийский) улус (район)							12,0	-3,9							0	0	--+

Территории	+ ЕП + СМ		+ЕП – СМ		– ЕП + СМ		– ЕП – СМ		Динамика ЕП, 2011—2021	Динамика СМ, 2011—2021
	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП	ЕП	МП		
Булунский улус (район)			5,0	-15,9					0	-+-
Верхнеколымский улус (район)									0	-+-+
Верхоянский район			5,9	-19,1					-	-+-+
Жиганский националь- ный эвенкийский район			9,4	-11,8					-	-+-+
Момский район			10,0	-18,7					-	-+-+
Нижнеколымский район			3,8	-11,2					-	-+-+
Оленекский эвенкий- ский национальный район			12,5	-6,0					0	-+-
Среднеколымский улус (район)			5,4	-12,4					-	-+-+
Усть-Янский улус (район)			3,5	-15,1					0	-+-+
Эвено-Бытантайский национальный улус (район)			10,8	-8,3					-	-+-+
	4		27		1		18			

Примечание: ЕП — естественный прирост, СМ — saldo миграции.

Источник: База данных муниципальных образований (БД ПМО) / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm> (дата обращения: 11.10.2022).

— территории с естественной убылью и положительным миграционным приростом. К ним относится лишь Архангельск, где после тяжелейшего кризиса 1990-х гг. постепенно восстанавливаются лесозаготовительные и лесоперерабатывающие предприятия. Центрами притяжения мигрантов являются лесоперерабатывающие предприятия (ООО УК «Соломбалес», ОАО «Соломбальский ЦБК», ОАО «Соломбальский ЛДК»), машиностроительные заводы по производству лесозаготовительной и деревообрабатывающей промышленности (ОАО «Соломбальский машиностроительный завод», ОАО «Краснофлотский машиностроительный завод»), развивается добыча и переработка алмазов (ОАО «Севералмаз»). Наблюдается приток иностранных мигрантов на учебу в высшие учебные заведения региона. Коэффициент естественного прироста в 2012—2014 гг. показывал положительную динамику, однако с 2015 г. пошел на спад и с 2017 г. перешел на отрицательные значения. Автор полагает, что это обусловлено тем, что региональная часть материнского капитала в Архангельске не столь существенна. Единовременная выплата за рождение первого ребенка женщиной в возрасте от 18 до 25 лет составляет 30 тыс. руб., а материнский капитал за третьего ребенка и последующих детей — 105 тыс. руб. Тогда как в Ямало-Ненецком АО его сумма составляет 500 тыс. руб. и предоставляется на каждого третьего и последующего ребенка. Выплата на второго ребенка — 150 тыс. руб.⁴²;

— 18 территорий с естественной и миграционной убылью: 16 в Архангельской и Мурманской областях, а также Туруханский МР Красноярского края и Верхнеколымский улус Республики Саха (Якутия). В большинстве из них ключевой фактор — миграционный отток. Лишь в Ловозерском и Терском районах Мурманской области основным фактором сокращения населения является его естественная убыль. Однако в 13 из них наметилась тенденция улучшения показателей сальдо миграции, что может свидетельствовать о постепенном улучшении социально-экономической ситуации. В частности, серьезная реконструкция происходит на Архангельском ЦБК (г. Новодвинск), который занимает 1-е место в России по производству картона. Нарращивает темпы выпуска продукции АО «ПО «Севмаш»» — один из крупнейших судостроительных комплексов России. Мурманск, Архангельск, Онега, Кандалакша в перспективе могут стать важнейшими портами Северного морского пути.

Наиболее значимыми факторами притяжения населения в арктические субъекты РФ являются:

— политическая стабильность и безопасность исследуемых территорий для проживания. Арктика вплоть до подписания Финляндией и Швецией

⁴² *Материнский* (семейный) капитал в Архангельской области в 2022 году // Много детей. Социальный проект : [сайт]. URL: <https://mnogodety.ru/regions/arhang/mk/> (дата обращения: 05.10.2022) ; *Материнский* (семейный) капитал в Ямало-Ненецком округе // Много детей. Социальный проект : [сайт]. URL: <https://mnogodety.ru/regions/yanao/mk/> (дата обращения: 08.10.2022).

протокола о вступлении в НАТО летом 2022 г. была отдалена от эпицентров внешнеполитических конфликтов и противостояний. Кроме того, согласно рейтингам, арктические территории относятся к регионам с низкой и очень низкой межэтнической напряженностью⁴³;

— высокий уровень оплаты труда, наличие вакансий в центрах, связанных с добычей и переработкой газа и нефти. Это прежде всего Ямало-Ненецкий АО, где официальный уровень безработицы в последние годы не превышает 2,0%, а среднемесячная номинальная заработная плата выше 100 тыс. руб.⁴⁴ В Салехарде уровень безработицы в 2021 г. составил 0,4%, а среднемесячная номинальная зарплата — 125,7 тыс. руб.⁴⁵ Аналогичные показатели в МО «Город Губкинский» (ЯНАО), где уровень безработицы не превышает 0,3%, а среднемесячная номинальная заработная плата в сфере добычи полезных ископаемых составляет 117,3 тыс. руб.⁴⁶ В г. Нарьян-Маре (Ненецкий АО) среднемесячная заработная плата работников, занятых в сфере добычи полезных ископаемых, составляет 125,3 тыс. руб., а уровень безработицы — 1,5%, тогда как в среднем по Ненецкому АО — 92,3 тыс. руб. и 8,8% соответственно⁴⁷;

— как свидетельствует жизненная практика, нежелание терять установленные с годами социальные связи и дружеские контакты нередко сдерживает отток старожильческого населения и является побуждающим мотивом для возвратной миграции в регион;

— воссоединение с семьей может одновременно притягивать и выталкивать мигрантов из региона. Так, многие выходцы из постсоветского пространства, обосновавшиеся в регионе и получившие российское гражданство, привозят в регион свои семьи. С другой стороны, выходцы из арктических субъектов РФ, обосновавшиеся в странах Северной Европы, приглашают своих родителей и родственников из России к себе на постоянное место жительства.

⁴³ ЦИНК. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Осень 2013 — весна 2014 года. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/01/> (дата обращения: 09.10.2022); ЦИНК. Гроздь гнева. Рейтинг межэтнической напряженности в регионах России. Весна — осень 2014. URL: <http://club-rf.ru/thegrapesofwrath/02/> (дата обращения: 09.10.2022).

⁴⁴ Регионы России. Социально-экономические показатели — 2021 г. / ФСТС. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 11.10.2022).

⁴⁵ Паспорт муниципального образования город Салехард. 2021 год // Официальный сайт города Салехард. URL: <https://salekhard.org/city/socs/sotsialno-ekonomicheskie-pokazateli/pasport-mo-g-salekhard/> (дата обращения: 11.10.2022).

⁴⁶ Паспорт муниципального образования город Губкинский. 2018 год // Информационный сайт Администрации города Губкинского. URL: <https://www.gubadm.ru/documents/active/49465> (дата обращения: 11.10.2022).

⁴⁷ База данных «Показатели муниципальных образований» / Росстат. URL: https://www.gks.ru/scripts/db_inet2/passport/table.aspx?opt=11851000202020212022 (дата обращения: 09.10.2022); Департамент здравоохранения, труда и социальной защиты населения Ненецкого АО. URL: https://medsoc.adm-nao.ru/zanyatost/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F (дата обращения: 09.10.2022).

К факторам выталкивания мигрантов из региона можно отнести следующие:

— низкий уровень социально-экономического развития и высокий уровень безработицы в преобладающей части северных территорий. Даже несмотря на то что социально-экономическая ситуация в регионах стабилизировалась и заметно улучшилась, большинство северных циркумполярных территорий в интегральном рейтинге социально-экономического положения располагаются следующим образом: два региона (Мурманская область и Республика Саха (Якутия)) — в третьей десятке, Республика Коми — 42-е место, Архангельская область и Ненецкий АО — в пятой десятке, Республика Карелия — на 65-м месте, Чукотский АО занимает 79-е место. Устойчиво в первую десятку входит лишь Ямало-Ненецкий АО, и в 2021 г. вошел Красноярский край⁴⁸. В исследуемых регионах из года в год снижается и уровень безработицы. Однако в шести из девяти арктических субъектов РФ он превышает средние значения по России (4,3%). Этот показатель ниже лишь в Ямало-Ненецком АО (1,8%), Чукотском АО (3,0%), Красноярском крае (3,2%)⁴⁹;

— неразвитость транспортной системы и труднодоступность большинства северных территорий;

— отток населения из европейских регионов Российской Арктики в Москву и Санкт-Петербург обусловлен транспортной доступностью и сравнительно низкой среднемесячной номинальной начисленной заработной платой, а также среднедушевыми доходами (в 1,5—2 раза) при дороговизне жизни в отдаленных регионах с суровым климатом⁵⁰;

— суровый и холодный климат вынуждает многих лиц старше трудоспособного возраста, вышедших на пенсию, выбирать для постоянного проживания места с более благоприятными климатическими условиями;

— выезд из арктического региона способствует и политика государства, направленная на поддержку граждан, выезжающих из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей;

— недостаточно развитая сеть учреждений здравоохранения, социально-культурной и досуговой сферы в отдаленных и труднодоступных населенных пунктах и в целом снижение качества жизни;

— слабо развитая сеть высокорейтинговых вузов побуждает талантливую молодежь выезжать на учебу с последующим трудоустройством в столичные регионы;

— соседство с развитыми североευропейскими странами и развитие приграничного сотрудничества делают привлекательной международную эмиграцию в эти страны;

⁴⁸ *Рейтинг* социально-экономического положения регионов — 2021 // РИА-рейтинг : [сайт]. URL: <https://riarating.ru/infografika/20210531/630201353.html> (дата обращения: 13.10.2022).

⁴⁹ *Рейтинг* российских регионов по уровню безработицы // РИА Новости. 28.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220228/bezrobotitsa-1775436288.html> (дата обращения: 13.10.2022).

⁵⁰ *Регионы* России. Социально-экономические показатели — 2021 г. / Росстат. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b21_14p/Main.htm (дата обращения: 11.10.2022).

— приток мигрантов нередко сдерживается особым режимом допуска граждан на территорию и ограничениями на право ведения хозяйственной и предпринимательской деятельности в связи с их военно-оборонной значимостью (г. Северодвинск, ряд закрытых административно-территориальных образований (ЗАТО) Мурманской области);

— в связи с мощной антироссийской пропагандой в глобальных западно-европейских СМИ и возникающими опасениями многие потенциальные международные мигранты могут откладывать свои планы по въезду на российские территории.

В целом миграционный фон Российской Арктики определялся негативными социально-экономическими и политическими последствиями преобразований 1990-х гг., которые не были преодолены полностью в исследуемые годы, в том числе:

— государственным видением региональной политики в новых условиях. Указом Президента РФ «Об Основных положениях региональной политики в Российской Федерации» от 03.06.1996 г. № 803 был взят курс на бюджетное самообеспечение субъектов РФ и муниципальных образований. Как справедливо отмечают М. М. Паникар и А. Е. Шапаров, «с начала 1990-х годов на вооружение была принята концепция, согласно которой осваивать Российскую Арктику неперспективно, поскольку экономические выгоды неочевидны, а издержки велики» [13, с. 35]. Это пагубно сказалось на северных циркумполярных территориях с экстремальными природно-климатическими условиями и высокими затратами на хозяйственную деятельность и жизнеобеспечение населения. В условиях изменения конъюнктуры на мировых рынках и падения цен на продукцию традиционных отраслей производства (лес, уголь и др.) происходило массовое свертывание деятельности промышленных предприятий, резко сократились торговые перевозки по Северному морскому пути. Многие субъекты Федерации, особенно в европейской части Российской Арктики, превратились в депрессивные регионы. С ухудшением условий жизни обозначился отрицательный естественный прирост и миграционный отток населения;

— на фоне распада Советского Союза, падения «железного занавеса» и парада суверенитетов в бывших автономных республиках начался практически массовый исход с севера представителей различных национальностей и этнических групп (представителей стран Восточной Европы, выходцев из бывших союзных республик, татар, башкир и др.) [14].

В 2008 г., с принятием «Основ государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» (утв. Президентом РФ 18.09.2008 г. № Пр-1969), стартовал современный этап арктической политики России. Однако в ней северные циркумполярные территории рассматривались лишь как стратегическая ресурсная база Российской Федерации, обеспечивающая решение задач социально-экономического развития страны. Одновременно начинает активно внедряться вахтовый ме-

год освоения этих ресурсов, что, несомненно, стимулировало маятниковую въездную миграцию, в числе издержек которой — низкая заинтересованность в сохранении собственных людских ресурсов, адаптированных к северным условиям жизнедеятельности. К примеру, в 2019 г. доля работающих вахтовым методом в сфере добычи полезных ископаемых, строительстве и транспорте в общей численности занятых в ЯНАО составила 31,3% и заметно выше в ряде муниципалитетов: ГО Губкинский — 35,2%, МР Ямальский — 76,2% [15].

Первые признаки позитивных сдвигов обозначаются с принятием ряда государственных нормативных актов. В 2013 г. была утверждена «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года» (утв. Президентом РФ 08.02.2013 г. № Пр-232), где в числе рисков и угроз в социальной сфере были указаны отрицательные демографические процессы в большинстве приарктических субъектов РФ, отток трудовых ресурсов (особенно высококвалифицированных) в южные районы России и за границу. В числе приоритетных задач указывалось на необходимость комплексного социально-экономического развития АЗРФ, разработка и реализация системы мер государственной поддержки и стимулирования хозяйствующих субъектов, осуществляющих деятельность в Арктической зоне, а также дифференцированное регулирование миграции в зависимости от возраста и квалификации мигрантов, усиление приживаемости квалифицированных кадров и снижение социальных издержек внешней вахтовой миграции. Годом позже утверждена Государственная программа РФ «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации на период до 2020 года» (Постановление Правительства РФ от 21.04.2014 г. № 366). В ней актуализировалась проблема формирования опорных зон развития и обеспечение их функционирования, создание условий для ускоренного социально-экономического развития Арктической зоны Российской Федерации и улучшения качества жизни населения региона. Однако план обозначенных мероприятий осуществлялся лишь в рамках существующих федеральных программ. Созданная в 2015 г. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики не обладала реальными полномочиями (Постановление Правительства РФ от 14.03.2015 г. № 228). Она лишь координировала деятельность федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления и иных органов и организаций в решении конкретных обозначенных направлений деятельности. Однако в рамках реализации национального проекта «Демография» и Государственной программы «Содействие занятости» (Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 г. № 298) удалось сократить масштабы естественной убыли и миграционного оттока в арктических регионах. Одновременно была создана единая система статистического учета основных показателей развития АЗРФ.

Определенный оптимизм на улучшение демографической и социально-экономической ситуации в Российской Арктике вселяют нормативные документы, принятые в 2019—2020 гг. В частности, в 2019 г. была утверждена «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. № 207-р), где Арктическая зона РФ была признана приоритетной геостратегической территорией, имеющей существенное значение для обеспечения устойчивого социально-экономического развития, территориальной целостности и безопасности РФ и характеризующейся специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности. В феврале 2019 г. Президент РФ подписал указ о передаче Министерству РФ по развитию Дальнего Востока (Минвостокразвития) функций по развитию Арктики, а также о переименовании его в Министерство РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики. В 2020 г. была утверждена новая «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» (Указ Президента РФ 26.10.2020 г. № 645), а в 2021 г. — Государственная программа «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 г. № 484). В принятых документах снижение естественного прироста населения, миграционный отток и, как следствие, сокращение численности населения; отставание показателей, характеризующих качество жизни в Арктической зоне, от общероссийских или средних по субъектам РФ значений были обозначены как вызовы и угрозы национальной безопасности страны. Указывается необходимость разработки специальных подходов к социально-экономическому развитию и обеспечению национальной безопасности в Арктике. Впервые в числе показателей эффективности государственной политики был введен коэффициент сальдо миграции населения Арктической зоны и количества созданных на территории АЗРФ рабочих мест. В числе первых мер по реализации обозначенных стратегических документов следует указать на принятие Федерального закона «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации» от 13.07.2020 г. № 193-ФЗ, согласно которому резиденты Арктической зоны — индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, которые осуществляют свою инвестиционную деятельность в регионе, получают существенные налоговые льготы и преференции на реализацию своих проектов. В настоящее время в Арктической зоне осуществляют свою деятельность 500 резидентов, которыми создано более 22 тыс. рабочих мест, а общий объем инвестиций составляет 809 млрд руб.⁵¹ В 2021 г. стартовала программа «Гектар в Арктике». Первые полгода, с 1 августа 2021 г. до 31 января 2022 г., получить земельные участки могли только жители арктических

⁵¹ Арктическая зона Российской Федерации // Корпорация развития Дальнего Востока и Арктики : [сайт]. URL: <https://erdc.ru/about-azrf/> (дата обращения: 17.10.2022).

территорий, затем — любой гражданин РФ, а также участники государственной программы по переселению соотечественников. В настоящее время все обозначенные категории граждан могут заключить договор безвозмездного пользования земельным участком, который предоставляется сроком на пять лет, по истечении которых они могут получить его в аренду или собственность.

Фактором улучшения миграционной ситуации и притяжения мигрантов может стать восстановление и развитие Северного морского пути. Согласно Комплексному плану модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г., предусматривается ряд мероприятий по развитию портовой инфраструктуры Арктического бассейна с увеличением портовых мощностей более чем на 18%⁵².

Анализ документов, размещенных на официальных сайтах региональных правительств, в частности стратегий социально-экономического развития и отчетов об их реализации, свидетельствует, что большинство арктических регионов с высоким уровнем безработицы, естественной и миграционной убылью населения актуализируют проблему содействия занятости, а также сохранения и развития человеческого потенциала. Эти проблемы решаются в рамках обозначенных ранее государственных программ. Одновременно в регионах, где значителен удельный вес мигрантов, прибывающих из-за рубежа (Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО, Мурманская область, Красноярский край), функционируют межведомственные комиссии, которые занимаются вопросами привлечения и использования иностранных работников.

В Ненецком АО создан межведомственный Координационный совет по вопросам миграционной политики, который занимается анализом миграционных процессов в округе, оценкой их влияния на социально-политическую и экономическую ситуацию и определением приоритетных направлений развития миграционной политики в регионе; в других регионах АЗРФ действуют межведомственные комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников.

Резюмируя в целом, следует отметить, что отрицательная миграционная динамика в преобладающем большинстве регионов и муниципальных образований АЗРФ не преодолена. Очевиден продолжающийся отток высококвалифицированных кадров из региона. Низкий уровень социально-экономического развития и качества жизни в большинстве арктических субъектов РФ стимулирует отъезд населения в другие регионы РФ и сопредельные страны. Однако темпы депопуляции населения существенно сократились по сравнению с предыдущим периодом. Миграционная убыль за 2011—2021 гг. составила 270,2 тыс. против 1 млн чел. в 1989—2010 гг. Из них 223,9 тыс. чел. были замещены за счет естественного прироста. Абсолютные потери населения

⁵² Об утверждении комплексного плана модернизации и расширения магистральной инфраструктуры на период до 2024 г. : распоряжение Правительства РФ от 30.09.2018 г. № 2101-р. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

по восьми исследуемым арктическим субъектам РФ составили 46,3 тыс. чел. Из них 46,7% (21,6 тыс. чел.) эмигрировали за рубеж (за исключением стран СНГ), преимущественно в приграничные страны.

Позитивные сдвиги в исследуемом периоде были обусловлены осознанием геополитической и геоэкономической роли Арктического региона, постепенной эволюцией государственной региональной политики от либерально-рыночной к поддерживающей модели. Одновременно в последние годы начинает реализовываться комплекс специальных мер поддержки арктических территорий, направленных на повышение инвестиционной привлекательности региона и качества жизни северян. Однако принятые меры — лишь начало преобразований в области социально-экономического развития макрорегиона. Ряд арктических регионов, особенно расположенных в азиатской части АЗРФ, испытывают спрос на высококвалифицированный труд. В настоящее время Центр бюджетного мониторинга по заказу Минвостокразвития России и Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики приступил к формированию текущей и перспективной кадровой потребности отраслей экономики и социальной сферы субъектов АЗРФ⁵³. Видимо, с учетом этого спроса в дальнейшем будут регулироваться миграционные процессы в исследуемом регионе.

Список литературы

1. Воронина Л. В., Шеломенцев А. Г., Смиреникова Е. В., Уханова А. В. Влияние миграционных процессов на социально-экономическое развитие территорий Арктической зоны Российской Федерации // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 3 (65). С. 122—132.
2. Скуфьина Т. П., Корчак Е. А., Бажутова Е. А. и др. Социально-экономическая динамика и перспективы развития Российской Арктики с учетом геополитических, макроэкономических, экологических и минерально-сырьевых факторов : монография. Апатиты : Кольский научный центр РАН, 2021. 209 с.
3. Корчак Е. А., Серова Н. А. Миграционный фактор в формировании человеческого капитала арктических территорий России // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. Сер.: Экономика. Социология. Культурология. 2019. № 2 (14). С. 24—30.
4. Хотеева Е. А., Стенусь И. С. Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // Проблемы развития территории. 2023. Т. 27, № 2. С. 110—128. doi: 10.15838/ptd.2023.2.124.8.
5. Соколова Ф. Х. Миграционные процессы в Российской Арктике // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 158—172.
6. Уханова А. В., Смиреникова Е. В., Воронина Л. В. Классификация факторов миграции населения Российской Арктики // Фундаментальные исследования. 2021. № 4. С. 123—129.
7. Лукьянец А. С., Храмова М. Н. Миграционная составляющая демографического потенциала субъектов Северо-Западного федерального округа // Научное обозрение. Сер. 1: Экономика и право. 2019. № 5. С. 19—29.

⁵³ Кадры для Арктики. URL: <http://www.azrf.labourmarket.ru/> (дата обращения: 18.10.2022).

8. Уханова А.В., Смиреникова Е.В., Воронина Л.В. Классификация факторов миграции населения Российской Арктики // *Фундаментальные исследования*. 2021. №4. С. 123—129.
9. Авдеев Ю.А., Сидоркина З.И., Ушакова В.Л. Тенденции демографического развития в районах Российской восточной Арктики // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. №3. С. 130—144.
10. Фаузер В.В., Смирнов А.В. Миграции населения Российской Арктики: модели, маршруты, результаты // *Арктика: экология и экономика*. 2020. №4 (40). С. 4—18.
11. Соколова Ф.Х., Лялина А.В. Миграционная привлекательность приморской зоны Северо-Запада России // *Балтийский регион*. 2021. Т. 13, №4. С. 54—78.
12. Sokolova F., Choi W. The Russian Arctic in the Post-Soviet Period: Dynamics of Migration Processes // *REGION: Regional Studies of Russia, Eastern Europe, and Central Asia*. 2019. Vol. 8, №2. P. 197—225.
13. Паникар М.М., Шапаров А.Е. Императивы современной государственной политики стран Арктического региона по освоению территорий Крайнего Севера // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2016. №6. С. 33—43.
14. Соколова Ф.Х. Этнодемографические процессы в Российской Арктике // *Арктика и Север*. 2015. №21. С. 151—164.
15. Логинов В.Г. Вахтовый метод как основной источник рабочей силы для освоения нефтегазовых ресурсов заполярных районов Арктики // *Известия Уральского государственного горного университета*. 2021. Вып. 2 (62). С. 191—201.

Глава 3.3. Миграционные процессы в регионах Балтийского бассейна Западного побережья России

Западное побережье Балтийского бассейна включает сегодня регионы преимущественно с «новыми» государственными границами, появившимися после окончания Второй мировой войны, в советско-постсоветской эпохе. Миграционные процессы в советское и ранее постсоветское время (до 2010 г.) здесь протекали различным образом и были обусловлены разными факторами.

Калининградская область стала приграничным регионом России по решениям Ялтинской и Потсдамской конференций в 1945 г., образовавшись не только на территории Кёнигсберга, но и на прилегающих к нему территориях. Поэтому Калининградская область относится к немногим регионам РФ, население которых сформировалось за счет организованного переселения, начавшегося в 1945 г. и принявшего массовые масштабы после утверждения в августе 1946 г. специальной программы [10]. За 1946—1947 гг. в область прибыло более 370 тыс. чел. Немецкое население или эвакуировалось вместе с отступавшими немецкими войсками, или в соответствии с решением Потсдамской конференции было выселено, в основном в 1948 г., в Германию. В 1948—1949 гг. часть прибывшего в область населения вернулась на прежние места жительства, поэтому, несмотря на продолжавшийся приток пересе-

ленцев, сальдо миграции было нулевым. В первой половине 1950-х гг. миграционный прирост составлял 4% в год; в последующие годы этот показатель никогда не приближался к этому уровню. Далее он начал постепенно снижаться и в первой половине 1970-х гг. стал отрицательным, поскольку новых рабочих мест создавалось в области немного, а воспроизводство трудовых ресурсов было расширенным, и население в поисках работы уезжало в другие регионы страны. Десятилетие 1975—1985 гг. характеризовалось близким к нулевому сальдо миграции. Заметный миграционный прирост начался во второй половине 1980-х гг. и резко увеличился в 1990-е гг., когда регион после распада СССР оказался изолирован от территории России, в связи с выводом ставших российскими войск из Прибалтики и переселением в Калининградскую область части русского населения из Казахстана, Литвы, Латвии и в меньшей мере из Эстонии. В целом же сальдо миграции населения в области за 1992—1998 гг. составило 87 тыс. чел. В последующие годы сальдо миграции колебалось от 2 до 7 тыс. чел. в год, увеличившись в 2012—2013 гг. до 9 тыс. чел.

По итогам Второй мировой войны были также установлены некоторые участки «новых» границ и на российско-финской, российско-эстонской и российско-латвийской границах. Так, в состав Ленинградской области вошла территория Карельского перешейка с г. Выборгом, Выборгским заливом и рядом островов, западное побережье Ладожского озера с г. Приозерском; в составе Республики Карелия остались бывшие финские территории северного побережья Ладожского озера с городами Сортавала и Суоярви. В это же время в состав Ленинградской области вошли населенные пункты четырех волостей, расположенных на правом берегу р. Нарвы, выделенных из состава Эстонской ССР, граница между РСФСР и Эстонской ССР установлена по р. Нарве.

Миграционные процессы в Ленинградской области и г. Ленинграде в послевоенные годы характеризовались положительной динамикой. Миграция вплоть до распада СССР была ведущей силой в увеличении численности населения, преобладали процессы переселения из сельской местности в городскую в связи с активным развитием промышленности [5; 9]. По мнению Ж. А. Зайончковской, «...Ленинградская и, особенно, Московская агломерации... в 70—80-х годах поглощали почти половину перераспределяемого миграциями населения в СССР» [5, с. 28]. С 1988 г. объемы миграции стали сокращаться на фоне изменения социально-экономической и политической ситуации в стране. Однако с 1994 г. интенсивность сальдо миграции опять возросла до максимальных значений с уровня 1979 г. Снижение миграционной подвижности отмечалось, прежде всего, по линии «село — город» и между регионами РФ, однако оно сопровождалось активизацией притока населения в Россию из стран ближнего зарубежья.

Государственная граница в Республике Карелия была определена в середине XX в.: после отчуждения ряда финских территорий в состав Карело-Финской ССР, согласно Московскому договору 1940 г., и последующего выделения из состава Карело-Финской ССР в 1944 г. в состав Ленинградской

области РСФСР ряда территорий, ранее принадлежавших Финляндии (см. выше), а также после преобразования Карело-Финской ССР в Карельскую АССР в составе СССР в 1956 г. и передачи территории Порккала Финляндии. Демографическое развитие Республики Карелия в ранние послевоенные годы (1945—1950 гг.) сопровождалось реэвакуацией и возвращением демобилизованного населения в регион [2; 11]. Организованный прием возвращавшихся в республику из эвакуации людей в основном завершился к началу 1948 г. Однако предвоенную численность населения (606,3 тыс. чел. в 1940 г.) удалось восстановить только в 1954 г. Основной поток мигрантов шел из центральных областей России, Белоруссии, Украины, республик Поволжья и Прибалтики. Переселялись в регион и интерманландские финны с разных территорий СССР. С середины 1950-х гг. темпы роста населения уменьшились более чем втрое, и начался его отток из республики. Последнее десятилетие XX в. характеризовалось миграционной убылью, впоследствии сменившейся (с 2003 г.) миграционным приростом. Отличительной чертой демографического развития республики в послевоенные годы стал быстрый рост городского населения при укрупнении и сокращении количества сельских населенных пунктов, ликвидации так называемых «неперспективных» деревень, но создании сети лесных поселков для развития лесозаготовительной промышленности. Последнее способствовало распространению в регионе кратковременной сезонной миграции из-за пределов республики. Разрушение исторически сложившихся межселенных связей, активные миграционные процессы вели к преобразению этнокультурного и демографического облика территории. Общая тенденция изменения этнического состава населения республики заключалась в неуклонном росте численности русского и в целом славянского населения (белорусского, украинского) и сокращении численности карелов, финнов и вепсов.

Государственная граница в Псковской области была преобразована также после окончания Второй мировой войны (в 1944 г. и корректировки границ в 1957 г.) в результате передачи в ее состав ряда волостей Эстонской ССР (Печорской, Слободской, Паниковской и части Избарской) и Латвийской ССР (восточная часть Абренского уезда). Окончательная демаркация российско-эстонской государственной границы была произведена после распада СССР, и в целом она повторяла административную границу ЭССР и РСФСР. Демаркация российско-латвийской государственной границы также была осуществлена по линии разграничения РСФСР и Латвийской ССР. Демографическое развитие Псковской области происходило иначе, чем в других регионах Балтийского бассейна Западного побережья. Практически на протяжении всего периода с момента обретения современных (внутригосударственных) границ (в 1957 г. после упразднения Великолукской области) до наших дней оно сопровождалось миграционной убылью населения. Единственным исключением являются два периода: 1945—1950 гг., когда в регион возвраща-

лось население, покинувшее Псковщину в годы Великой Отечественной войны, и 1980—2000 гг., когда в регионе отмечался приток мигрантов из центральных и северных районов России, Украины, Белоруссии, Молдавии, Азербайджана и других регионов и республик) [8]. В 1990-е гг. приток мигрантов, как и в других регионах страны, был обусловлен перемещением населения, вызванным распадом СССР. Позднее, с началом 2000-х гг., этот источник мигрантов исчерпался, и в Псковской области опять стала превалировать миграционная убыль населения. Основными факторами складывающихся миграционных процессов в советское время были административно-территориальное деление региона, а именно укрупнение административных районов области, а также процессы индустриализации, которые в соседних, и не только, регионах происходили более интенсивно, что способствовало оттоку сельского населения Псковщины.

Республика Карелия

С начала 90-х гг. XX в. население Карелии стало сокращаться. Если по состоянию на 1 января 1990 г. в республике проживало 791,7 тыс. чел., то первая постсоветская перепись (октябрь 2002 г.) зафиксировала убыль населения почти на 10%. В начале XXI в. депопуляция в республике продолжилась, и, по данным ВПН-2010, в регионе проживало только 643,5 тыс. чел.

Главной причиной сокращения численности населения Карелии в конце XX — начале XXI в. являлась естественная убыль, на которую пришлось 16% общей убыли населения республики в период 1990—2010 гг. Кроме того, на депопуляцию повлияло и общее изменение направленности миграционных потоков в РФ в конце советского периода, когда многовековой центростремительный вектор миграции сменился на центростремительный. Карелия, как один из регионов европейского Севера, в полной мере испытала экономический спад 1990-х гг., ставший триггером начала массового выезда населения из большинства ресурсодобывающих регионов страны. В 1990—2010 гг. миграционный отток населения из республики составил 23,3 тыс. чел.

В последнее десятилетие демографическая ситуация в Карелии в целом стабилизировалась. За 2011—2020 гг. численность населения сократилась на 5,2% — 33,5 тыс. чел., из которых только 19% пришлось на миграционный отток. Рассматривая миграционные потоки в республике за последнее десятилетие и их влияние на изменение половозрастной структуры населения, можно сделать следующие выводы:

1. На протяжении всего анализируемого периода в Карелии наблюдалась миграционная убыль населения, варьировавшаяся по годам от $-0,7\%$ в 2014 г. до $-3,1\%$ в 2017 г. И только в ковидном 2020 г. миграционное сальдо населения Карелии стало положительным (рис. 3.37). В целом за 2011—2021 гг. сальдо внешней для региона миграции изменялось волнообразно: в 2011—2014 гг. миграционная убыль сокращалась, затем включительно до 2017 г. росла и потом опять сокращалась (2018—2021 гг.).

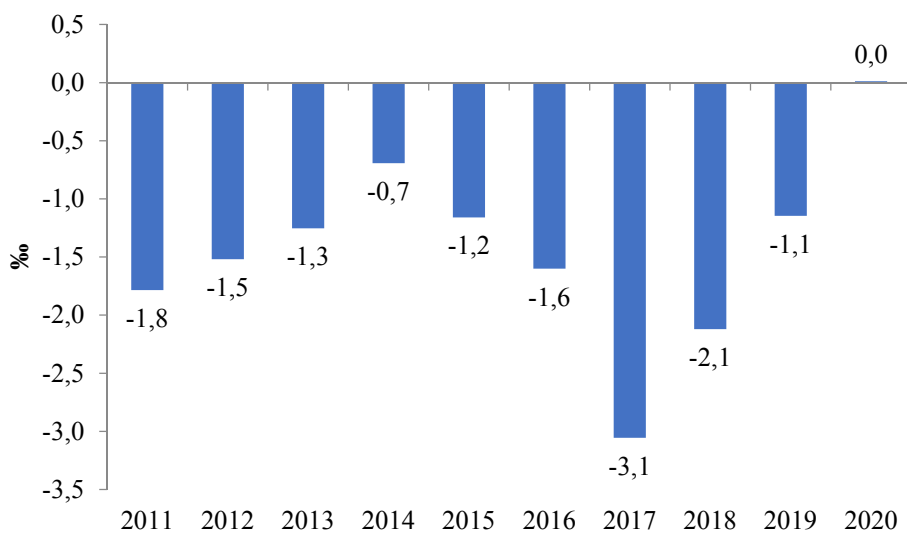

Рис. 3.37. Сальдо миграции населения Республики Карелия, 2011—2020 гг.

2. Рассматривая отдельно показатели интенсивности прибытий и выбытий по возрастным группам, необходимо отметить, что они значительно изменяются. В возрастных пятилетних когортах дошкольного и школьного возраста в среднем за период 2011—2020 гг. на 1000 чел. населения прибывало 24—33 чел. (рис. 3.38). Причем данный показатель практически не отличался по полу.

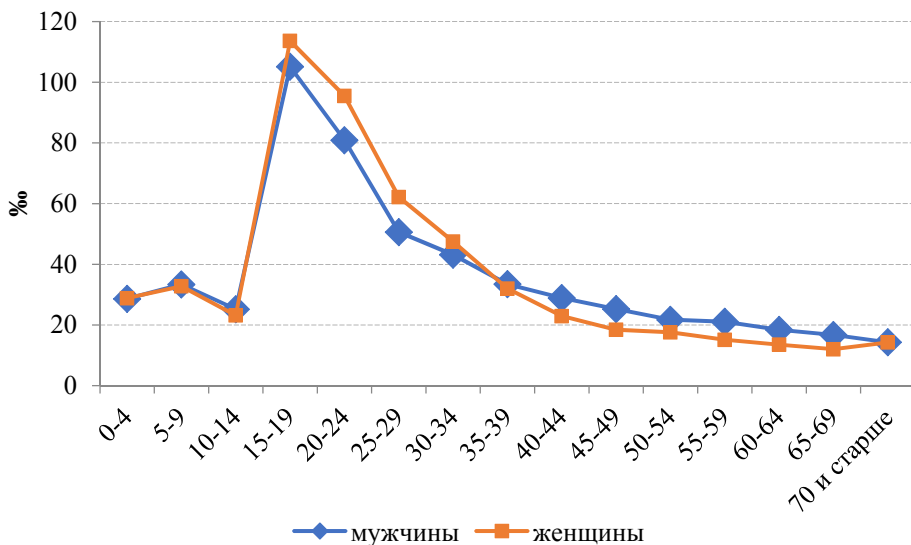

Рис. 3.38. Прибытие по возрастным группам в Республику Карелия, в среднем за 2011—2020 гг.

Почти такими же были и коэффициенты выбытия в данных возрастных группах — 25—34% в среднем по республике в 2011—2020 гг. (рис. 3.39). Для возрастной группы 15—19 лет характерно резкое (в 3—4 раза!) увеличение миграционной активности как по прибытию (109%), так и по выбытию (113%), что связано с завершением получения молодыми людьми среднего образования и сменой места жительства в связи с выбором места продолжения учебы или места работы. При этом миграционная активность женской части населения Карелии в данной возрастной когорте немного превышает мужскую. В возрастной группе 20—24 года наблюдается некоторое снижение миграционной активности — до 88% среди прибывших и 93% среди выбывших. Обращает внимание тот факт, что в этой возрастной группе наблюдается значительная диспропорция по интенсивности миграционных перемещений между мужчинами и женщинами. В последующих возрастных когортах (с 25—29 лет до 50—54 лет) происходит постепенное снижение миграционной активности — с 56 до 18% по прибытию, и с 63 до 20% по выбытию.

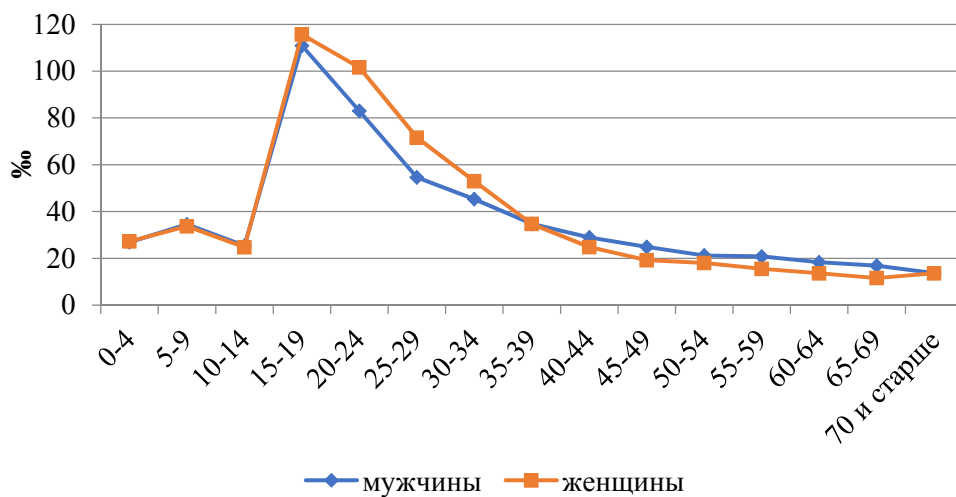

Рис. 3.39. Выбытие по возрастным группам в Республике Карелия, в среднем за 2011—2020 гг.

Необходимо отметить, что постепенно как среди прибывших, так и среди выбывших удельный вес женщин снижается, а начиная с возрастной группы 40—44 лет в обоих потоках уже преобладают мужчины. В старших возрастных группах (55—60 лет и старше) миграционная активность стабилизируется и варьируется на уровне 14—18% как среди прибывших, так и среди выбывших. И хотя женщины в старших возрастных группах численно преобладают среди мигрантов в Карелии, относительно общей численности населе-

ния соответствующей половозрастной группы среди прибывших и выбывших преобладают мужчины. Только в возрастной группе 70+ лет коэффициенты прибытия и выбытия у мужчин и женщин уравниваются.

3. Рассматривая сальдо миграции населения в Карелии в среднем за 2011—2020 гг. по пятилетним возрастным когортам, следует отметить, что почти во всех возрастных группах наблюдается миграционная убыль. Только в возрастных группах младше 5 лет и старше 60 лет отмечен незначительный миграционный прирост (от 0,2‰ (60—64 года) до 1,6‰ (0—4 года)). Наибольшая убыль населения в рассматриваемое десятилетие происходила в возрастных когортах 25—29 лет (в среднем –6,6‰ в год) и 20—24 года (–4,1‰). При этом наиболее интенсивный отток мужского населения приходится на возрастную группу 15—19 лет (–5,8‰ в год, в среднем за период), а в возрасте 40+ лет мужское население Карелии имеет либо нулевое, либо слабо положительное сальдо миграции⁵⁴. И наоборот, для женского населения республики характерна активная миграционная убыль в возрастной группе 20—34 лет, которая постепенно сходит на нет к 60 годам и сменяется незначительным миграционным приростом в возрастной группе старше 70 лет.

4. В целом валовая миграция населения Карелии в 2011—2020 гг. носила волнообразный характер, изменяясь в диапазоне от 50,3‰ (2011 г.) до 78,3‰ (2018 г.) (рис. 3.40). Быстрый рост миграционной активности населения Карелии в 2011—2013 гг. вышел на «плато» в 2014—2018 гг. (74—78‰), а затем сменился таким же быстрым падением.

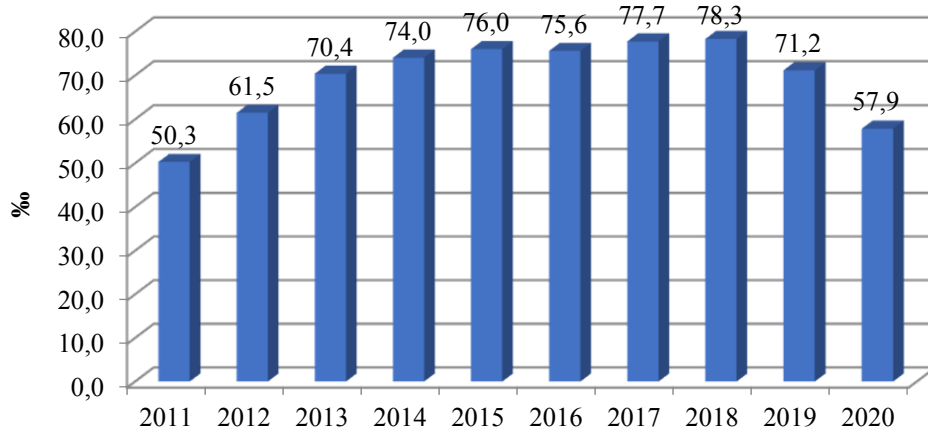

Рис. 3.40. Миграционный оборот населения Республики Карелия, 2011—2020 гг.

Как почти весь постсоветский период, в 2011—2020 гг. в Карелии происходила миграционная убыль населения. За последнее десятилетие отрицательная нетто-миграция в республике составила более 9 тыс. чел. При этом в

⁵⁴ Кроме возрастной когорты 55—69 лет, для которой отмечена незначительная миграционная убыль (–0,2‰).

некоторых возрастных группах в рассматриваемый период наблюдалось положительное сальдо миграции — в возрастной когорте 0—4 года и старше 65 лет (рис. 3.41). Более половины миграционной убыли населения региона в последнее десятилетие пришлось на молодежь в возрасте 20—30 лет и еще почти 32% — на лиц в возрасте 30—40 лет. Это свидетельствует о том, что миграция негативным образом влияет на демографическую ситуацию в республике, «вымывая» наиболее активные группы трудоспособного возраста.

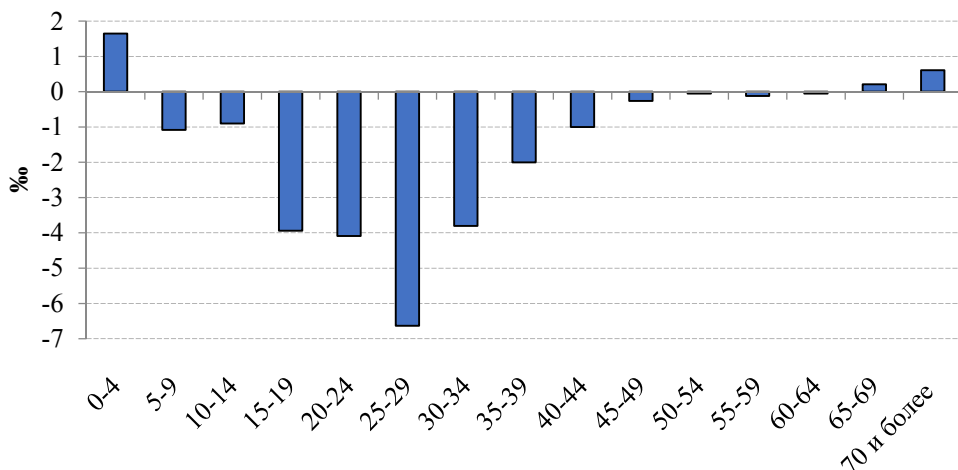

Рис. 3.41. Возрастные коэффициенты сальдо миграции населения Республики Карелия, 2011—2020 гг. (в год, в среднем за период)

Среди покинувших республику⁵⁵ в 2011—2020 гг. жителей старше 14 лет почти 60% составили лица с высшим образованием. По данным ВПН 2010 г., это резко контрастирует с долей этой категории граждан в населении Карелии (19%). Таким образом, интенсивность миграционных потерь лиц с высшим образованием в республике в 3 раза больше нормы. Аналогичное соотношение касается и выезда из региона лиц с неоконченным высшим образованием. И только среди лиц с неполным общим средним образованием в Карелии в 2011—2020 гг. наблюдался незначительный прирост населения (+18 чел. за 10 лет) (рис. 3.42). Следовательно, можно констатировать, что в результате миграции в последнее десятилетие Республика Карелия не просто теряла население в обмене с другими территориями, но теряла, прежде всего, наиболее образованный контингент.

Направленность миграционных потоков по территории Карелии имеет четкое территориальное разграничение. Положительное сальдо миграции в 2011—2020 гг. наблюдалось только в региональной столице — Петрозаводске и ближайших к нему муниципальных районах — Прионежском и Пряжинском. Небольшой миграционный прирост наблюдался и в центре горнодобывающей промышленности — Костомукше (рис. 3.43).

⁵⁵ В данном случае имеется в виду нетто-миграция в регионе.

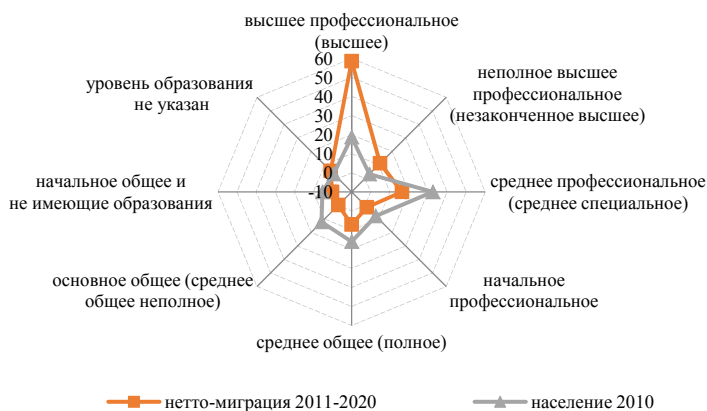

Рис. 3.42. Образовательная структура миграционного потока и населения Республики Карелия в целом, %

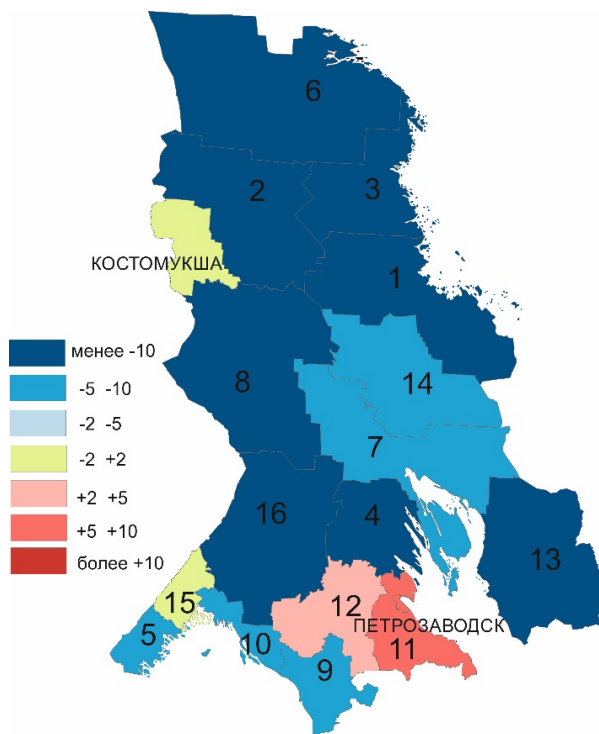

Рис. 3.43. Среднегодовые темпы сальдо миграции населения по районам Карелии, 2011—2020 гг., %

Примечание: районы: 1 — Беломорский, 2 — Калевальский, 3 — Кемский, 4 — Кондопогский, 5 — Лахденпохский, 6 — Лоухский, 7 — Медвежьегорский, 8 — Муезерский, 9 — Олонецкий, 10 — Питкярантский, 11 — Прионежский, 12 — Пряжинский, 13 — Пудожский, 14 — Сегежский, 15 — Сортавальский, 16 — Суоярвский.

Во всех остальных районах республики в последнее десятилетие наблюдался отток населения. Но если в Сортавальском районе отрицательное сальдо миграции составляло в среднем всего лишь $-0,6\%$, то из остальных 13 районов население продолжало выезжать быстрыми темпами. Скорость оттока населения варьировалась от -7% (Лахденпохский, Олонецкий, Медвежьегорский районы) до -20% (Пудожский район). Кроме Пудожского района Карелии, имеющего, пожалуй, худшую транспортную связанность с Петрозаводском, наиболее интенсивный отток населения характерен для северных малонаселенных районов республики — Лоухского, Калевальского, Кемского, Беломорского.

Санкт-Петербург

В конце советского периода население Санкт-Петербурга (тогда — Ленинграда) превысило 5 млн чел. Но уже в 1991 г., в результате естественной и миграционной убыли, началось быстрое сокращение численности населения. Существуют различные оценки темпов депопуляции в городе на Неве в последнее десятилетие XX — первые годы XXI в. ВПН-2002 показала несоответствие между предполагаемой и фактической численностью населения Санкт-Петербурга. Даже несмотря на то что часть жителей Северной столицы уклонились от участия в ВПН-2002, фактическая численность населения города оказалось почти на 100 тыс. чел. больше ожидаемой по данным текущего статистического учета [14]. Такие большие различия в динамике численности горожан были обусловлены несовершенством миграционного учета населения, наиболее заметно проявившимся в период глубокого экономического и политического кризиса в России в 1990-е гг. Политические и социально-экономические изменения, произошедшие в стране после 1991 г., привели к тому, что миграционный учет граждан был полностью нарушен. Любый россиянин мог, не снимаясь с регистрационного учета, уехать на длительный срок (а порой и безвозвратно) не только в другой регион России, но и за ее пределы. Так же и граждане других государств (прежде всего СНГ) могли годами проживать без соответствующей регистрации в РФ. Ситуация же с фиксацией смертей и рождений была много лучше, так как работа ЗАГСов осталась практически без изменений.

В 2010 г., во время проведения следующей ВПН, ситуация повторилась, но в еще большем размере. По данным текущего учета, в начале 2010 г. население Санкт-Петербурга составляло 4,6 млн чел. Но после подведения итогов ВПН оказалось, что количество постоянных жителей города на 350 тыс. больше расчетных значений (рис. 3.44). Поэтому по итогам ВПН-2002 и ВПН-2010 происходил перерасчет данных о миграционном сальдо населения Санкт-Петербурга за предыдущий межпереписной период.

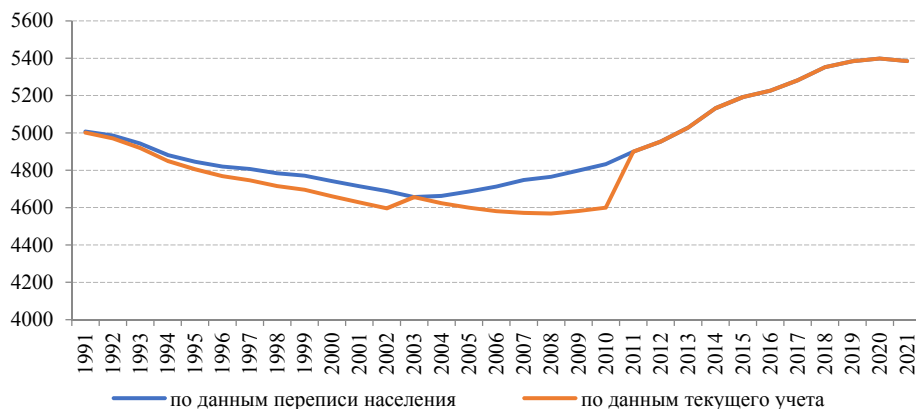

Рис. 3.44. Динамика численности населения Санкт-Петербурга, 1989—2021 гг., тыс. чел.

В любом случае с 1991 до начала 2000-х гг. численность населения Санкт-Петербурга сокращалась в среднем на 5—9‰ в год (на 20—35 тыс. чел. в абсолютных значениях) за счет превышения смертности над рождаемостью. Отрицательное сальдо миграции населения в регионе наблюдалось только в 1991—1993 гг. По различным данным, за этот период миграционная убыль населения города составила 27—45 тыс. чел. Отток населения был вызван сломом советской экономической системы, ориентированной на организованное привлечение на промышленные предприятия крупнейших городов страны рабочей силы из периферийных районов. В 1960—1980-е гг. ежегодно, в рамках установленных «лимитов», на предприятия Ленинграда привлекались десятки тысяч иногородних рабочих, получавших впоследствии квартиры в спальных районах Северной столицы. Хорошая заработная плата, карьерный рост и перспектива получить отдельное жилье (квартиру) являлись мощным стимулом для притока населения в Москву, Ленинград и другие крупные города СССР. Крах советской системы с ее социальными гарантиями, массовые сокращения персонала или полное закрытие предприятий в начале 1990-х гг. привели к тому, что десятки тысяч несостоявшихся петербуржцев были вынуждены вернуться домой. Всплеск эмиграции в США, Израиль и страны Западной Европы, имевший в этот период в значительной степени этнический характер, усугубил миграционную убыль населения Санкт-Петербурга.

Но с 1994 г. миграционный тренд восстановился: на фоне других регионов России, испытывавших тяжелый экономический кризис, Санкт-Петербург опять стал местом притяжения для жителей российской провинции и граждан большинства государств СНГ. Оценочно среднегодовые темпы миграционного прироста в 1994—2002 гг. составили 1,6—4,7‰ (рис. 3.45). Однако этого было недостаточно, чтобы компенсировать естественную убыль

населения, которая составляла в среднем 7—10‰ в год. В начале 2000-х гг. на волне экономического подъема ежегодные темпы миграционного прироста населения Санкт-Петербурга увеличились до 9—16‰ в год. Даже кризис 2008—2009 гг. не снизил привлекательности города на Неве для мигрантов. Максимальный приток населения в регион, по данным текущего учета, пришелся на 2013 г. (100 тыс. чел.).

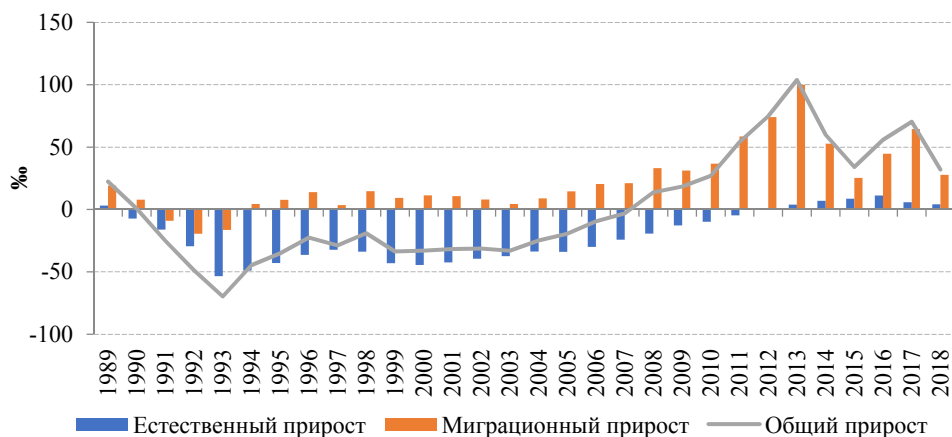

Рис. 3.45. Естественный и миграционный прирост (убыль) населения Санкт-Петербурга, 1989—2021 гг.

Значительную часть мигрантов, прибывающих в город на постоянное жительство, составляли жители государств СНГ. В середине 1990-х гг. переселенцы из бывших республик СССР составляли больше половины всех прибывающих в город на Неве. К началу текущего столетия, в связи с исчерпанием потока репатриантов в Россию из ближнего зарубежья, доля жителей других государств в миграционном сальдо населения города сократилась до 6—8%. С 2005 г. начался бурный рост внешней трудовой миграции в Россию из большинства государств СНГ, что приводит к увеличению доли выходцев из этих стран в общем количестве лиц, прибывающих в Санкт-Петербург на постоянное жительство — в 2013 г. иностранцы составили 37% нетто-миграции в городе. С 2014 г. отмечается быстрое сокращение притока мигрантов, обусловленное резким снижением экономической активности, особенно в строительстве. За 2013—2015 гг. нетто-миграция в Санкт-Петербурге сократилась почти в 4 раза. Так, в 2015 г. впервые в постсоветской истории был зафиксирован абсолютный отток граждан государств Центральной Азии, ранее массово приезжавших на заработки в Северную столицу. В 2016—2017 гг., в связи с некоторым оживлением российской экономики, миграционный прирост населения в Санкт-Петербурге увеличился до 64 тыс. чел. в год, но уже в 2018 г. данный показатель опять сократился более чем вдвое — до 28 тыс., а в 2019 г. — до 14,5 тыс. чел. В ковидном 2020 г. миграционный прирост в Санкт-Петербурге снизился до 5,3 тыс. чел. (минимум с 1994 г.).

Парадоксально, но, несмотря на то что именно миграция в последние десятилетия оказывает наибольшее влияние на формирование населения Санкт-Петербурга, доля неместных уроженцев в населении города за период 1989—2010 гг. не увеличилась, а сократилась. Так, если в 1989 г. за пределами Ленинграда родилось 50 % его жителей, то в 2010 г. данный показатель составил лишь 39 %. Удельный вес родившихся за пределами РФ за этот период сократился с 12 до 10 %. Объяснение этому факту довольно простое — переход к рыночным отношениям и снятие всех административных ограничений на перемещения внутри страны, последовавшее после распада СССР, вопреки ожиданиям не только не увеличили миграционную активность населения, а, наоборот, привели к снижению внутренних миграционных потоков. Незрелость рынка жилья, являющаяся одним из важнейших факторов, сдерживающих развитие рынка труда, тормозит миграционную активность населения даже в таких крупных городах, как Санкт-Петербург.

Анализируя половозрастные характеристики миграционных потоков в Санкт-Петербурге в 2011—2020 гг., можно отметить их следующие особенности:

1. В течение всего периода в регионе наблюдалось положительное сальдо миграции, значения которого варьировались в диапазоне от 20 ‰ (2013 г.) до 1 ‰ (2020 г.). Всего за 2011—2020 гг. в городе на Неве имело место два максимума миграционного притока населения, приходившиеся на 2013 и 2017 гг. Минимальные значения нетто-миграции выпадали на кризисный 2015 г. и ковидный 2020 г. (рис. 3.46). Впрочем, резкое снижение миграционного притока населения наметилось в Санкт-Петербурге задолго до «коронакризиса», а именно с 2018 г. Обращает внимание синхронизация интенсивности миграционного прироста в Санкт-Петербурге с темпами оттока населения в Карелии в 2015—2020 гг.

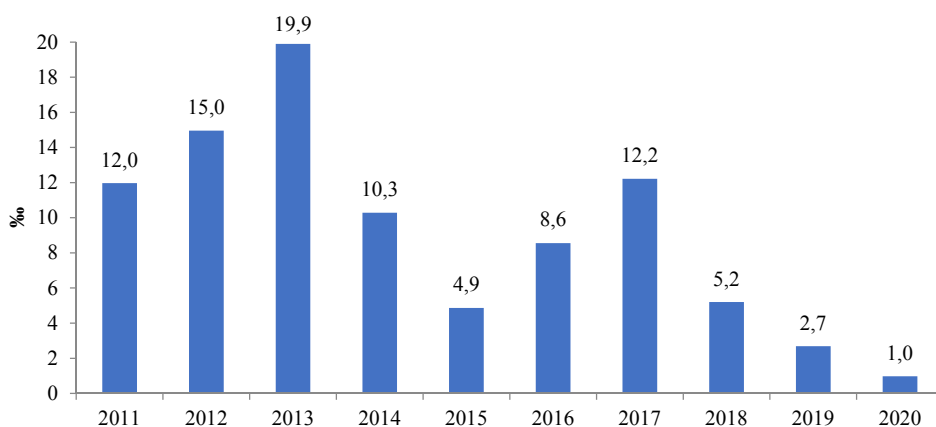

Рис. 3.46. Миграционный прирост населения Санкт-Петербурга, 2011—2020 гг.

2. В возрастных когортах до 15 лет коэффициент прибытия в Санкт-Петербурге у обоих полов практически одинаков и варьируется в интервале 31—41%, что идентично аналогичным показателям для Псковской области. Как и в других рассматриваемых регионах, в возрастной когорте 15—19 лет (выпускники школ) в Северной столице происходит резкий скачок интенсивности прибытий — до 115%, который постепенно снижается в более старших возрастных когортах (рис. 3.47). Минимальная интенсивность прибытий (12—14%) наблюдается в возрастной группе старше 70 лет. Такое постепенное снижение коэффициента прибытия отличает возрастной профиль мигрантов Санкт-Петербурга от аналогичных показателей в Карелии и Псковской области. Другим отличием миграции в Санкт-Петербурге от других регионов Северо-Запада России является почти полное совпадение коэффициентов прибытия у мужчин и женщин. Только в возрастной группе 45—49 лет интенсивность прибытия у мужчин (38%) заметно превышает значение данного показателя у женщин (30%).

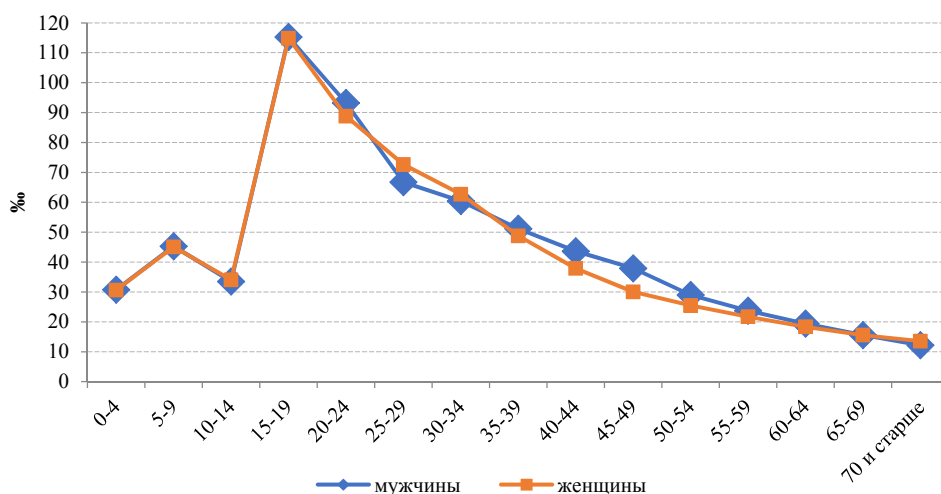

Рис. 3.47. Прибытие по возрастным группам в Санкт-Петербурге, в среднем за 2011—2020 гг.

3. Возрастная динамика коэффициента выбытия в Санкт-Петербурге в 2011—2020 гг. имела несколько иной профиль. Во-первых, в большинстве возрастных когорт наблюдалась существенно более интенсивная миграция мужчин. Во-вторых, пик миграционной активности для выезжающих из Санкт-Петербурга приходится на возрастную группу 20—24 лет — на выпускников вузов (рис. 3.48). В-третьих, для всех возрастных групп (кроме 0—4 года) коэффициенты выбытия мигрантов в Северной столице меньше коэффициентов прибытия.

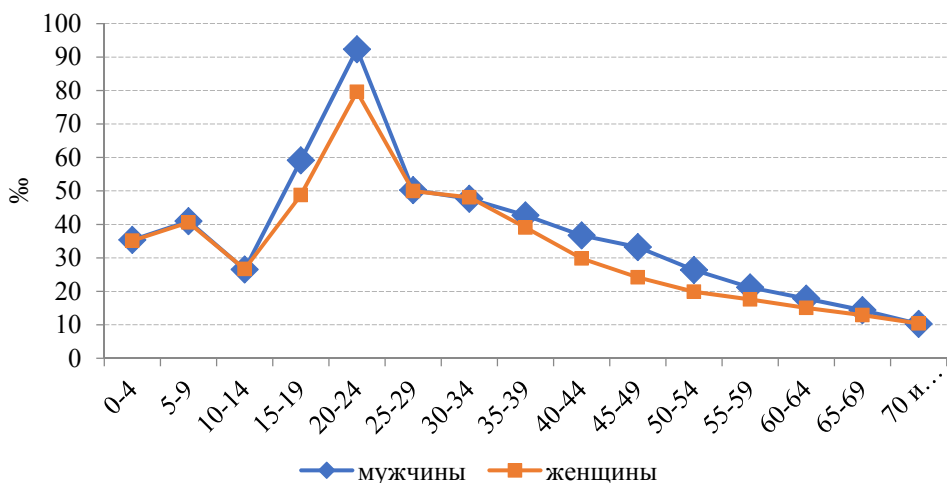

Рис. 3.48. Выбытие по возрастным группам в Санкт-Петербурге, в среднем за 2011—2020 гг.

4. Значение миграционного оборота населения в Санкт-Петербурге выросло с 2011 по 2013 г. в 2 раза и в последующие годы находилось на уровне 81—92% (рис. 3.49). Только в ковидном 2020 г. данный показатель закономерно снизился до 68%. Следует отметить, что, несмотря на довольно высокие темпы миграционного прироста населения за последнее десятилетие, интенсивность миграции в Северной столице лишь ненамного выше, чем в Карелии, и в целом за период уступает аналогичным показателям в Псковской и Ленинградской областях.

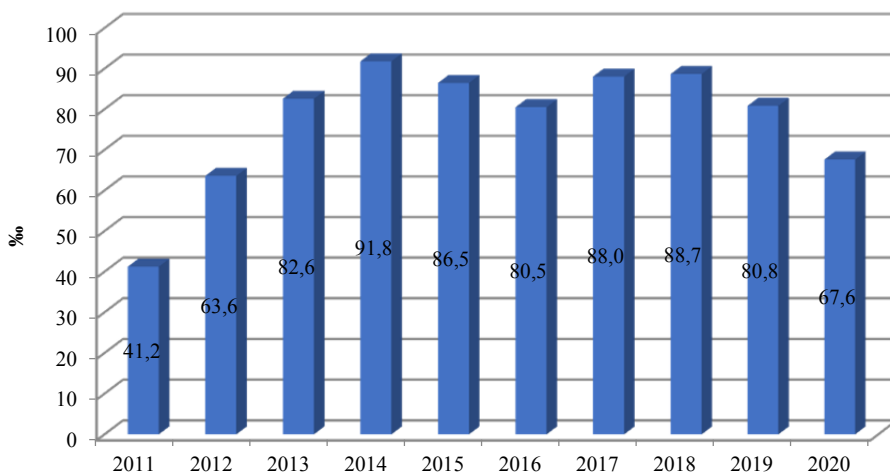

Рис. 3.49. Миграционный оборот населения Санкт-Петербурга, 2011—2020 гг.

Необходимо отметить, что за 2011—2020 гг. совокупный миграционный прирост составил в Санкт-Петербурге почти 468 тыс. чел., или 9,6% от численности населения города на начало рассматриваемого периода. При этом интенсивность нетто-миграции населения в Санкт-Петербурге очень сильно отличалась по возрастным группам. Так, если в возрастной когорте 15—19 лет коэффициент миграционного прироста в среднем за 2011—2020 гг. составил 61%, то в возрастных группах старше 50 лет он не превышает 5%, а в возрастной когорте 0—4 года вообще наблюдается отток населения, составивший за 10 лет 13,4 тыс. чел. (рис. 3.50).

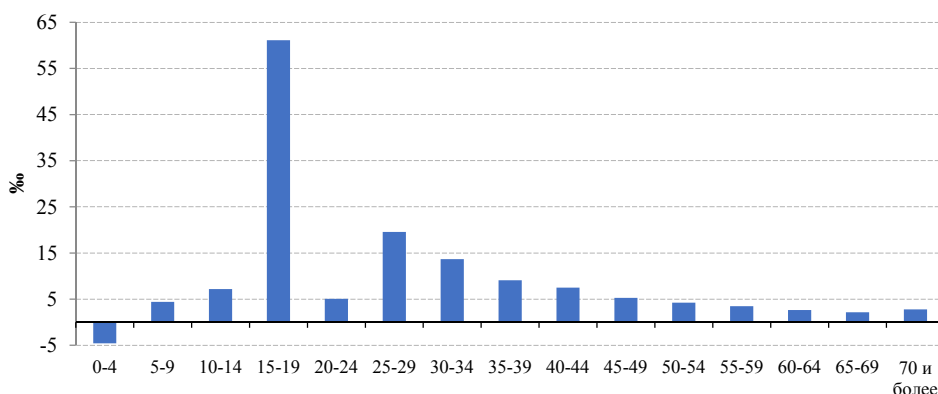

Рис. 3.50. Возрастные коэффициенты сальдо миграции населения в Санкт-Петербурге, 2011—2020 гг. (в год, в среднем за период)

Высокие показатели миграционного прироста в возрастной группе 15—19 лет связаны с тем, что Санкт-Петербург, наряду с Москвой, является крупнейшим образовательным центром страны и его вузы ежегодно принимают десятки тысяч иногородних абитуриентов. В результате сегодня почти 30% миграционного прироста населения в городе на Неве приходится на возрастную группу 10—19 лет, 28% — на 20—29 лет, 21% — на 30—39 лет (рис. 3.51). Можно сказать, что миграция улучшает возрастную структуру населения Санкт-Петербурга, увеличивая численность и удельный вес жителей трудоспособного возраста.

Сравнивая образовательную структуру нетто-миграции в Санкт-Петербурге в 2011—2020 гг. и населения города по данным ВПН-2010, обращает внимание тот факт, что прибывающие в город на Неве мигранты имеют более высокий уровень образования, чем местные жители. Так, доля лиц с высшим образованием среди мигрантов старше 15 лет в Санкт-Петербурге в рассматриваемый период составляла 44%, тогда как среди жителей города данный показатель был 32% [3] (рис. 3.52). И это несмотря на то что Санкт-Петербург всегда был и остается «кузницей кадров» — крупнейшим центром получения высшего образования в стране!

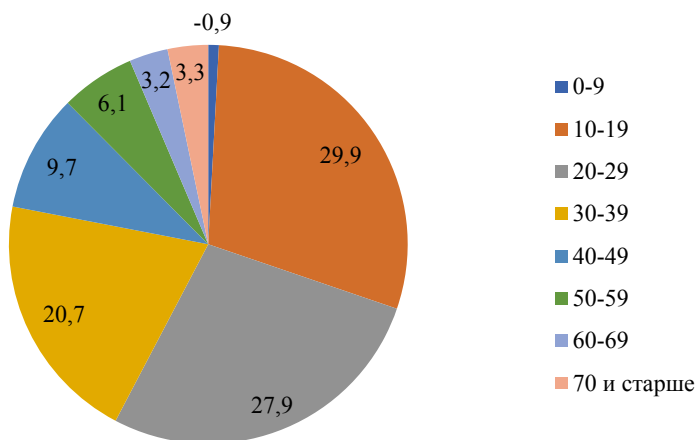

Рис. 3.51. Распределение нетто-миграции в Санкт-Петербурге по возрастам, 2011—2020 гг.

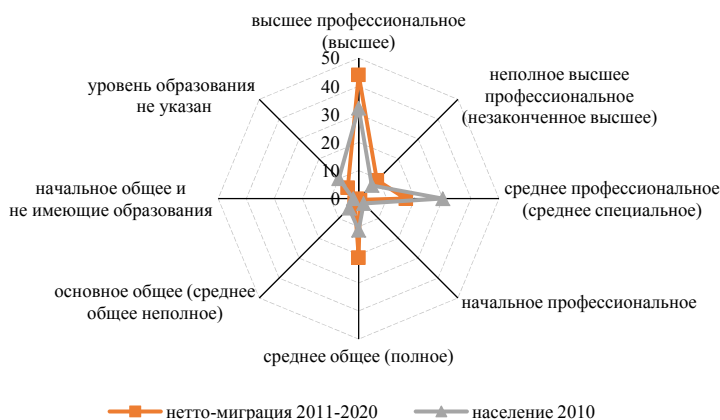

Рис. 3.52. Образовательная структура миграционного потока и населения Санкт-Петербурга в целом, 2011—2020 гг., %

В постсоветский период система размещения населения в Санкт-Петербурге претерпела существенные изменения. «Точечная» жилищная застройка в наиболее престижных районах города, наряду с расселением коммунальных квартир и переводом жилого фонда в нежилой в историческом центре, привели к перераспределению населения между районами Санкт-Петербурга. При этом массовое строительство нового жилья в Северной столице после спада 1990-х гг. возобновилось только с началом 2000-х гг., и его география была обусловлена ограничениями в наличии свободных для застройки территорий в пределах административных границ города. Данное обстоятельство опреде-

лило направленность и интенсивность миграционных процессов в районах Санкт-Петербурга. К сожалению, на уровне муниципальных образований данные о миграции населения имеются только за последние несколько лет, что не позволяет делать объективные выводы об их пространственном распределении. Административные же районы Санкт-Петербурга включают в свой состав территории, как правило, разного времени застройки, отличающиеся высоким уровнем неоднородности населения по всем демографическим и социальным параметрам. Тем не менее имеющаяся статистическая информация позволяет проанализировать динамику миграционных потоков на уровне 18 административных районов Санкт-Петербурга. В 2011—2020 гг. продолжалась депопуляция центральных районов города, в том числе за счет миграционного оттока населения (рис. 3.53).

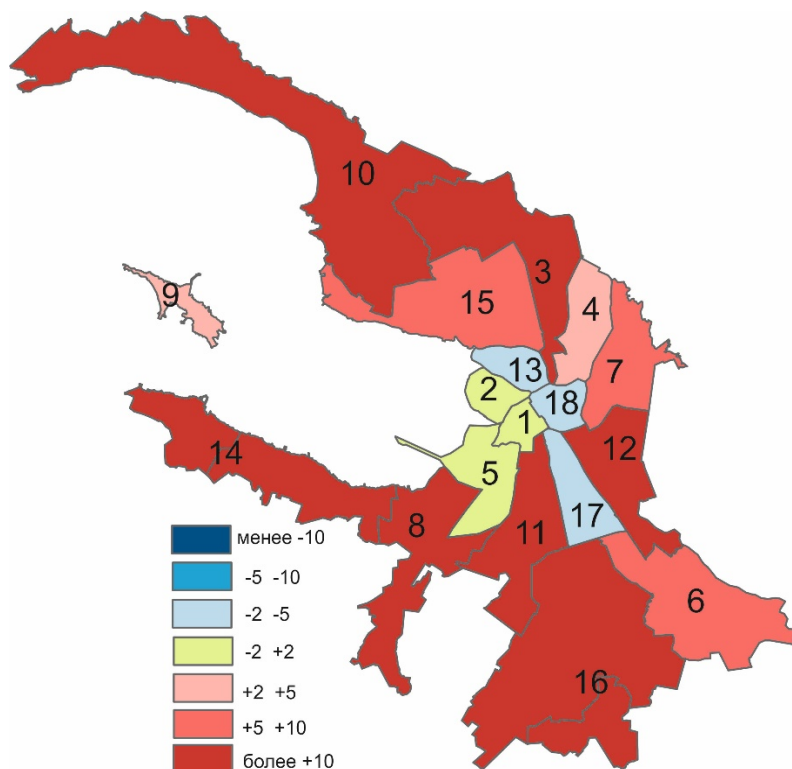

Рис. 3.53. Среднегодовые темпы сальдо миграции населения по районам Санкт-Петербурга, 2011—2020 гг., %

Примечание: районы: 1 — Адмиралтейский, 2 — Василеостровский, 3 — Выборгский, 4 — Калининский, 5 — Кировский, 6 — Колпинский, 7 — Красногвардейский, 8 — Красносельский, 9 — Кронштадтский, 10 — Курортный, 11 — Московский, 12 — Невский, 13 — Петроградский, 14 — Петродворцовый, 15 — Приморский, 16 — Пушкинский, 17 — Фрунзенский, 18 — Центральный.

Отрицательное сальдо миграции наблюдалось и во Фрунзенском районе (–2,7%), не относящемся к исторической части Санкт-Петербурга. Остальные районы города характеризовались в рассматриваемый период миграционным приростом, достигшим максимальных значений в районах массового жилищного строительства на окраинах Санкт-Петербурга — Пушкинском, Красносельском, Московском районах. Можно сказать, что в последние десятилетия в Санкт-Петербурге образовался устойчивый центр-периферийный миграционный тренд — историческая часть города теряла население в обмене с другими территориями, а расположенные на окраинах «спальные» районы росли количественно за счет строительства нового жилья.

Ленинградская область

На миграционную ситуацию в Ленинградской области существенное влияние оказывает расположение региона в непосредственной близости от Санкт-Петербурга. Особенно сильно влияние Северной столицы на прилегающие районы Ленинградской области проявилось в последние два десятилетия, когда растущая городская агломерация перешагнула административные границы Санкт-Петербурга и стала быстро инкорпорировать в свой состав новые территории.

Благодаря массовой жилищной застройке в сегменте «эконом-класса» в последнее десятилетие вокруг Санкт-Петербурга возникли новые города-спутники, такие как Кудрово (2018 г.) и Мурино (2019 г.). Численность их населения за 2010—2019 гг. выросла более чем в 8 раз. В наибольшей степени изменения численности населения в муниципалитетах пригородной зоны Санкт-Петербурга были обусловлены миграцией. Миграционный прирост населения в районах интенсивного жилищного строительства (Аннино, Парголово, Новодевяткино, Шушары, Вилози, Бугры) составлял в последние годы в среднем 5—13 % в год [13].

В то же время в большинстве районов Ленинградской области, удаленных от Санкт-Петербурга на расстояние более 120 км, в последние десятилетия наблюдалась совершенно иная динамика численности населения. Так, за последний межпереписной период (2010—2021 гг.) численность населения Лодейнопольского района сократилась на 9%, Волховского — на 15%, Подпорожского — на 18%. Тогда как население примыкающего к Санкт-Петербургу Гатчинского и Ломоносовского районов увеличилось за этот период на 13%, а Всеволожского района — в 2 раза.

В целом за период 1989—2002 гг., несмотря на интенсивную естественную убыль, население Ленинградской области сохранило свою численность (1989 г. — 1661 тыс. чел., 2003 г. — 1667 тыс. чел.). По мере улучшения общей демографической ситуации в стране и роста миграционной привлекательности пригородных районов Ленинградской области начинается и общий рост численности населения региона. По состоянию на начало 2011 г. численность населения области выросла до 1,7 млн чел. Всего с 1991 по 2010 г. общий миграционный прирост населения Ленинградской области составил

284 тыс. чел. По значению коэффициента миграционного прироста область стала одним из лидеров среди регионов России. В последнее десятилетие (2011—2020 гг.) миграционный прирост населения Ленинградской области составил 275 тыс. чел., что, несмотря на продолжающуюся естественную убыль, позволило увеличить численность населения региона на 174 тыс. чел.

Анализ миграционных потоков в Ленинградской области в 2011—2020 гг. позволяет сделать следующие выводы:

1. По темпам миграционного прироста Ленинградская область опережает все регионы СЗФО РФ, включая Санкт-Петербург. За последние десять лет данный показатель варьировал в диапазоне от 12 до 24% в год и только в кризисном для страны 2015 г. снижался до 6,8%. В целом динамика миграционного прироста населения Ленинградской области в 2011—2020 гг. повторяет ситуацию в Санкт-Петербурге, с той лишь разницей, что с 2014 г. коэффициенты нетто-миграции в области превышают аналогичные показатели для Северной столицы (рис. 3.54).

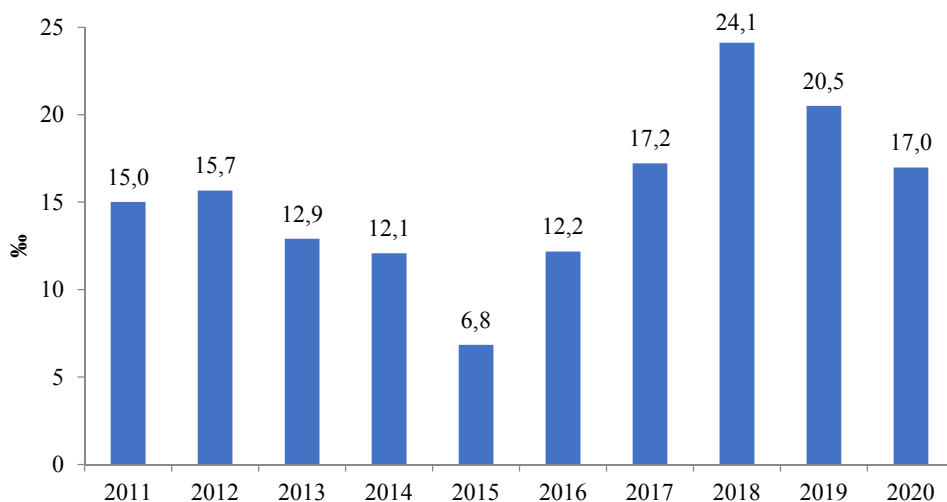

Рис. 3.54. Миграционный прирост населения Ленинградской области, 2011—2020 гг.

2. Возрастная динамика коэффициента прибытия в Ленинградской области в среднем за период 2011—2020 гг. имела существенные колебания. Так, если в возрастной группе до 5 лет коэффициент прибытия у обоих полов составлял 79%, то уже у детей среднего школьного возраста (10—14 лет) он снизился до 44%. Дальнейший рост интенсивности прибытия в более старших возрастных когортах (15—29 лет) сопровождался диспропорциями по полу — разница в коэффициентах прибытия между мужчинами и женщинами в возрасте 20—30 лет составляет 11% в пользу женщин. При этом максимального значения коэффициенты прибытия у обоих полов достигли в возрастной группе 20—24 года (90% — у мужчин, и 101% — у женщин)

(рис. 3.55). С увеличением возраста мигрантов интенсивность прибытий в Ленинградскую область постепенно снижается, а начиная с 35 лет коэффициент прибытия у мужчин больше, чем у женщин, достигая в возрастной группе 40—50 лет разницы в 10 %.

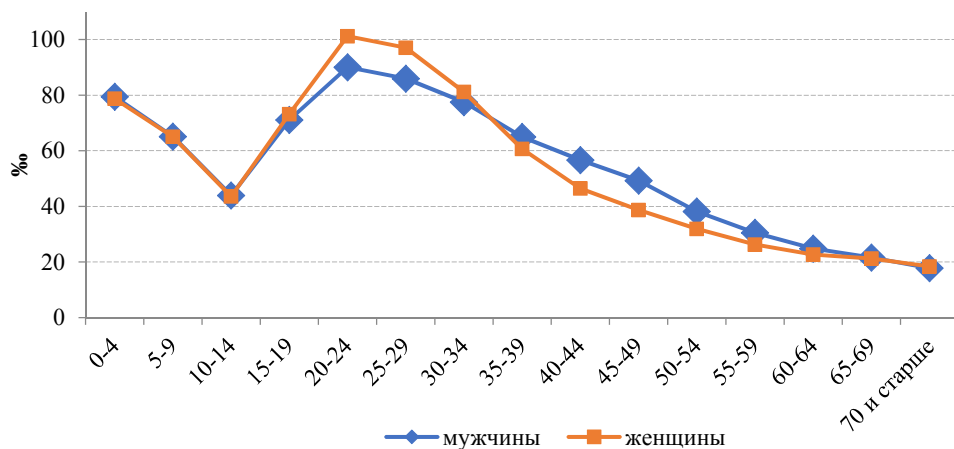

Рис. 3.55. Прибытие по возрастным группам в Ленинградскую область, в среднем за 2011—2020 гг.

3. Интенсивность выбытия населения во всех возрастных группах в Ленинградской области в 2011—2020 гг. была значительно ниже прибытия. При схожести динамики показателя по возрастным группам максимальное значение коэффициента выбытия наблюдается в более старшей возрастной группе — 25—29 лет. Превалирование мужчин среди выбывающих с территории Ленинградской области особенно заметно в возрастной группе 40—50 лет и составляет 11—12 % (рис. 3.56).

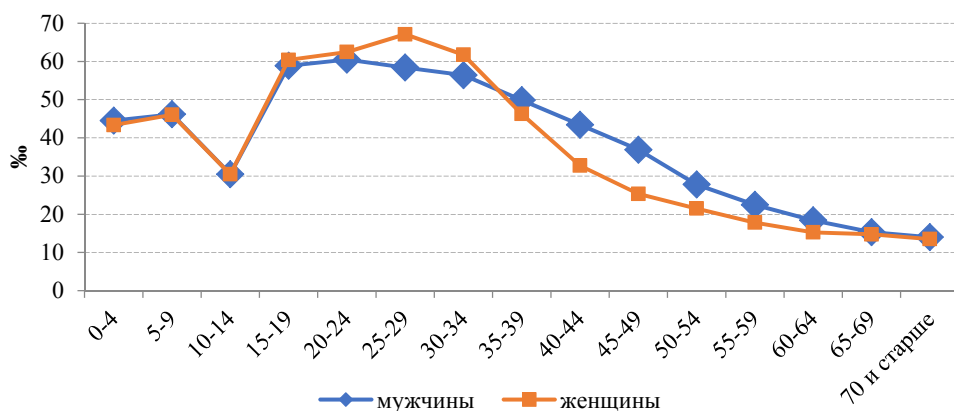

Рис. 3.56. Выбытие по возрастным группам из Ленинградской области, в среднем за 2011—2020 гг.

4. Среди рассматриваемых регионов Северо-Запада Ленинградская область отличается в последнее десятилетие (2011—2020 гг.) наиболее интенсивным миграционным оборотом. В 2011—2014 гг. коэффициент миграционного оборота вырос в регионе почти в 2 раза, а в ковидном 2020 г., когда в большинстве регионов России миграционная активность резко снизилась, Ленинградская область оставалась территорией с высокой интенсивностью миграции (рис. 3.57).

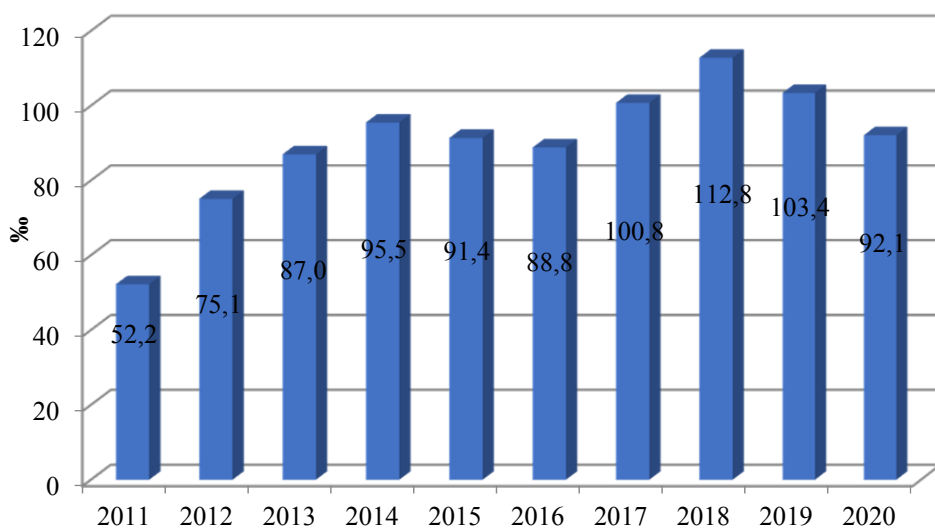

Рис. 3.57. Миграционный оборот населения Ленинградской области, 2011—2020 гг.

Как отмечалось, в течение 2011—2020 гг. в Ленинградской области наблюдался устойчиво высокий миграционный прирост населения. При этом возрастная структура этого потока характеризуется преобладанием среди мигрантов лиц младших (до 20 лет) и средних (20—40 лет) возрастов (рис. 3.58), что оказывает благоприятное влияние на возрастную структуру населения региона, «омолаживая» его и увеличивая удельный вес лиц трудоспособного возраста. В целом в 2011—2020 гг. за счет миграции население области увеличилось на 16%.

На фоне других приграничных регионов СЗФО РФ образовательная структура миграционного потока в Ленинградскую область отличается существенной диспропорцией между долей лиц с высшим образованием среди мигрантов и среди местного населения старше 15 лет. Так, доля лиц, окончивших вузы (39,8%), среди нетто-миграции в регион в 2011—2020 гг. более чем в 2 раза превышает аналогичный показатель для населения Ленинградской области (19,6%) по данным ВПН-2010 (рис. 3.59). За рассматриваемый период миграционное сальдо лиц с высшим образованием в регионе достигло

87,4 тыс. чел., что составило 30 % от общего количества жителей Ленинградской области, окончивших вузы. Таким образом, приток мигрантов существенно увеличивает образовательный уровень населения Ленинградской области.

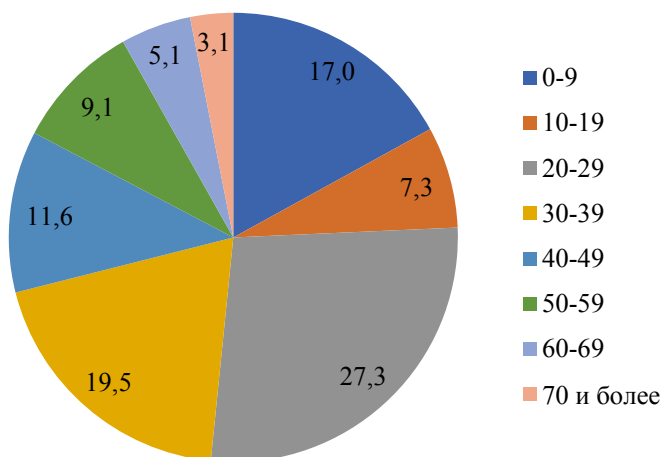

Рис. 3.58. Возрастная структура нетто-миграции в Ленинградской области, 2011—2020 гг., %

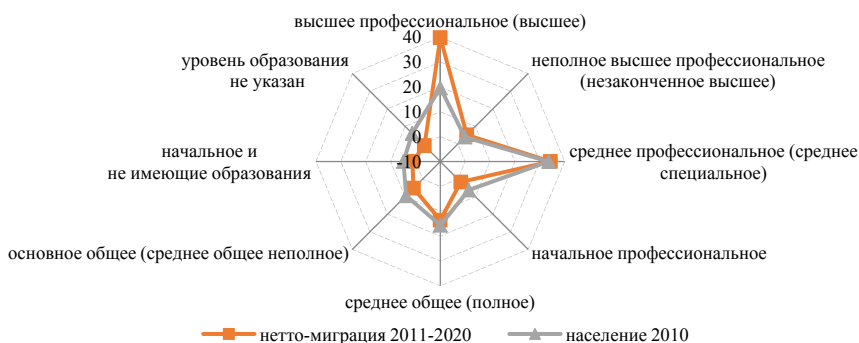

Рис. 3.59. Образовательная структура миграционного потока и населения Ленинградской области в целом, 2011—2020 гг., %

Географическое положение Ленинградской области — ее территориальная близость к Санкт-Петербургу — обусловило большие различия в направленности и интенсивности миграционных потоков в регионе на уровне муниципальных районов. Так, если удаленные от Санкт-Петербурга восточные

районы области — Лодейнопольский, Бокситогорский, Волховский, Тихвинский и Подпорожский — и сегодня продолжают терять население в миграционном обмене, то прилегающие к Северной столице территории (Всеволожский, Ломоносовский, Кировский районы) прирастают населением [4] (рис. 3.60).

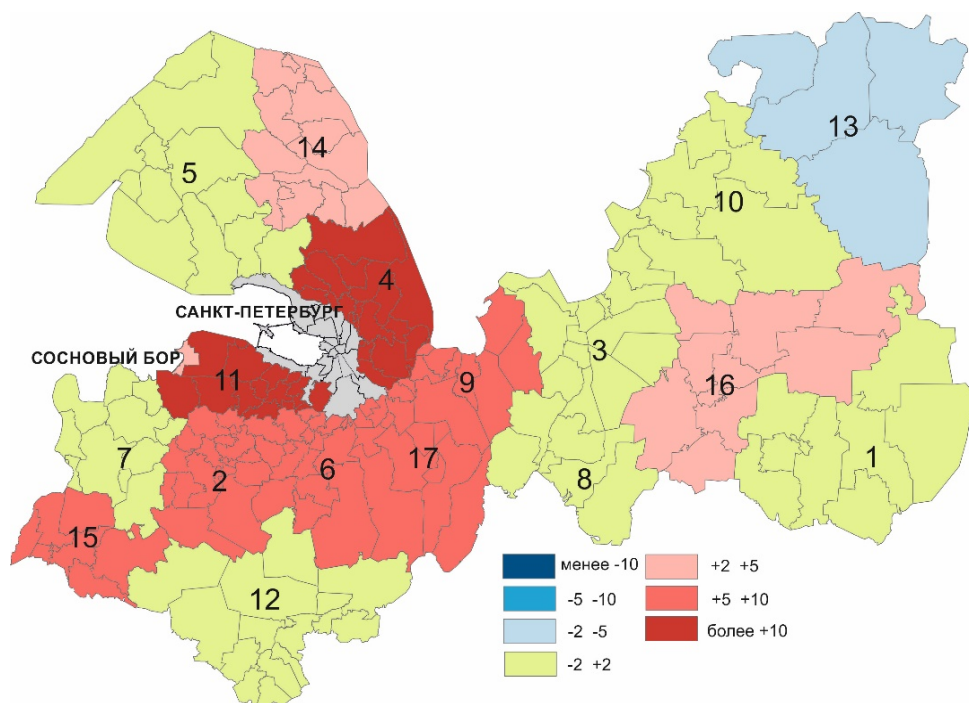

Рис. 3.60. Среднегодовые темпы сальдо миграции населения по районам Ленинградской области, 2011—2020 гг., %

Примечание: районы: 1 — Бокситогорский, 2 — Волосовский, 3 — Волховский, 4 — Всеволожский, 5 — Выборгский, 6 — Гатчинский, 7 — Кингисеппский, 8 — Киришский, 9 — Кировский, 10 — Лодейнопольский, 11 — Ломоносовский, 12 — Лужский, 13 — Подпорожский, 14 — Приозерский, 15 — Сланцевский, 16 — Тихвинский, 17 — Тосненский.

Псковская область

Демографическое развитие Псковской области в последние десятилетия во многом совпадает с ситуацией в Карелии. Однако депопуляция в регионе началась значительно раньше — уже с 1950-х гг. количество жителей Псковской области стало сокращаться. В 1980-е гг. произошла временная стабилизация численности населения региона на уровне 840—850 тыс. чел. Но в начале 1990-х гг., как и в большинстве российских регионов, смертность на

Псковщине резко превысила рождаемость, и естественная убыль достигла 14—16‰ (один из лидеров по РФ). За межпереписной период (1989—2010 гг.) население региона сократилось на 20,7% — с 846,4 до 671,3 тыс. чел.

При этом в 1990-е гг., в отличие от 1950—1980 гг., миграционная убыль населения в Псковской области сменилась миграционным приростом. В результате естественная убыль населения, составившая с 1991 по 2010 г. более 200 тыс. чел., была на 15% компенсирована миграционным приростом. Причиной смены миграционного тренда на территории области стало: 1) исчерпание демографического потенциала для выезда за пределы Псковской области в связи с массовым оттоком населения в предыдущие десятилетия; 2) приток репатриантов из республик бывшего СССР, и прежде всего из стран Балтии, в 1990-е гг., компенсировавшее выбытие населения из Псковской области в другие регионы России.

После 2010 г. произошло постепенное снижение темпов депопуляции населения региона в связи с некоторым ростом рождаемости и сокращением смертности. Естественный прирост населения в Псковской области в 2011—2020 гг. продолжал оставаться отрицательным, а сальдо миграции в рассматриваемый период варьировалось от -2,9‰ (2018 г.) до +2,8‰ (2019 г.). Суммарно за 2011—2020 гг. внешнее для региона миграционное сальдо составило почти 1,9 тыс. чел.

Анализ миграционных потоков в Псковской области за последнее десятилетие позволяет сделать следующие выводы:

1. Большую часть рассматриваемого периода (6 лет из 10) сальдо миграции населения колебалось около нулевой отметки, а в остальные годы сальдо миграции по модулю не превышало 3‰ в год (рис. 3.61). При этом наблюдалась асинхронность динамики коэффициентов сальдо миграции населения Псковской области и Карелии.

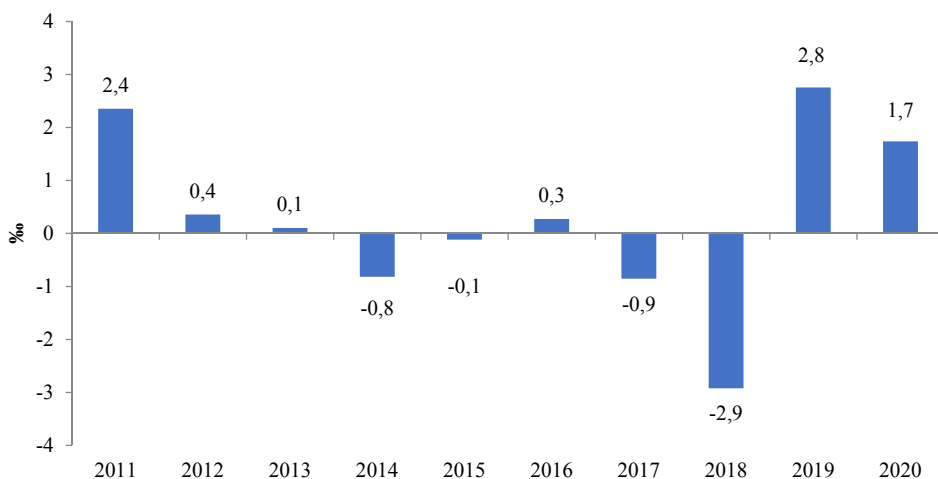

Рис. 3.61. Миграционный прирост (убыль) населения Псковской области, 2011—2020 гг.

2. Как и в Карелии, в Псковской области в 2011—2020 гг. наблюдались существенные различия в интенсивности прибытия и выбытия населения по различным возрастным группам. В 5-летних когортах дошкольного и школьного возрастов (0—14 лет) коэффициенты прибытия для обоих полов варьировались в диапазоне от 31 до 47% (что значительно превышает соответствующие показатели в Республике Карелия) (рис. 3.62). Начиная с возрастной группы 15—19 лет и до 35 лет среди прибывающих в регион наблюдается превышение лиц женского пола на 7—18%. Максимальные значения коэффициентов прибытия отмечены в «студенческих» возрастных группах — 15—24 лет. По мере увеличения возраста происходит постепенное снижение интенсивности миграционных процессов. В более старших возрастных категориях коэффициенты прибытия остаются практически неизменными и варьируются в узком диапазоне (18—25%).

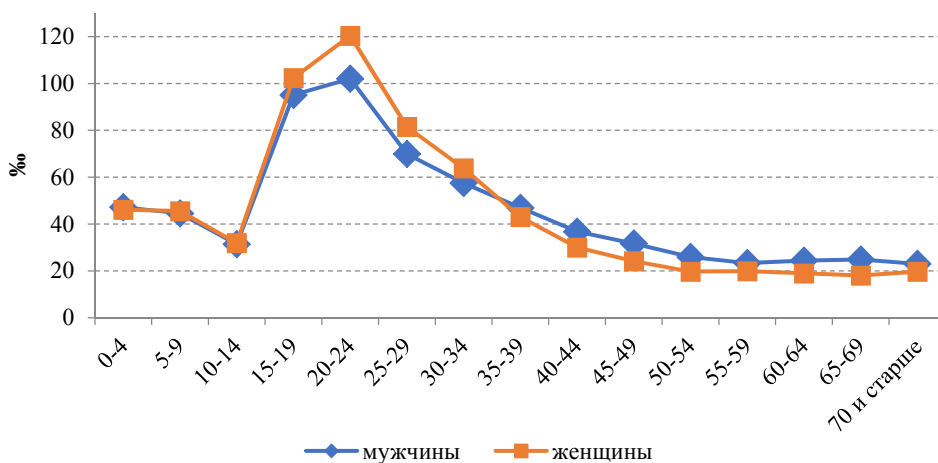

Рис. 3.62. Прибытие по возрастным группам в Псковской области, в среднем за 2011—2020 гг.

3. Динамика коэффициентов выбытия по возрастным когортам лишь в незначительной степени отличается от показателей интенсивности прибытия. Главное же отличие — более значительные диспропорции между мужчинами и женщинами среди выезжающих из региона в возрастных группах 15—30 лет: коэффициенты выбытия у женщин в 5-летних когортах здесь на 16—28% больше, чем у мужчин (рис. 3.63). В целом для возрастных групп старше 45 лет в рассматриваемый период характерен незначительный миграционный прирост.

4. В целом миграционная активность населения Псковской области в рассматриваемый период, несмотря на колебания значений нетто-миграции, характеризовалась постепенным ростом: миграционный оборот в 2011—2019 гг. вырос в 1,5 раза. И только в ковидном 2020 г. данный показатель снизился до 88% (рис. 3.64).

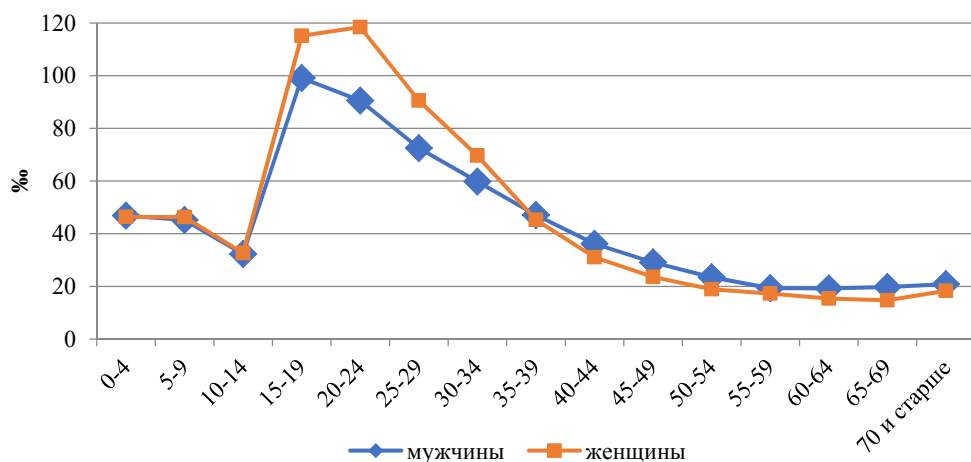

Рис. 3.63. Выбытие по возрастным группам в Псковской области, в среднем за 2011—2020 гг.

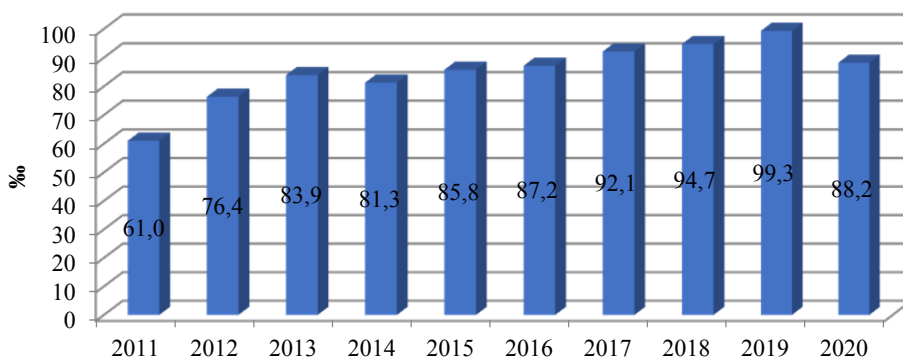

Рис. 3.64. Миграционный оборот населения Псковской области, 2011—2020 гг.

Из всех приграничных регионов СЗФО РФ Псковская область отличается наибольшей разнонаправленностью миграционных процессов по различным возрастным группам. При минимальном общем приросте населения области в 2011—2020 гг. в младших и средних возрастных группах наблюдалось отрицательное сальдо миграции, имевшее наибольшую интенсивность в когорте 15—19 лет. Исключение составляла возрастная группа 20—24 года, в которой отмечался относительно высокий миграционный прирост (рис. 3.65).

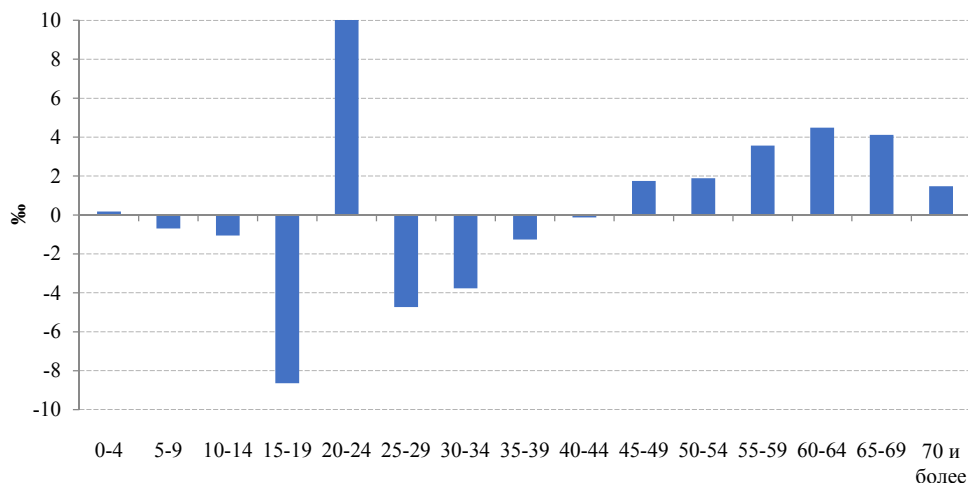

Рис. 3.65. Возрастные коэффициенты сальдо миграции населения Псковской области, 2011—2020 гг. (в год, в среднем за период)

Можно предположить, что в Псковской области происходит массовое выбытие молодежи, окончившей среднюю школу и поступающую в вузы за пределами региона. И, наоборот, для псковитян — выпускников московских и петербургских вузов (возрастная группа 20—24 лет) — характерно возвращение на свою малую родину. В абсолютных значениях эти два разнонаправленных потока мигрантов практически полностью компенсируют друг друга. В старших возрастных группах, начиная с 45 лет, в Псковской области приток населения больше оттока на 2—4%, достигая максимума в возрасте 60—69 лет. Таким образом, при общем миграционном приросте населения в области происходит замещение детей и молодежи лицами старших возрастных групп, переезжающими на жительство в Псковскую область из других регионов страны. Это негативно сказывается на демографической ситуации в регионе и его трудовом потенциале.

Образовательная структура миграционных потоков в Псковской области также свидетельствует о снижении образовательного уровня населения региона в результате внешней миграции. Так, среди лиц с высшим профессиональным образованием (как полным, так и неполным) в 2011—2020 гг. происходил отток населения из Псковской области. Аналогичная ситуация наблюдается и среди жителей региона со средним общим (полным) образованием (рис. 3.66). В то же время численность лиц со средним профессиональным (средним специальным), начальным профессиональным и основным общим образованием в регионе в рассматриваемый период выросла. Как выросло и количество лиц с начальным общим образованием, а также лиц, не указавших образование вообще.

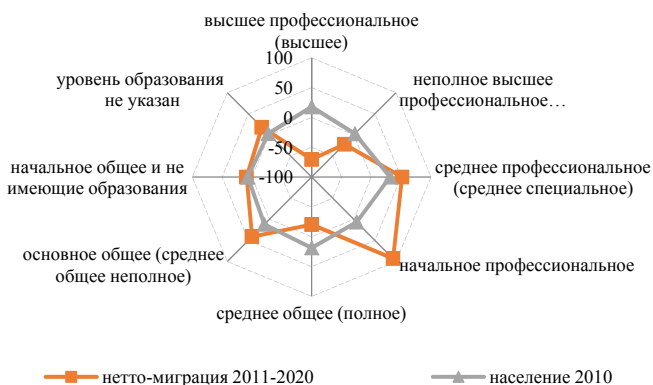

Рис. 3.66. Образовательная структура миграционного потока и населения Псковской области в целом, 2011—2020 гг., %

На уровне МР и ГО миграция населения в Псковской области в последнее десятилетие отличалась рядом пространственных особенностей. Так, несмотря на миграционный прирост населения в целом за период 2011—2020 гг. в большинстве МР области преобладало отрицательное сальдо миграции (рис. 3.67). Лишь три района из 24 — Псковский, Гдовский и Красногородский, а также город Псков характеризовались притоком населения. При этом темпы миграционного прироста в Псковском районе более чем в 5 раз превышали аналогичный показатель для регионального центра. Можно сказать, что, хотя Псков и не является многолюдным городом даже по российским меркам (210 тыс. жителей), его пространственное развитие на современном этапе характеризуется «обрастанием» пригородными поселениями, что в целом присуще процессам формирования городской агломерации. Так, если в начале 2011 г. на Псков и Псковский район приходилось 35 % населения области, то в 2022 г. здесь проживало уже 42 % всех псковичей.

Еще четыре района области — Островский, Великолукский, Опочецкий и Усвятский, а также Великие Луки имеют практически нулевое сальдо миграции. При этом, как и в случае с региональным центром и его пригородным районом, у Великолукского района лучшие миграционные показатели (+0,6%) по сравнению с районным центром (–2,0%).

Еще одной особенностью пространственной динамики миграционных процессов в регионе является то, что наибольший отток населения отмечается не в отдаленных от областного центра территориях, а в муниципалитетах, примыкающих к Псковскому району, — в Палкинском, Порховском и Струго-Красненском районах. Миграционным оттоком населения в размере более 10% в год отличаются и восточные районы области — Бежаницкий, Дедовичский, Дновский. При этом территории, расположенные вдоль федеральной автомобильной трассы М20 «Псков» (Островский, Опочецкий, Пустошкинский, Невельский районы), имеют более благоприятную миграционную ситуацию.

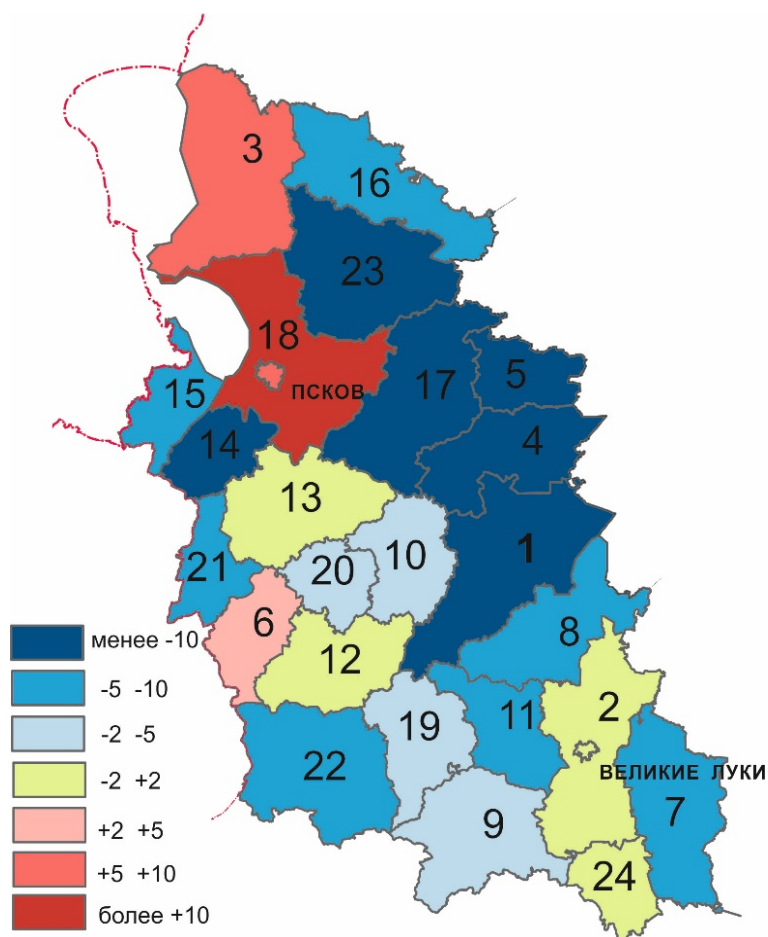

Рис. 3.67. Среднегодовые темпы сальдо миграции населения по районам Псковской области, 2011—2020 гг., %

Примечание: районы: 1 — Бежаницкий, 2 — Великолуцкий, 3 — Гдовский, 4 — Дедовичский, 5 — Дновский, 6 — Красногородский, 7 — Куньинский, 8 — Локнянский, 9 — Невельский, 10 — Новоржевский, 11 — Новосколянический, 12 — Опочецкий, 13 — Островский, 14 — Палкинский, 15 — Печорский, 16 — Плюсский, 17 — Порховский, 18 — Псковский, 19 — Пустошкинский, 20 — Пушкиногорский, 21 — Пыталовский, 22 — Себежский, 23 — Струго-Красненский, 24 — Усвятский.

Калининградская область

Калининградская область является высокопривлекательным регионом России для переселенцев из-за рубежа и в пределах страны. По состоянию на начало 2022 г. численность населения области превысила 1 млн чел. (рост в 109% по отношению к 2011 г. и 115% — к 1991 г.). Ведущая роль в этом

процессе принадлежит миграции населения. Суммарный миграционный прирост за 2011—2020 гг. превысил 90 тыс. чел., а за 1993—2010 гг. — 122 тыс. чел. По значению коэффициента миграционного прироста область остается одним из лидеров среди регионов России.

Миграция в Калининградскую область в целом соответствует возрастной структуре мигрантов в России [6]. Так, обращаясь к возрастному профилю мигрантов в Калининградской области, построенному по модели А. Роджерс и Л. Кастро [12], 51 % мигрантов, прибывших в регион в 2011—2020 гг., относился к категории молодежи в возрасте 15—39 лет. При этом возрастной профиль мужчин менее интенсивный, пик сглаженный и более «растянутый» (15—44 лет), чем профиль для женщин, где отмечается пик высокой интенсивности миграции в возрасте 15—39 лет (рис. 3.68). Ввиду этого отмечается смещение в сторону превалирования мигрантов женского пола в гендерной структуре миграционных потоков — 53 % против 47%. Медианный возраст прибывших в Калининградскую область в этот период составил 30 лет для мужчин и 31 год для женщин.

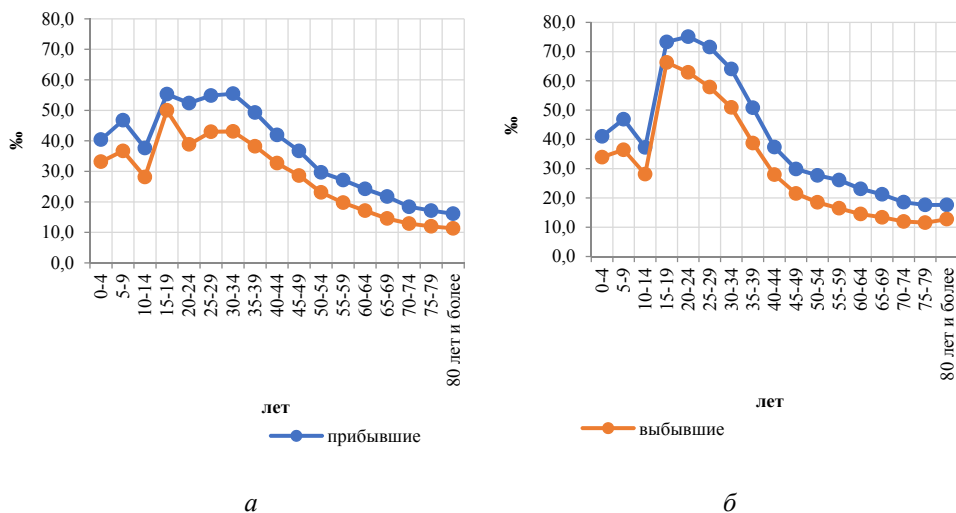

Рис. 3.68. Возрастной профиль мигрантов в Калининградской области, в среднем за 2011—2020 гг.:
а — мужчины; б — женщины

Источник: Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022 / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 17.11.2021); Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022 / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 17.11.2021); Численность и миграция населения в Калининградской области : стат. сб. Калининград : Калининградстат (выпуски 2011—2018 гг.).

В исходящих потоках доля мигрантов в возрасте 15—39 лет несколько выше — 53 % в среднем по выборке (55 % — среди мужчин), а медианный возраст выбывших за рассматриваемый период ниже, чем среди прибывших, — 29 лет. К основным причинам миграции лиц в молодых возрастах можно отнести поступление в вузы и прочие учебные заведения, а также трудовую деятельность.

Особенностью возрастной структуры мигрантов, прибывающих в Калининградскую область, является наличие второго пика миграционной активности среди переселенцев из других регионов РФ — в возрасте 55—59 лет (6 % прибывших) [1]. Наиболее вероятными причинами миграции в этих возрастах являются переезд по семейным обстоятельствам либо желание сменить регион с суровым климатом на регион с более комфортными природными условиями после завершения трудовой деятельности.

В последние два года, несмотря на последствия пандемии COVID-19 (рост смертности) и борьбы с ней (ограничения на мобильность населения), миграция в Калининградской области выполняла замещающую функцию по стабилизации не только собственно численности населения региона, но и его трудоспособной части. Так, в 2019 г. прирост трудоспособного населения за счет миграции составил более 3 тыс. чел., в 2020 г. — более 1 тыс. чел. (рис. 3.69).

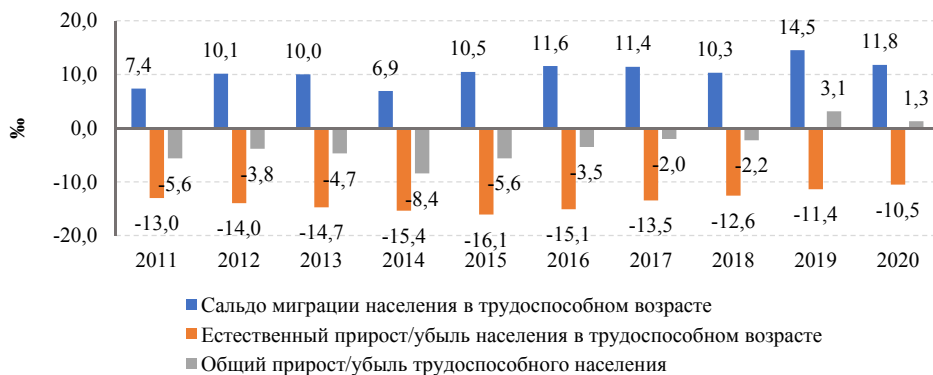

Рис. 3.69. Замещение трудоспособного населения в Калининградской области, 2011—2020 гг.

Источник: *Население, 2022* / Калининградстат. URL: <https://kaliningrad.gks.ru/population> (дата обращения: 25.04.2022); *Витрина* статистических данных, 2022 / Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/finder/> (дата обращения: 25.04.2022).

Образовательный состав прибывающих в Калининградскую область мигрантов не в полной мере отвечает складывающемуся спросу на рынке труда.

На фоне превалирования на рынке труда вакансий для замещения рабочими профессиями, не требующими высшего образования, среди прибывших почти 40% имеют высшее образование (рис. 3.70). Доля мигрантов со средним и начальным профессиональным образованием при этом постепенно сократилась — с 32% в 2012 г. до 28% в 2020 г.

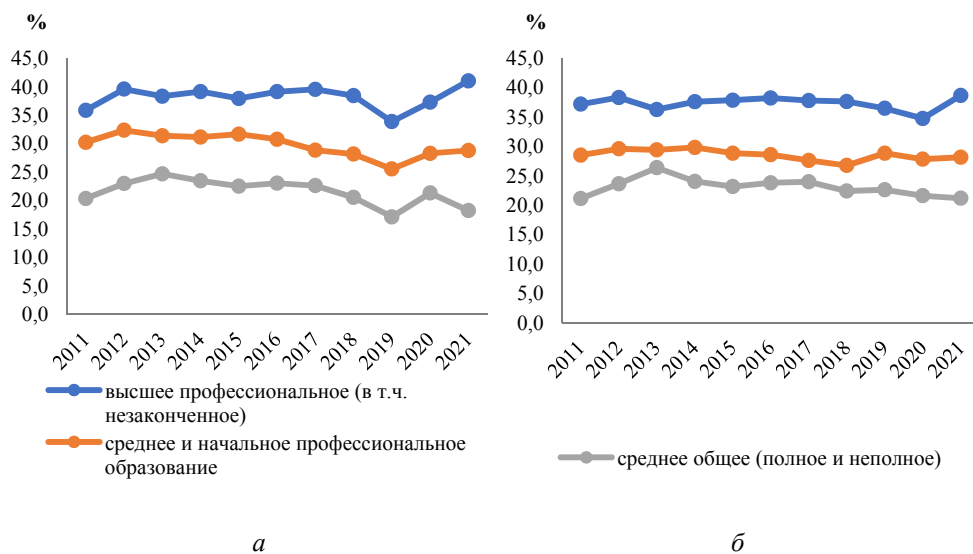

Рис. 3.70. Образовательный состав мигрантов в Калининградской области, 2011—2021 гг.:
а — прибывшие; б — выбывшие

Источник: Численность и миграция населения Калининградской области : стат. сб. / Калининградстат. Калининград (выпуски 2012—2018 гг.) ; Витрина статистических данных, 2022 / Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/finder/> (дата обращения: 25.04.2022).

Образовательный состав выбывающих из региона граждан в возрасте 14 лет и старше не претерпел существенных изменений за рассматриваемый период и в целом соответствует распределению прибывших по уровню образования.

При этом в целом образовательная структура нетто-миграции способствует повышению образовательного уровня населения Калининградской области. Доля лиц с высшим (несколькими, полным, неполным) среди мигрантов в 1,4 раза превышает соответствующий удельный вес среди населения области старше 15 лет, согласно данным ВПН-2010 — 40% против 28% (рис. 3.71). За рассматриваемый период миграционное сальдо лиц с высшим образованием в регионе достигло 32 тыс. чел.

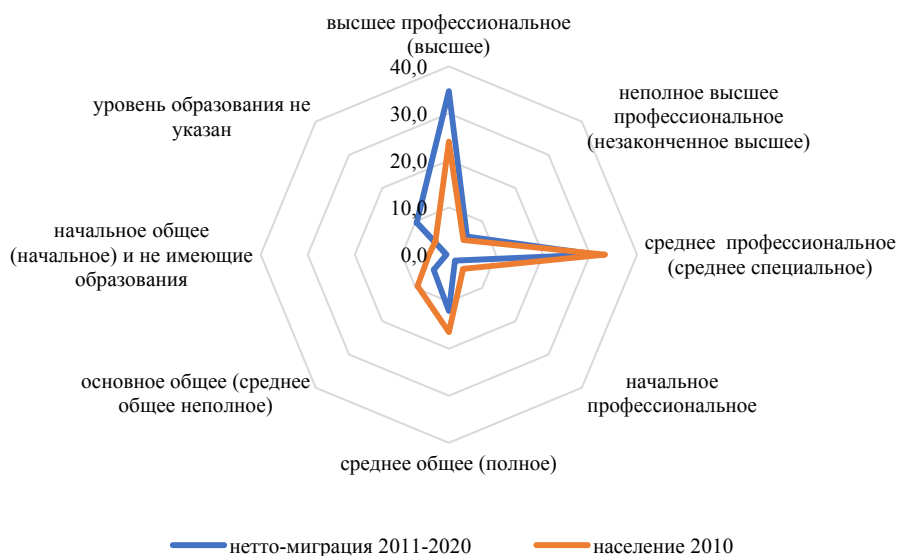

Рис. 3.71. Образовательная структура миграционного потока и населения Калининградской области в целом, 2011—2020 гг., %

Источник: *Численность и миграция населения Калининградской области* : стат. сб. / Калининградстат. Калининград (выпуски 2012—2021 гг.) ; *Витрина* статистических данных, 2022 / Росстат. URL: <https://showdata.gks.ru/finder/> (дата обращения: 25.04.2022).

Несмотря на небольшие размеры области, миграционная обстановка на муниципальном уровне демонстрирует отличия между западной частью области, объединенной в Калининградскую агломерацию, и центром и востоком региона (рис. 3.72). Административный центр с тяготеющими к нему округами, в том числе курортными, имеющими непосредственный выход к морю (Тип 1), образуют зону стабильного миграционного притяжения населения как из-за пределов области, так и внутри нее.

Тип 2 объединил муниципалитеты, расположенные в зоне влияния областного центра, подверженные центростремительным силам и оттоку населения в г. Калининград, с одной стороны, но компенсирующие потери за счет притока из других регионов РФ или стран ближнего зарубежья — с другой.

Все остальные округа образуют миграционную периферию и демонстрируют миграционную убыль населения в результате оттока в областную столицу с частичным замещением международными и гораздо реже межрегиональными мигрантами (Тип 3).

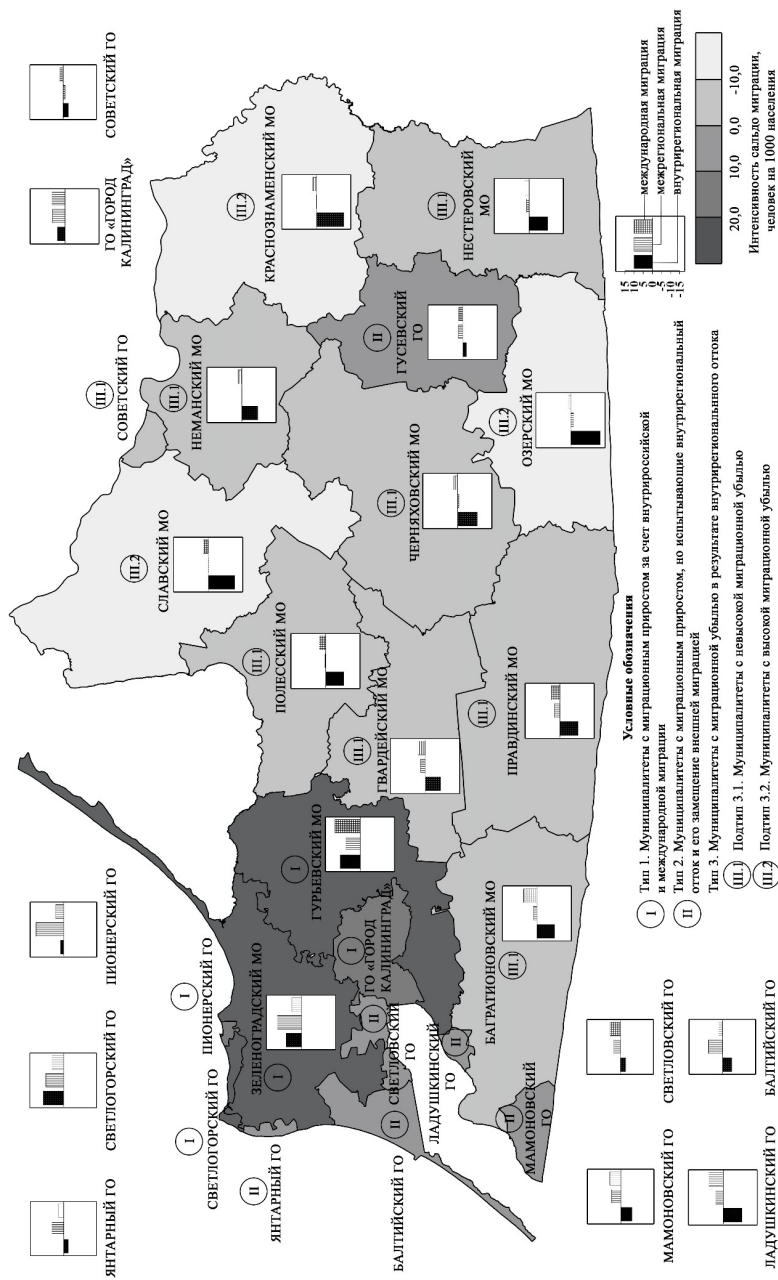

Рис. 3.72. Типология муниципалитетов Калининградской области по характеру протекания миграционных процессов, в среднем за 2011—2020 гг.

Рассчитано и составлено на основе: База данных показателей муниципальных образований Госкомстата РФ. URL://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 02.06.2022).

Факторы притяжения и выталкивания мигрантов

Миграционные процессы в приграничных регионах Северо-Запада России протекали в 2011—2020 гг. в общей логике социально-экономического и демографического развития страны в целом. Приграничное положение регионов не является фактором, влияющим на интенсивность и направленность миграционных процессов, так как все европейские соседи России имеют с нашей страной визовый режим и ограниченный товарооборот. Финляндия, Польша, страны Балтии не являются сегодня государствами, с которыми РФ имеет сколько-нибудь значимый миграционный обмен населением. В большинстве рассматриваемых регионов международная миграция в последнее десятилетие составляла в среднем 6—10 % от общего миграционного потока⁵⁶ и связана, прежде всего, с притоком в РФ граждан из государств СНГ, как по экономическим причинам (работа), так и с гуманитарными целями.

В этой связи основными факторами притяжения и выталкивания населения в регионах СЗФО РФ являются пространственные различия в уровне жизни, определяющие направленность миграционных потоков как на региональном, так и на локальном уровне. Применительно к Санкт-Петербургу большое значение имеет также фактор получения высшего образования.

К основным *факторам выталкивания* населения рассматриваемых приграничных регионов, формирования пространственной подвижности и, как следствие, миграционного потока относятся:

1. *Отсутствие мест приложения труда, скрытая безработица, низкая заработная плата.* Экономические факторы всегда доминировали и продолжают оставаться важнейшими при принятии решения о смене места жительства. Определенное значение здесь имеет незавершенность трансформации структуры экономики советского типа как в отраслях промышленности, так и в сельском хозяйстве. Несмотря на то что страна живет в условиях рыночной экономики только три десятилетия, рудименты советской эпохи в лице убыточных сельскохозяйственных (реже — промышленных) предприятий еще представлены на территории Псковской области, Карелии и отчасти Ленинградской области. Следствием разорения одних и модернизации другой части таких предприятий становится высвобождение рабочей силы, что при отсутствии развитой сферы услуг и низкой транспортной доступности крупных городских центров приводит к «вымыванию» трудоспособного населения из сельской местности и малых городских поселений. Сначала это происходит в виде «отходничества» — временной трудовой миграции, которая постепенно приводит к смене постоянного места жительства в пользу районных и региональных центров как в пределах «своих» регионов, так и вне их. На региональном уровне такая ситуация наиболее характерна для Республики Карелия и Псковской области.

⁵⁶ Только в г. Санкт-Петербурге в 2013—2015 гг. международные мигранты составляли около 20 % всего миграционного оборота.

2. *Невозможность профессиональной реализации, желание получить высшее или среднее специальное образование.* Для значительной части молодежи важным выталкивающим фактором при принятии решения о смене места жительства является отсутствие возможности реализовать свои социальные цели, самореализоваться в месте своего проживания. В первую очередь это касается желания получить высшее образование, обеспечить свой профессиональный и карьерный рост. Во всех регионах именно на молодежь 16—24 лет приходится максимальная миграционная активность.

3. *Низкая количественная и качественная обеспеченность объектами социальной инфраструктуры.* Особенно важное значение данный фактор выталкивания населения имеет для сельской местности с низкой транспортной доступностью. Отсутствие или недостаток объектов здравоохранения, дошкольного и школьного образования, других объектов социальной инфраструктуры и их низкое качество становится мотивацией к смене места жительства в пользу других населенных пунктов и, прежде всего, крупных городов.

Факторы притяжения мигрантов зеркальны факторам их выталкивания. Наличие в том или ином месте недостающих индивидууму характеристик окружающей среды является «магнитом», притягивающим мигрантов. К таким факторам относятся:

1. *Наличие высокооплачиваемых рабочих мест, их отраслевое разнообразие.* «Рыба ищет — где глубже, а человек — где лучше». В соответствии с этой логикой наиболее привлекательными для мигрантов являются территории с более высоким уровнем жизни. На северо-западе России это, прежде всего, крупнейшие города — региональные центры — и их ближайшие пригороды. Калининград, Псков, Петрозаводск и, конечно, Санкт-Петербург являются наиболее привлекательными местами размещения мигрантов.

2. *Высокая обеспеченность территории объектами социальной сферы.* Для разных половозрастных, образовательных и социальных групп населения важными при выборе места жительства являются «свой» набор услуг и стоящие за ними возможности. Для молодежи часто такими объектами становятся вузы, для лиц среднего возраста, имеющих несовершеннолетних детей, — учреждения дошкольного и среднего общего образования и здравоохранения. Также важный фактор — наличие полного набора объектов культурно-досуговой сферы. Всем этим характеристикам отвечают крупнейшие города.

3. *Доступное жилье.* На локальном уровне один из определяющих факторов, влияющих на географию расселения мигрантов, — наличие доступного по стоимости жилья. Это обстоятельство обусловило большую привлекательность пригородных районов региональных центров по сравнению с самими городами. Например, более высокие темпы миграционного (и общего) прироста населения в прилегающих к Санкт-Петербургу районах Ленинградской области, формирование вокруг Северной столицы пояса новых городов-спутников. Аналогичная ситуация, только в меньших масштабах, характерна

для Калининграда, Пскова и Петрозаводска. Более привлекательные цены на жилье также объясняют притягательность данных территорий для переселенцев с Дальнего Востока и Арктики России.

4. *Выбор сельского образа жизни («экологический фактор»)*. Благоприятная экологическая обстановка и природно-климатические условия регионов Балтийского порубежья являются определяющими для внутренних мигрантов из регионов с менее благоприятными условиями для проживания (Дальнего Востока, Арктики, Сибири). Кроме того, для значительной части мигрантов важный фактор притяжения на северо-западе России — возможность проживания «на природе», в районах с благополучной экологической ситуацией. Сельская местность, выбираемая с позиций транспортной доступности региональных центров и живописных ландшафтов привлекает многих горожан пенсионного возраста. Особенно популярны такие локации для жителей Москвы и Санкт-Петербурга. Именно этим обусловлен миграционный прирост населения старших возрастных групп в Псковской области, в частности в расположенном на побережье Чудского озера Гдовском районе [7], и на морском побережье Калининградской области.

Список литературы

1. Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 102—128. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.
2. Демографическая ситуация в Республике Карелия во второй половине 1940-х — в 1960-е гг. URL: <https://welcome-karelia.ru/articles/istoriya-karelii/kareliya-vo-vtoroj-polo-vine-1940-kh-v-1960-e-gg/demograficheskaya-situatsiya-v-respublike> (дата обращения: 12.10.2023).
3. Житин Д. В. Пространственная изменчивость социально-демографической структуры населения Санкт-Петербурга // Балтийский регион — регион сотрудничества — 2019 : материалы III междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. / под ред. Г. М. Федорова, Л. А. Жиндарева, А. Г. Дружинина, Т. Пальмовского. Калининград, 2020. С. 137—152.
4. Житин Д. В., Шендрик А. В. Динамика численности населения городов Ленинградской области: влияние кризиса 2014—2016 гг. // Известия Русского географического общества. 2017. Т. 149, № 6. С. 24—43.
5. Зайончковская Ж. А. Внутренняя миграция в России и в СССР в XX веке как отражение социальной модернизации // Мир России. Социология. Этнология. 1999. № 4. С. 22—34.
6. Карачурина Л. Б. Роль миграции в демографических процессах // Методология и методы изучения миграционных процессов : междисциплинарное учеб. пособие. М., 2007. С. 237—259.
7. Краснов А. И., Логвинов И. А. Летнее население Псковской области: качественная и количественная оценка // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18, № 1. С. 117—129.

8. Манаков А. Г., Евдокимов С. И. Динамика численности, естественное и механическое движение населения Псковского региона (XVI — начало XXI в.) // Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Естественные и физико-математические науки. 2012. № 1. С. 91—104.

9. Стекланникова О. А. О демографической ситуации в Ленинградской области во второй половине XX века по документам территориального планирования и проектирования // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 97. С. 76—79.

10. Федоров Г. М., Зверев Ю. М. Социально-экономическое и геополитическое развитие Калининградской области : учеб. пособие. Калининград : Изд-во КГУ, 2002. 308 с.

11. Яловицына С. Э. Миграционные процессы в Республике Карелия. 1990—2015 гг. Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от Средних веков до наших дней / науч. ред. О. П. Илюха. Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. С. 312—338.

12. Rogers A., Castro L. Model migration schedules. Research report RR-81-30. Laxenburg, IIASA, 1981. 153 p.

13. Sechi G., Zhitin D., Krisjane Z., Berzins M. Post-Soviet Suburbanization as Part of Broader Metropolitan Change: a Comparative Analysis of Saint Petersburg and Riga // Sustainability. 2022. № 14 (13). P. 8201. URL: <https://doi.org/10.3390/su14138201> (дата обращения: 10.10.2022).

14. Zhitin D. V., Sechi G., Krisjane Z., Berzins M. Socio-Spatial Differentiation in Transition: a Preliminary Comparative Analysis of Post-Soviet Saint Petersburg and Riga // Baltic Region. 2020. Т. 12, № 1. С. 85—114.

Глава 3.4. Миграционные процессы в регионах Западного побережья России с сухопутной границей

Эволюционные тренды миграционных исследований охватывают весь комплекс изменений, затронувших эту сферу. Постоянно диверсифицируется тематическое наполнение кластера, актуализируются отдельные акценты миграционных процессов, расширяется территориальный охват, обновляются методические и технологические приемы изучения как собственно миграций, так и анализа факторов и причин, на них влияющих, корреляционных связей между ними. Вследствие изменения ситуации, оказывающей преимущественное влияние на миграционную активность и подвижность населения, на первый план выходят ранее неактуальные вопросы, формируется ответ на возникшие вызовы⁵⁷.

Отдельно стоит отметить работы по вопросам взаимосвязи между миграцией и урбанизацией; миграцией и устойчивым развитием; международной трудовой миграции; комплексной динамики и движущих сил нелегальной миграции и проблем в области управления границами для понимания основ-

⁵⁷ Исследования, посвященные изменениям миграционной ситуации в России, представлены в работах М. Г. Арутюнова, О. И. Вендиной, М. Б. Денисенко, Ж. А. Зайончковской, Е. С. Красинца, Н. В. Мкртчяна, Н. В. Тарасовой, А. Г. Гришановой, В. И. Переведенцева, П. М. Поляна, Л. Л. Рыбаковского и др.

ных направлений мировых публикаций по вопросам механического движения населения, использования всей совокупности имеющихся данных, результатов исследований и анализа для «внесения вклада в более отчетливое понимание некоторых из наиболее важных и жгучих проблем глобальной миграции нашего времени» [3, с. 11].

В некоторых работах [6] рассматривается обусловленность урбанизационного тренда миграционной активностью населения и масштабностью потоков из сельской местности, малых и средних городов в крупнейшие центры. Это подтверждает гипотезу о незавершенности процесса урбанизации, в том числе и на приграничных территориях. Определены основные пространственные направления миграций: из периферии в столицы, их пригороды и крупные города. Дополним, что для районов Западного порубежья — с востока в центральные и южные районы.

Авторы утверждают, что современный кризис и военные действия на востоке Украины, массовые перемещения населения городов, включая Донецк и Луганск, в Россию и другие регионы Украины, в том числе к родственникам в сельскую местность, нарушили ход миграций. В России также возможны изменения, связанные с санкциями и экономическим кризисом. Однако, как показывает опыт предыдущих кризисов, объективный ход процессов миграции восстанавливается довольно быстро, что делает их анализ актуальным.

Гипотеза исследования миграционных потоков в Россию из стран ближнего зарубежья, предложенная В. А. Лазаренко [5], основана на синтетической теории международной миграции, предполагающей, что после перехода к рыночной экономике мигранты перемещаются не в самые развитые или соседние страны и регионы, а в те, с которыми налажены тесные коммуникации.

Для проверки этой гипотезы рассчитаны значения коэффициента интенсивности миграционных связей России и стран ближнего зарубежья и коэффициента миграционного прироста регионов России за счет стран ближнего зарубежья. Расчеты показывают, что фактор приграничности хотя и играет значительную роль, не всегда является определяющим при выборе мигрантами места жительства в России.

В одних случаях приграничность может сглаживать, компенсировать периферийность, а в других — усиливать. Это зависит, в частности, от типа границ, соотношения их контактной, барьерной и фильтрующей функций. Преобладающая функция границы определяет потенциал развития, перераспределяет различные сферы деятельности.

В условиях контактных границ приграничное положение превращается в важнейший ресурс, усиливающий возможности для социально-экономического роста и развития в результате синергетического эффекта за счет использования потенциала самой границы и градиентов межстранового соседства. В случае с закрытыми границами ресурс приграничья направлен в противоположную сторону — на разрыв, дезинтеграцию, ослабление социально-экономического уровня и углубление периферийности приграничья.

Территориальный охват работ, посвященных миграции, чаще всего представлен уровнем государства. Региональные исследования гораздо реже оказываются в поле зрения ученых и чаще всего востребованы в отношении приоритетных геостратегических территорий. Еще более малочисленны сравнительные межстрановые миграционные исследования в силу трудностей, связанных с сопоставимостью данных учета и методик их обработки. Тем не менее такие работы, освещающие миграционные процессы по обе стороны государственной границы между Россией и Украиной, опубликованы [4; 7], несмотря на то что Западное сухопутное порубежье России до недавнего времени было академически маргинализировано в силу отсутствия информационных и социально-значимых поводов.

В статье рассматривается миграционная ситуация на территории муниципальных образований сухопутного Западного порубежья России в период растущей неопределенности 2011—2021 гг. Вместе с тем коренные и качественные преобразования миграционной ситуации охватывают более поздний период, начиная с февраля 2022 г. Со временем, когда накопленный статистический и эмпирический материал станет доступным, это позволит систематизировать полученные данные и обобщить сложившуюся ситуацию, что станет важным переломным этапом пула миграционных исследований.

В качестве **объекта исследования** нами рассматриваются миграционные процессы на территории 210 муниципальных образований регионов Западного порубежья в границах Смоленской, Брянской, Курской, Белгородской, Воронежской и Ростовской областей РФ.

Территория Западного порубежья России составляет 295 тыс. км², занимая 1,7% территории государства. Средняя плотность населения — 38,2 чел./км², что выше, чем в РФ (8,5 чел./км²), но ниже, чем в ЦФО РФ (60,1 чел./км²). Здесь проживает более 11 млн чел. (7,6% населения РФ). Эти территории имеют сравнительно низкий процент городского населения (69% при 74,8% по РФ и 84,2% по ЦФО РФ).

Во всех областях в последние годы численность населения формируется под влиянием превышения естественной убыли над миграционным приростом. Естественная убыль населения в Западном порубежье составляет –12,1‰, что хуже показателей по России (–7,1‰) и ЦФО (–8,6‰). Коэффициент миграционного прироста составляет 2,7‰, что немного ниже, чем по РФ (2,9‰), и существенно ниже показателя по ЦФО (4,9‰). Величина миграционного прироста не компенсирует естественной убыли населения.

За 2010—2021 гг. численность участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, доля регионов Западного порубежья составила 12% от общероссийской и 30% от ЦФО. Это довольно большой процент, в абсолютном выражении — более 131 тыс. чел., в среднем — чуть больше 11 тыс. чел. ежегодно. В возрастной структуре мигрантов численно преобладает трудоспособное население (70%) при небольшом перевесе женского населения (52%).

Прогрессирующая депопуляция, как господствующий тренд трансформации населения Западного порубежья России и его непосредственного приграничья, обусловлена перекрестным действием разнообразно множественных факторов и подразумевает значительную, последовательную и долгосрочную потерю населения, которая может рассматриваться как исчерпанность демографического потенциала.

Рассматривая каждую из характеристик беспрецедентной убыли населения, за точку отсчета примем 1989 г., по сравнению с которым в 2021 г. потери населения в среднем составили немногим менее 1 млн чел. Если сравнить 2011 г. и 2021 г., темпы снижения численности населения ускорились и составили уже более 54 тыс. в год. Спад населения, хоть и разными темпами, продолжается не только в то время, пока страны существуют в рамках самостоятельных государств. Эти тенденции имеют более глубокие корни [7].

Демографические потери населения за весь исследуемый почти 30-летний период при отсутствии даже кратковременного повышения численности позволяют утверждать о преобладающих процессах депопуляции приграничного сообщества. Такая ярко выраженная отрицательная динамика обусловлена низкой рождаемостью, существенно превышающей ее смертностью и миграционным оттоком населения.

Реализация целей демографической политики, направленной на выявление возможностей перспективного восполнения человеческого ресурса, заключается в сокращении смертности и росте рождаемости, укреплении семейного уклада. Однако даже простая стабилизация численности населения, являющаяся необходимым условием полномасштабного социально-экономического развития стран, в том числе и рассматриваемых нами, по мнению экспертов, в настоящем и ближайшем будущем невозможна [1; 2].

Демографический потенциал исследуемого региона, его способность к воспроизводству населения формируется под воздействием низкой рождаемости и высокой смертности населения. Соотношение этих важнейших показателей, которые составляют основные компоненты, влияющие на численность и плотность населения, складывается в сторону естественной убыли населения. Демографическая ситуация в регионах Западного порубежья России стала одной из самых острых социально-экономических проблем. Идет катастрофическая потеря населения приграничья, занимающего внутренние, удаленные от региональных столиц территории. Это дает веские основания считать их «медвежьими углами» с недостаточно развитой инфраструктурой, слабой экономической, в том числе транспортной, связностью, низкой (по отношению к центральным районам) численностью и плотностью населения, редкой сетью городов, разреженной сетью сельских поселений. Несмотря на географическое положение в пределах главной полосы расселения, приграничье испытывает недостаток демографических ресурсов для воспроизводства населения. Вызывает серьезное опасение динамика спада такого потенциала, его скорость и масштабы [9].

Для Западного порубежья России характерно действие общих тенденций, связанных с укоренением низкой рождаемости в современном образе жизни,

перестройка возрастной модели рождаемости в сторону сдвига к более старшим возрастам материнства и сокращения в населении числа потенциальных матерей [8].

Изменение репродуктивного поведения привело к снижению суммарного коэффициента рождаемости: в начале периода он составил 1,9‰, а в 2019 г. — 1,4‰. К сожалению, и этот, более высокий, показатель не позволяет обеспечивать даже простое воспроизводство поколений и не сможет способствовать росту численности приграничного населения. Ситуация, характеризующая смертность, более стабильна и отражает сложившуюся возрастную структуру населения. Современная картина естественного движения населения показывает глубину демографического кризиса и невозможность нахождения решений для предотвращения прогрессирующей депопуляции.

Результаты детального статистического анализа демографического потенциала Западного порубежья России подтверждают его оценку как депопулирующего, с несбалансированной возрастной структурой, сложившейся в результате фундаментального демографического сдвига в сторону повсеместного снижения доли молодых возрастов, демографического старения населения (рис. 3.73).

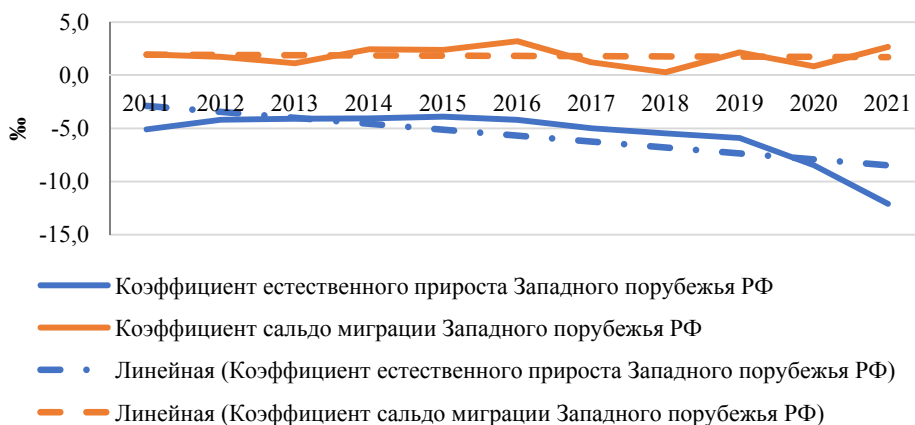

Рис. 3.73. Динамика естественного и миграционного движения населения, 2011—2021 гг.

Источник: *Естественное движение населения Российской Федерации* / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 08.10.2022); *Численность и миграция населения Российской Федерации* / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.10.2022).

В сложившейся кризисной ситуации одним из немногих сравнительно мягких сценариев поддержания численности населения, обеспечения ведения хозяйственной деятельности является необходимость пополнения этих территорий экономически активным населением, трудовыми мигрантами [2; 4].

Обращаясь к миграционной ситуации в Западном порубежье, отметим довольно устойчивую тенденцию к положительному сальдо миграционного движения населения.

В наших предыдущих работах неоднократно обозначался тот факт, что формирование территориальной структуры Западного порубежья России происходило по остаточному принципу, вследствие чего это сравнительно малоосвоенные и слабоурбанизированные районы с небольшим количеством крупных городов.

Всегда, но особенно после событий 2014 г. и 2022 г., приграничные территории оказывались заложниками «большой» политики, что приводило к возникновению разновекторного углубления социально-экономических контрастов. Процессы, меняющие демографическое поведение населения, его миграционную подвижность, рисунок расселения, происходят постоянно, в любые исторические периоды и эпохи. Однако в последнее время на эволюционный ход демографических и экистических процессов наложились последствия событий, вызванных коренным изменением геополитической и социально-экономической ситуации.

При сходной динамике естественного движения населения миграционный прирост в Западном порубежье России был выше и более устойчив (табл. 3.10).

Таблица 3.10

Соотношение естественного и миграционного движения населения областей Западного порубежья России (2011—2021 гг.)

Область	Показатель*	Год										
		2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Белгородская	К _{ЕП}	-3,0	-2,4	-2,2	-2,5	-2,4	-2,8	-3,8	-4,3	-4,8	-7,6	-10,2
	К _{СМ}	5,4	5,6	4,3	4,9	3,8	4,6	1,8	2,7	5,9	2,5	4,2
Брянская	К _{ЕП}	-5,2	-4,8	-4,8	-5,0	-4,4	-4,7	-5,8	-6,0	-6,4	-9,0	-12,6
	К _{СМ}	-3,4	-3,7	-4,0	-2,8	-1,5	0,4	-2,0	-3,0	0,0	1,1	0,8
Воронежская	К _{ЕП}	-5,7	-4,7	-4,8	-4,8	-4,2	-4,5	-5,0	-5,5	-5,7	-8,3	-12,2
	К _{СМ}	4,2	4,3	4,2	5,7	5,2	5,4	4,3	2,9	4,2	0,4	4,4
Курская	К _{ЕП}	-5,3	-4,6	-4,7	-4,9	-4,7	-5,1	-5,9	-6,2	-6,6	-9,0	-13,4
	К _{СМ}	1,7	2,6	4,2	3,5	7,0	7,6	-0,9	-1,2	3,9	2,7	1,6
Ростовская	К _{ЕП}	-3,3	-2,3	-2,1	-1,9	-1,9	-2,2	-3,0	-3,6	-4,3	-6,6	-10,2
	К _{СМ}	-0,1	0,9	0,0	1,2	0,4	1,2	1,8	0,5	-0,6	3,2	3,6
Смоленская	К _{ЕП}	-8,0	-6,3	-5,9	-5,3	-5,8	-5,9	-6,4	-7,2	-7,6	-10,2	-13,9
	К _{СМ}	3,9	0,8	-1,8	2,1	-0,6	0,2	2,4	-0,2	-0,4	-4,7	1,6
Итого	К _{ЕП}	-5,1	-4,2	-4,1	-4,1	-3,9	-4,2	-5,0	-5,5	-5,9	-8,5	-12,1
	К _{СМ}	2,0	1,7	1,1	2,4	2,4	3,2	1,2	0,3	2,2	0,8	2,7

* К_{ЕП} — коэффициент естественного прироста/убыли; К_{СМ} — коэффициент сальдо миграции.

Источник: *Естественное движение населения Российской Федерации* / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 08.10.2022); *Численность и миграция населения Российской Федерации* / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.10.2022).

По соотношению основных компонентов изменения численности населения Западного порубежья выделены основные типы динамики населения городов и сельских административных районов. Самую желательную для демографического развития, но самую незначительную долю по представительству в порубежье составляют поселения, в которых население увеличивается за счет миграционного прироста, перекрывающего естественную убыль. Это очень нехарактерная для приграничья ситуация. Все остальные населенные пункты характеризуются снижением численности населения, отражая разнообразие причин и факторов, влияющих на соотношение основных компонентов. В одних случаях это преобладание естественной убыли над миграционным оттоком, в других — преобладание миграционного оттока над естественной убылью. Все выявленные варианты свидетельствуют о крайне неблагоприятной демографической обстановке.

Сравнение показателей рождаемости, смертности, естественного и миграционного движения населения предполагает, что в сходных исторических, природных, социально-экономических условиях эти процессы могут протекать параллельно. При изменении факторов, влияющих на демографический потенциал, наблюдается демографическая конвергенция / дивергенция как процесс схождения / расхождения векторов демографической трансформации. Сама по себе конвергенция / дивергенция демографических процессов не свидетельствует о положительном или отрицательном тренде изменения демографического потенциала. Она лишь обнаруживает сходство или различие в направленности этих показателей, их отклонение от средних величин. Поэтому гипотезу конвергенции / дивергенции иногда называют эффектом нагнывания или догоняющего действия.

Исследование демографической конвергенции регионов происходит с учетом мировых и региональных тенденций, в соответствии с которыми уровень социально-экономического развития региона не всегда свидетельствует о позитивной динамике демографических показателей естественного воспроизводства, но всегда маркируется миграционной активностью населения. Масштаб и направленность миграционных перемещений, перетоки экономически активного населения из одного региона в другой безошибочно показывают социально-экономическое преимущество принимающей стороны.

Значимость мигрантов для региона прибытия обуславливается их социально-демографическими характеристиками, важнейшей из которых является возраст, поскольку все регионы Западного порубежья России нуждаются в омоложении возрастной структуры, увеличении численности трудоспособного населения и снижении демографической нагрузки на него, увеличении в населении доли людей фертильного возраста. Всем этим запросам отвечает возрастная структура мигрантов, в том числе прибывающих в регионы Западного порубежья России (рис. 3.74).

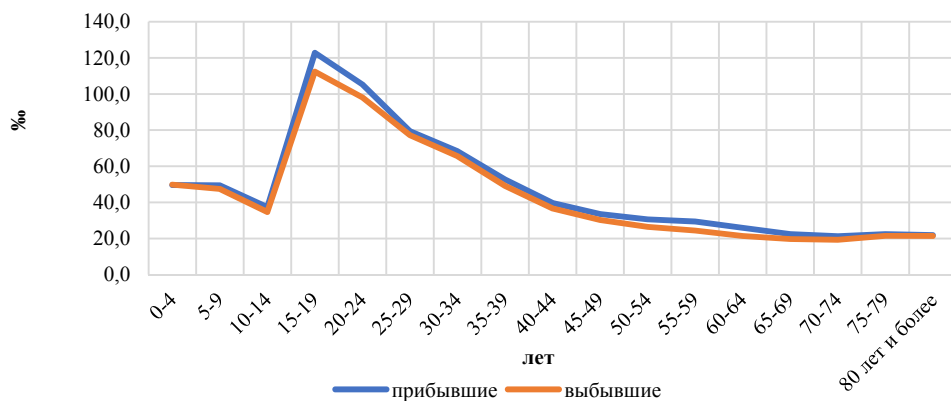

Рис. 3.74. Возрастной профиль межрегиональных мигрантов по Западному порубежью России, 2011—2020 гг.

Источник: Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022 / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 08.10.2022); Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022 / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 08.10.2022).

Регионы Западного порубежья России имеют незначительные различия в балансе возрастных характеристик между прибывшими и выбывшими. Первый возрастной пик отчетливо появляется у выпускников школ. В тех областях порубежья, которые обладают престижными вузами, наблюдается превышение прибывших над выбывшими (Ростовская, Воронежская области с высоким объемом потенциальной учебной миграции и Белгородская — с более скромными масштабами). Небольшое превышение прибывших наблюдается в Смоленской области. Курская область показывает нулевой баланс, а вот Брянская область демонстрирует преобладание выбывшей из региона молодежи предположительно для получения образования.

Уникальна форма возрастного профиля межрегиональных мигрантов Белгородской области, она не похожа на все остальные. Во-первых, на ней отражено более равномерное распределение возрастных групп, пики сглажены, во всех возрастах преобладают прибывшие. Второй всплеск миграций приходится на 55—59 лет с выраженным положительным сальдо. Менее выраженная, но сходная по характеру тенденция прослеживается и в Курской области. Совпадение числа прибывших и выбывших характерно для Смоленской области начиная с возраста 20—24 года; Ростовской — 25—29 лет; Брянской — 35—39 лет.

Косвенно возрастной профиль может свидетельствовать о происходящих в экономике процессах, потребностях рынка труда и о состоянии социальной сферы.

Характер миграционных процессов, тенденции его дифференциации во временном и пространственном измерении отражают показатели числа при-

бывших / выбывших, сальдо миграции на разных территориальных уровнях: внутриобластном и внешнем для региона, а также с другими регионами России, со странами ближнего зарубежья и с другими странами. Каждая из областей Западного побережья имеет особенности, обусловленные географическим положением, уровнем социально-экономического развития, социально-го благополучия, общественным мнением, в частности толерантностью.

Миграционную ситуацию в регионах Западного побережья России проанализируем в направлении с северо-запада на юго-восток, что согласуется с распределением факторов влияния на миграционную ситуацию и с трендом основных природных, исторических и социально-экономических показателей.

Миграции населения в **Смоленской области** характеризуются преобладанием межрегиональных потоков (более половины), за которыми по численности участников следует миграционный обмен со странами ближнего зарубежья ($1/3$) и небольшая доля — с другими зарубежными странами. Вместе с тем наблюдается снижение объема межрегиональной миграции, превышение выбывших над прибывшими (рис. 3.75).

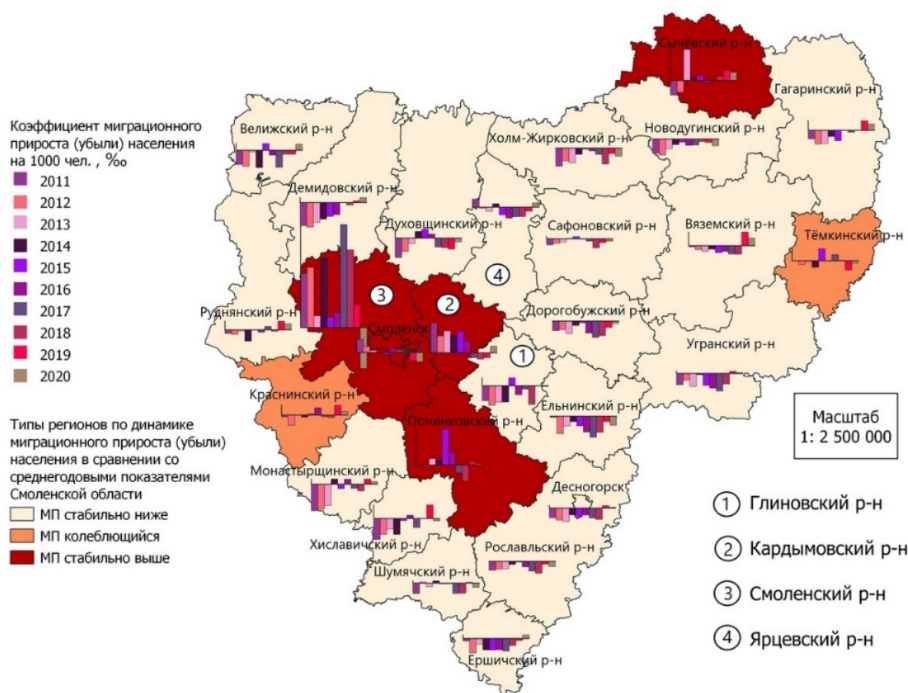

Рис. 3.75. Миграционная ситуация в Смоленской области, 2011—2020 гг.

Рассчитано и составлено на основе: База данных показателей муниципальных образований Госкомстата РФ / Росстат. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 08.10.2022).

Отрицательное сальдо миграции сформировалось с городами ЦФО, СЗФО, ЮФО и ПФО, что объясняется в том числе географическим положением региона в зоне влияния главных центров притяжения мигрантов — Москвы и Санкт-Петербурга. Именно эти города и являются «ловушками» для населения Смоленской области.

Миграционный прирост со странами ближнего зарубежья сменился миграционной убылью преимущественно за счет граждан Беларуси, что предположительно можно объяснить выравниванием заработных плат между регионами. Миграционный прирост трудовых мигрантов наблюдается с Таджикистаном, Арменией, Украиной.

Миграционные потери в обмене с другими зарубежными странами приходятся на Индию, обеспечивающую учебную миграцию в Смоленский медицинский университет.

Внешние мигранты в $\frac{3}{4}$ случаев прибывают на территорию Смоленской области временно. Среди прибывших на постоянное место жительства наибольшая доля (каждый третий) приходится на иммигрантов из Украины, каждый пятый — из Таджикистана.

В отличие от внешней, внутрирегиональная миграция не приводит к изменению численности населения, а приводит к его перераспределению. В случае со Смоленской областью — в сельские поселения административных районов первого порядка соседства с областным центром, имеющим более высокий уровень социально-экономического развития, в том числе объемы жилищного строительства.

В 2021 г. миграционный прирост населения Смоленской области составил 1,4 тыс. чел., сократившись на 13 % по сравнению с предыдущим годом. Для сравнения: естественная убыль в 2021 г. составила 12,6 тыс. чел.

Миграционные процессы в Смоленской области приводят к изменению этнического состава населения, в частности, росту доли народов Северного Кавказа, Закавказья, Средней Азии. Наряду с ростом численности снижается качество потенциала трудовых ресурсов.

Из проблем Смоленской области следует отметить «промывной» миграционный режим, низкую эффективность миграций вследствие ее восприятия как перевалочного пункта, трамплина для дальнейших переездов ближе к столичным регионам. В результате миграционной убыли населения область теряет ежегодно по несколько тысяч трудоспособных граждан. Сокращение миграционной активности населения свидетельствует о необходимости реагирования на вызовы, поиска путей преодоления сложившейся кризисной ситуации.

Миграционная подвижность населения **Брянской области** характеризуется наиболее кризисной в Западном порубежье картиной. Несмотря на то что Брянская область граничит и с Беларусью, и с Украиной, она характеризуется катастрофической демографической ситуацией, проявляющейся и в естественном, и в миграционном движении населения. В Брянской области на ход миграционных процессов оказывает влияние экологический фактор, обу-

словленный радиационным загрязнением юго-западных районов после аварии на Чернобыльской АЭС. Это проявилось в интенсивных вынужденных внутрирегиональных переселениях из зоны экологического бедствия.

За исследуемый период среди областей Западного побережья только Брянская показывает отрицательные миграционные тенденции, несмотря на то что с 2019 г. в регионе наблюдается слабый перелом в сторону миграционного прироста (0,1—0,8‰).

Территориальная дифференциация миграционных процессов характеризуется наиболее благоприятными для развития показателями в небольшом числе административных единиц, включающих пригородную зону областного центра и г. Сельцо, находящийся в зоне его влияния (рис. 3.76).

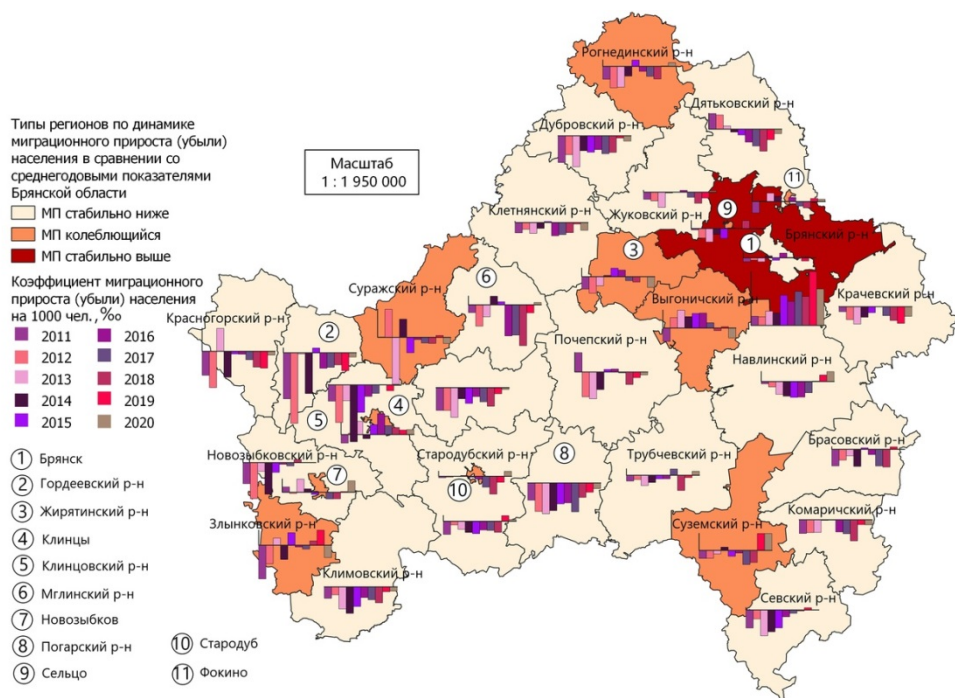

Рис. 3.76. Миграционная ситуация в Брянской области, 2011—2020 гг.

Рассчитано и составлено на основе: База данных показателей муниципальных образований Госкомстата РФ / Росстат. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 08.10.2022).

Наиболее тесные миграционные связи сложились у Брянской области с Украиной, Белоруссией, Арменией, Молдовой и Таджикистаном. Лидером по пополнению численности населения области является Украина (более половины всех миграций со странами ближнего зарубежья). Характерными для региона причинами переезда людей трудоспособного возраста являются се-

мейные и личные (каждый второй иммигрант). Трудовой миграцией характеризуется каждый седьмой переселенец, незначительна доля этнических миграций и возвращение на прежнее место жительства.

Страны дальнего зарубежья не оказывают существенного влияния на миграции и исчисляются десятками человек. Это иммиграция из Грузии, Израиля, Германии, Латвии, эмиграция — в Германию, Литву, Латвию, Израиль, США.

Сокращение численности населения под действием обоих компонентов оказывает прогрессирующе деструктивное влияние на потенциал трудовых ресурсов, нарушает баланс возрастной и половой структуры населения, сдерживает развитие социально-экономического потенциала, что замыкает круг проблем.

Возможности улучшения ситуации увязываются с увеличением масштабов трудовой иммиграции, однако ее резервы практически исчерпаны. Миграционный отток населения рассматривается как фактор, ограничивающий возможности социально-экономического развития Брянской области, усиливающий риски депрессивности.

Миграционная ситуация в **Курской области** за исследуемый период характеризуется в целом положительным сальдо (за исключением 2017 г. и 2018 г. с незначительным миграционным оттоком). В структуре миграционных перемещений преобладают внутренние — в пределах России. При этом выбывших больше, чем прибывших. Миграционный прирост достигается за счет международных потоков и компенсирует потери от межрегиональной миграции, несмотря на ее малочисленность. Каждый десятый приезжий — иммигрант из стран ближнего зарубежья. В числе лидеров — Украина, Армения, Молдова, Узбекистан, но с проявляющейся тенденцией к снижению числа прибывших из этих стран (за исключением Молдовы).

Наиболее привлекательными для мигрантов Курской области являются городские поселения. В среднем на каждого прибывшего в сельскую местность приходится двое прибывших в города и поселки городского типа. Территориальная дифференциация миграций обусловлена наличием рабочих мест, прежде всего на строительстве станции замещения КАЭС-2 (г. Курчатова), в областном центре и его окружении, Железногорском промышленном узле. Из сельских районов — это южные Медвенский и Обоянский районы и приграничный Суджанский (рис. 3.77).

Курская область испытывает потребность в рабочей силе, особенно квалифицированной. В регионе происходит постоянный отток экономически активного населения в Москву, Московскую, Белгородскую и Воронежскую области. Как видно, наряду с традиционными «магнитами», жители региона находят места приложения труда и в соседних областях. Снижение численности трудоспособного населения продолжится, что усилит кадровый дефицит на рынке труда Курской области. Характер воспроизводства трудовых ресурсов регрессивный, не обеспечивающий их замещение. Доля пожилых и стариков (28%) существенно превышает долю детей и подростков (17%). Растет

демографическая нагрузка на трудоспособное население преимущественно старшими возрастными группами. Наблюдаются диспропорции между спросом и предложением на рынке труда. Потребность в рабочих профессиях составляет более 70% всех вакансий.

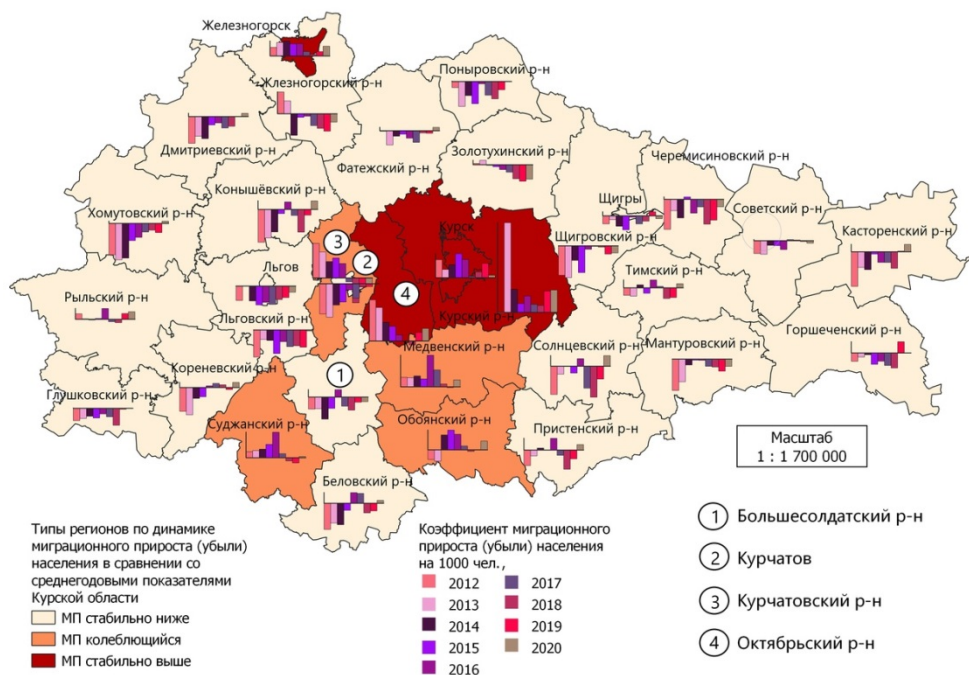

Рис. 3.77. Миграционная ситуация в Курской области, 2011—2020 гг.

Рассчитано и составлено на основе: База данных показателей муниципальных образований Госкомстата РФ / Росстат. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 08.10.2022).

Миграционная ситуация в Курской области является типичной для Западного порубежья, а ее показатели близки к среднестатистическим по региону. Также сходны вызовы и риски, обусловленные демографическими процессами. Пути решения проблем связаны с необходимостью достижения баланса между условиями и факторами, влияющими на соотношение компонентов изменения численности населения. Поскольку возможности повышения рождаемости в регионе исчерпаны, а возрастная структура не обеспечивает компенсаторного снижения смертности, дифференцированные по профессиональным и квалификационным характеристикам миграционные вливания в трудовой потенциал области являются приоритетной задачей на ближайшую и отдаленную перспективу.

Миграционная ситуация в **Белгородской области** за исследуемый период наиболее благоприятна не только для Западного порубежья, но и для многих других регионов России. Миграционная привлекательность региона обеспечивается грамотной политикой привлечения трудовых ресурсов, наличием рынка вакансий, развитием металлургического комплекса и многоотраслевого агропромышленного производства. Регион популярен не только среди иностранных мигрантов, но и среди областей-соседей. Несмотря на это, в Белгородской области фиксируется внутрисубъектная миграционная убыль населения. Традиционно это субъекты ЦФО, ЮФО, СЗФО и ПФО РФ. Межрегиональный миграционный прирост ориентирован на субъекты СФО, ДФО, СКФО и УФО РФ.

Общий миграционный прирост населения на 90 % обеспечивается за счет стран ближнего зарубежья, в том числе более 80 % — Украины, Казахстана, Узбекистана, Армении и Киргизии. Со странами дальнего зарубежья сложился положительный миграционный баланс.

География миграций складывается по традиционному для Западного порубежья сценарию: наиболее высоким миграционный прирост зафиксирован в границах двухъядерной городской агломерации (Белгород — Старый Оскол) и ее пригородных районах (рис. 3.78).

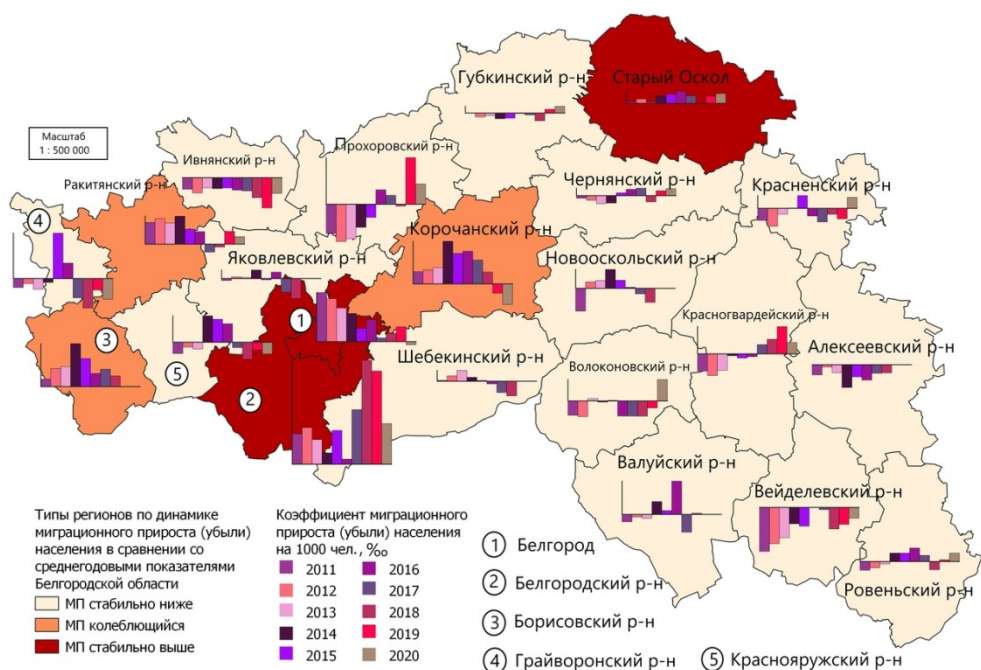

Рис. 3.78. Миграционная ситуация в Белгородской области, 2011—2020 гг.

Рассчитано и составлено на основе: База данных показателей муниципальных образований Госкомстата РФ / Росстат. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 08.10.2022).

Белгородская область за исследуемый период лидирует по величине миграционного прироста (4,2%). Это результат последовательной миграционной политики, сформировавшей привлекательные условия для приема и трудоустройства приезжих. Неверным было бы утверждать, что в лучшей по миграционным показателям Белгородской области отсутствуют демографические проблемы. Но их острота немного сглажена, что может служить примером как для всего Западного порубежья, так и для многих регионов России с аналогичными проблемами.

К сожалению, современная ситуация изменила вектор миграционного благоприятствования на прямо противоположный. Выгоды приграничного положения, которые на протяжении 30-летнего периода демонстрировала Белгородская область, в новых геополитических реалиях приводят к массовому оттоку населения с приграничных территорий.

Для **Воронежской области**, как и для многих других регионов России, миграция выполняет компенсаторную функцию смягчения депопуляции вследствие естественной убыли населения и, как следствие, задачу пополнения трудоресурсного потенциала.

Современные процессы миграции характеризуются приростом, который более чем на треть заместил естественную убыль населения. В отличие от своих северных соседей по Западному порубежью, Воронежская область характеризуется положительным сальдо миграций по всем потокам: более $\frac{4}{5}$ обеспечивается международными и лишь менее $\frac{1}{5}$ внутрироссийскими перемещениями. Показатели миграционного оборота свидетельствуют о незначительном преобладании внутриобластных переездов над межобластными.

Международная миграция ориентирована преимущественно на страны ближнего зарубежья, которые и формируют положительное сальдо миграций за счет сокращения числа выбытий этой группы иммигрантов. Географически это Украина, Казахстан, Таджикистан, Туркмения и Армения. Вклад стран дальнего зарубежья невелик и в абсолютном выражении составляет порядка 900 чел. в год.

Географическое распределение мигрантов подтверждает тенденцию к концентрации вокруг городов с той разницей, что Воронеж — город-миллионник и зона его влияния достаточно велика. На нее и распространяются приоритеты переселенцев. Наиболее высокие показатели миграционного прироста характерны для областного центра, его города-спутника Семилуки, Нововоронежа и близлежащих административных районов. Миграционный отток наблюдается в Калачеевском, Бутурлиновском и Лискинском районах (рис. 3.79).

Миграционное движение населения Воронежской области следовало классическому сценарию. Продолжился отток населения из сельской местности в городскую, что обусловило рост доли городского населения. Вместе с тем сельское население также выросло, но уже преимущественно за счет международной миграции из стран ближнего зарубежья и частично за счет межрегиональных переселений. Вклад стран дальнего зарубежья традиционно невысок.

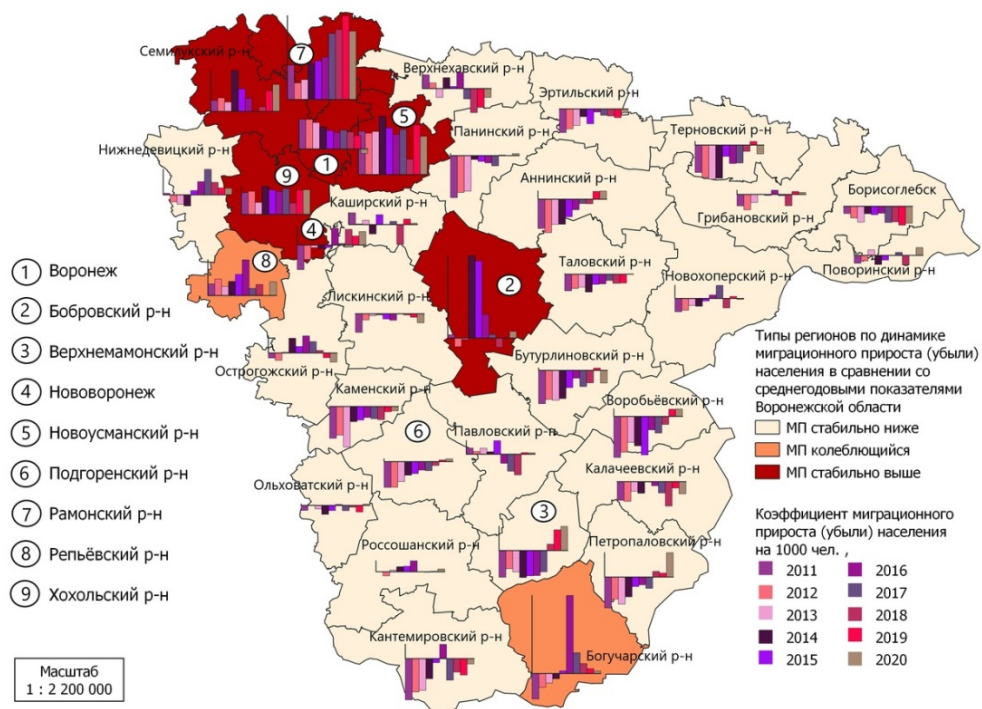

Рис. 3.79. Миграционная ситуация в Воронежской области, 2011—2020 гг.

Расчитано и составлено на основе: *База данных показателей муниципальных образований* Госкомстата РФ / Росстат. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 08.10.2022).

Сложившаяся миграционная ситуация способствовала улучшению возрастной структуры населения за счет притока лиц трудоспособного возраста и студенческой молодежи. Доля лиц трудоспособного возраста составила более 70%, позитивные тенденции наблюдаются и в соотношении между младшими и старшими возрастными группами с преобладанием в пользу детей. Отмечается также тот факт, что миграционные приобретения в определенной мере компенсировали смертность населения в трудоспособном возрасте.

Тенденциями последнего времени стало небольшое преобладание среди мигрантов женского населения, что характерно и для Воронежской области. Образовательный уровень мигрантов остается прежним: среднее профессиональное и выше.

В отличие от своих соседей по Западному порубежью, Воронежская область имеет всего два приграничных района, при этом областной центр как

полюс социально-экономического роста географически смещен на северо-запад области, где и сформировался достаточно большой ареал с самыми привлекательными для мигрантов условиями.

Современная миграционная ситуация развивается по позитивному сценарию, за весь исследуемый период сальдо миграции составило 4,1%, что приближает регион к закрепившей до недавнего времени свои лидерские позиции Белгородской области. Выходя за временные рамки исследования, отметим, что формирующаяся в российско-украинском приграничье геополитическая ситуация, наряду с объективными факторами, вполне может выдвинуть на первые роли в миграционном движении Воронежскую область.

Миграционная ситуация в **Ростовской области** складывается под влиянием географического положения, благодаря которому регион оказывается на переднем крае массовых миграций, в том числе и вынужденных. Наряду с традиционными характеристиками миграций, проявляющимися в регионе, отметим некоторые особенности Ростовской области.

При достаточно высоком обороте миграций область имеет невысокий показатель миграционного прироста. За весь исследуемый период он составил немногим более 1%.

Внутренние миграции не оказывают влияния на изменение численности населения, но маркируют ход социально-экономических процессов. Среди лиц, сменивших место жительства внутри региона, выбывших больше, чем прибывших. Такая же ситуация складывается и с внутрироссийскими миграциями: Ростовская область по этому потоку также характеризуется потерями населения. Внутрироссийские центры притяжения ростовских жителей традиционны: Московская область и Москва, к ним добавляется соседний Краснодарский край, что привело к отрицательным показателям миграционной подвижности населения области. География прибывших на территорию Ростовской области — Хабаровский край, Республика Северная Осетия — Алания и Кемеровская область.

Миграционный прирост формируют выходцы из стран ближнего зарубежья — граждане Украины, Армении, Таджикистана. Страны дальнего зарубежья, популярные для эмигрантов, — Эквадор, Грузия, Колумбия; для иммигрантов — Грузия, Китай, Афганистан.

Наибольшие величины миграционного прироста традиционно присущи административному центру области, городу-миллионнику Ростову-на-Дону и его ближайшему окружению (рис. 3.80).

Традиционно высокой миграционной подвижностью обладает трудоспособное население (70% по всем потокам). В Ростовской области в структуре мигрантов преобладают женщины (53%), но этот перевес обеспечивается за счет старших возрастных групп, причем как среди прибывших, так и среди выбывших. Среди молодых возрастов преобладает мужское население. В трудоспособном возрасте незначительно преобладание женского населения, что отмечается во всем Западном побережье.

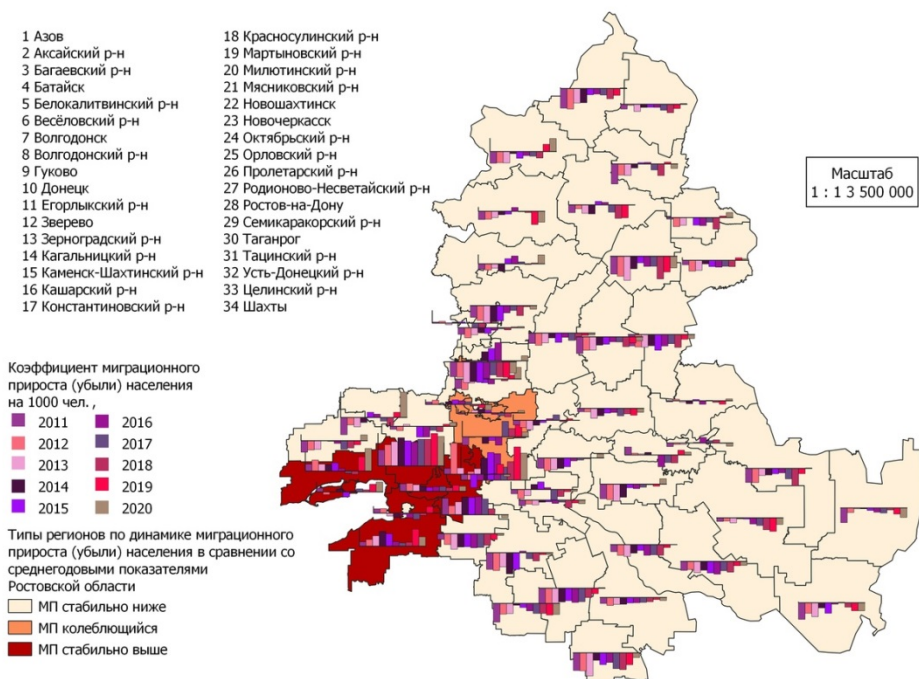

Рис. 3.80. Миграционная ситуация в Ростовской области, 2011—2020 гг.

Рассчитано и составлено на основе: *База данных показателей муниципальных образований Госкомстата РФ / Росстат*. URL: rosstat.gov.ru/storage/mediabank/munst.htm (дата обращения: 08.10.2022).

Образовательный уровень мигрантов незначительно различается среди прибывших и выбывших. Высшее образование имеют 20 и 22 %, среднее профессиональное — 25 и 26 %, среднее — 24 и 22 % соответственно.

Преобладающими причинами смены места жительства отмечены личные и семейные. Трудовые миграции составили лишь немногим менее 9 %, образовательные — 7 % прибывших и 5 % выбывших.

К числу проблем миграционного движения в Ростовской области следует отнести необходимость упорядочения мест локализации мигрантов, более равномерного их распределения по территории области. Следует принять во внимание наличие конкурентной среды по приему и обустройству мигрантов в Краснодарском крае, который набирает темпы прироста численности населения.

В заключение следует отметить, что Западное порубежье России, включающее шесть регионов, очень неоднородно. Смоленская область граничит с Беларусью, Брянская — с Беларусью и Украиной, остальные четыре региона — с Украиной. На южном участке происходят перемены, которые могут изменить статус приграничности.

На всем протяжении Западного побережья России прослеживаются тенденции, подтверждающие смену показателей с северо-запада на юго-восток. В этом направлении происходит смена природных характеристик: климатических, почвенных, разнообразия растительного и животного мира.

В Курской и Белгородской областях имеются крупные залежи железных руд, разработка и обогащение которых могут служить важным фактором миграционной привлекательности для квалифицированных трудовых ресурсов.

В Курской и Воронежской областях расположены атомные электростанции, которые также служат центрами притяжения специалистов. Строительство станции замещения КАЭС нуждается в большом количестве профессионалов различного профиля, что не может не отразиться на миграционной ситуации в регионе.

Повсеместное развитие сельского хозяйства делает востребованными трудовые ресурсы разной степени квалификации. Важными видами деятельности, ориентированными на приезжих, служат строительство и транспорт.

Брянская область, пострадавшая от радиационного загрязнения, имеет определенные миграционные ограничения, обусловленные экологическими причинами.

Центрами притяжения мигрантов во всех регионах Западного побережья служат областные центры, среди которых два города-миллионника: Воронеж и Ростов-на-Дону. Чем крупнее город, тем больше ареал расселения мигрантов, формирующийся вокруг него. Кроме того, на карте миграций выделяются административные районы, в которых замечена инвестиционная активность. В целом подтверждается главная тенденция миграционных перемещений по направлению к более социально-экономически развитым регионам. Вспомогательную роль при этом играет наличие связей и толерантность среды в регионе прибытия.

Миграция продолжает оставаться единственным из доступных источников поддержания численности населения, компенсирующим как низкий уровень рождаемости, так и высокий уровень смертности, особенно в трудоспособном возрасте. Этим и объясняется повышенное внимание к вопросам миграции, в том числе и действие Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом.

Список литературы

1. Вишневский А. Г., Андреев Е. М., Захаров С. В. и др. Демографические вызовы России. Часть вторая — рождаемость и смертность // Демоскоп Weekly. 2017. № 751—752. С. 1—10.

2. Вишневский А. Г., Зайончковская Ж. А., Денисенко М. Б., Мкртчян Н. В. Демографические вызовы России. Часть третья — миграция // Демоскоп Weekly. 2017. № 753—754. С. 1—10.

3. Доклад о миграции в мире 2020. Женева, Международная организация по миграции, 2020 // Демоскоп Weekly. 2021. № 917—918. 550 с.

4. Кретова О.Г., Попкова Л.И. Территориальная дифференциация миграционной подвижности населения Курской области // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: География. Геоэкология. 2014. №2. С. 8—16.

5. Лазаренко В.А. Приток мигрантов из стран ближнего зарубежья в регионы России // Вестник Московского университета. Сер. 5: География. 2016. №4. С. 55—63.

6. Нефедова Т.Г., Слепухина И.Л., Браде И. Миграционная привлекательность городов на постсоветском пространстве на примере России, Украины и Беларуси // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2016. №2. С. 27—38.

7. Попкова Л.И. География населения российско-украинского приграничья : монография. Смоленск : Универсум, 2005. 304 с.

8. Попкова Л.И., Черномаз П.А., Степанов А.В. Конвергенция и дивергенция социально-экономических процессов российско-украинского приграничья : монография / под ред. Л.И. Попковой. Курск : Курский государственный университет, 2021. 160 с.

9. Попкова Л.И. Приграничное пространство как полигон для исследования территориального неравенства в системе «Центр — Периферия» // Центр и периферия: диалог или неиспользованные возможности? : сб. науч. ст. по итогам Всерос. науч.-практ. семинара. Владивосток, 2019. С. 160—169.

10. Естественное движение населения Российской Федерации / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13269> (дата обращения: 08.10.2022).

11. Численность и миграция населения Российской Федерации / Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 08.10.2022).

12. Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022 / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 08.11.2022).

13. Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022 / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 08.11.2022).

Глава 3.5. Миграционные процессы в регионах Азово-Черноморского бассейна Западного побережья России

Географическое положение Крыма в пограничье христианской и мусульманской цивилизаций на всех этапах его социокультурного освоения объективно формирует в пределах полуострова такой тип населения, который в демографии принято именовать открытым, то есть подверженным миграциям [1].

Многочисленные исследования миграционных процессов в Крыму показывают, что влияние миграционной подвижности населения многогранно и многоаспектно. На протяжении длительного исторического периода наблюдались миграционные всплески и замедления миграционных потоков. В разные исторические периоды миграции населения, в том числе межрегиональные миграции, оставались важным фактором социально-экономического и демографического развития Крыма. Современный облик населения Крыма сформировался под влиянием миграционных процессов. Благодаря выгодному геополитическому положению, на пересечении путей, интересов и культур различных стран и народов, Крым на протяжении многих веков был в центре миграционных потоков [2].

Миграционные процессы на полуострове имеют свою специфику, веками определявшую уникальную демографическую ситуацию в регионе. Миграционная подвижность населения Крыма исторически всегда имела четкую привязку к этническому фактору. Полиэтническая структура современного населения Крыма — результат естественных и искусственных миграций [1].

В советский период, несмотря на исторические катаклизмы, формировавшие демографическую ситуацию на полуострове (гражданская война; голод и эпидемии 1921—1923 гг.; депортация в годы Великой Отечественной войны болгар, армян, греков, крымских татар, немцев; военная операция немецких войск «Огонь и меч» по уничтожению населения во время оккупации полуострова и т.д.), миграции сохраняют положительную динамику, способствуя поступательному росту численности населения и его трудового потенциала.

Для СССР второй половины XX в. была характерна особенно высокая мобильность населения, в основе которой находился плановый, массовый характер переселения. В послевоенный период реализация программ массового переселенческого движения из регионов РСФСР, УССР, БССР способствовала формированию устойчивой тенденции роста численности населения, которая к 1989 г. составила почти 2,5 млн чел.

Сложившейся тенденцией для Крыма можно считать формирование его трудового потенциала за счет миграции. Традиционно в структуре крымских мигрантов преобладали люди трудоспособного возраста и женщины. Это сформировало долгосрочную тенденцию преобладания женского населения в половозрастной структуре населения Крыма, чему способствовала и хозяйственная специализация региона на рекреационном комплексе. В летний период численность населения полуострова существенно увеличивалась за счет сезонных трудовых миграций в сферы, связанные с обслуживанием рекреантов, а это преимущественно женщины трудоспособного возраста. Мужское же население мигрировало в промышленно развитые регионы СССР, впоследствии страны СНГ. В 1990-е гг. банкротство и ликвидация основной части промышленных предприятий в Крыму привели к существенному снижению спроса на рабочую силу, требующую высокой квалификации, что привело к высвобождению значительного числа населения в трудоспособном возрасте. Это обусловило сохранение миграционного потока в промышленно развитые регионы России.

В целом миграционные процессы в Крыму на протяжении продолжительного времени, вплоть до 1989 г., можно охарактеризовать как позитивные.

Однако уже в 1990-е гг., вследствие развала СССР и образования на его бывших территориях новых государств, наблюдается беспрецедентно высокая мобильность населения — массовое возвращение в Крым ранее депортированных народов. Эта масштабная миграционная волна компенсировала как естественную убыль (в середине 1990-х гг. естественная убыль достигла 5—6‰), так и отток за пределы Крыма некоторого числа славянского населения.

Так, к концу 1980-х гг. превышение количества прибывших на постоянное место жительства над выбывшими в среднем составляло 16—17 тыс. чел. В результате интенсификации процесса возвращения в Крым депортированных народов уже в 1990 г. миграционный прирост составил 56,6 тыс. чел. преимущественно за счет жителей Украины, России и Узбекистана. Последний из названных регионов поставлял на полуостров основное количество репатриантов из числа крымских татар, депортированных из Крыма в 1944 г. В период 1989—2001 гг. число крымских татар возросло с 38 до 245 тыс. чел. [3].

Однако уже с 1994 г. в условиях обострения политических отношений Крыма с Украиной и нарастания социально-экономической нестабильности в постсоветских государствах впервые после 1945 г. начинается резкий спад миграционной подвижности на полуострове, отмечается миграционная убыль. Ее максимальное значение было достигнуто в 1997 г. (14,2 тыс. чел.). В дальнейшем этот показатель стабилизируется на уровне 10—11 тыс. чел. в год, а с 2000 г., с началом экономического роста, миграционная убыль сменилась приростом, прежде всего вследствие резкого снижения числа выбывших, а с 2014 г. — по причине резкого увеличения числа прибывших (рис. 3.81). В этот период миграция населения выполняет компенсирующую естественную убыль населения функцию.

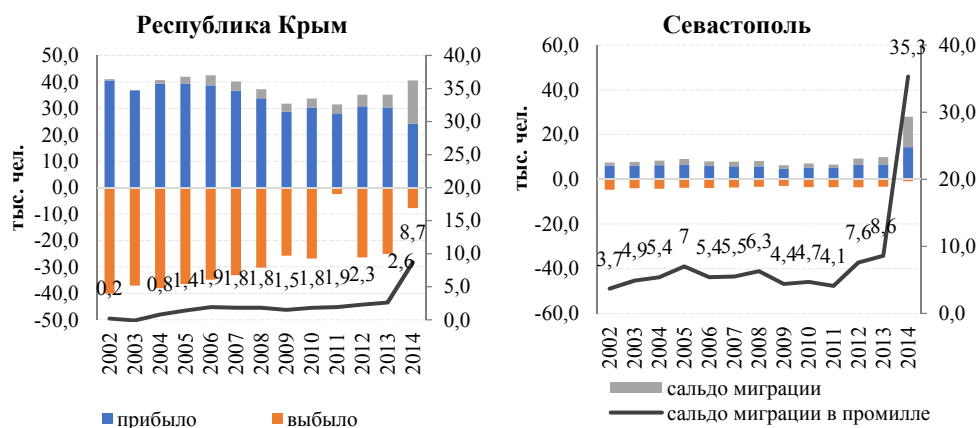

Рис. 3.81. Динамика миграционных процессов в Крыму и Севастополе, 2002—2014 гг.

Примечание: Регистрация / снятие с регистрации места проживания в Республике Крым в апреле и мае 2014 г. миграционной службой не проводилась, последняя декада июня 2014 г. — начало регистрации граждан по новому месту жительства. Число выбывших мигрантов с июля по декабрь 2014 г. фиксировалось без учета выбывших в субъекты РФ.

Составлено по: [4—6].

К 2014 г. показатели межрегиональной (с регионами Украины) и межгосударственной миграции для Крыма в целом были положительными: 0,4 и 2,2‰ соответственно. Однако все же большая часть административно-территориальных единиц Крыма демонстрировала отрицательные показатели межрегиональной (14 из 25) и межгосударственной (3 из 25) миграции. Это, прежде всего, географически удаленные от административного центра региона территории с наименее привлекательными для жизни природно-географическими и социально-экономическими условиями — города Джанкой, Армянск, Керчь, Красноперекопск, Саки и Судак, а также Джанкойский, Красногвардейский, Красноперекопский, Ленинский, Нижнегорский, Первомайский, Раздольненский, Сакский и Черноморский районы. Факторами, сдерживающими миграционные потоки здесь, являлись, кроме географической удаленности и более низкого уровня социально-экономического развития, дефицит воды, отсутствие современной инфраструктуры (прежде всего, дорожной сети), сезонность функционирования рекреационной сферы деятельности. Ведущими центрами притяжения мигрантов в этот период оставались, кроме Симферополя и Севастополя, рекреационные центры южного и западного побережья — Большая Ялта, Алушта, Евпатория, Феодосия.

Март 2014 г. ознаменовал новый этап политического и социально-экономического развития полуострова — вхождение Республики Крым и Севастополя в состав Российской Федерации. Это событие отразилось и на миграционных процессах полуострова. В период 2014—2020 гг. в обоих регионах отмечался миграционный прирост, обусловивший рост численности населения (рис. 3.82, табл. 3.11).

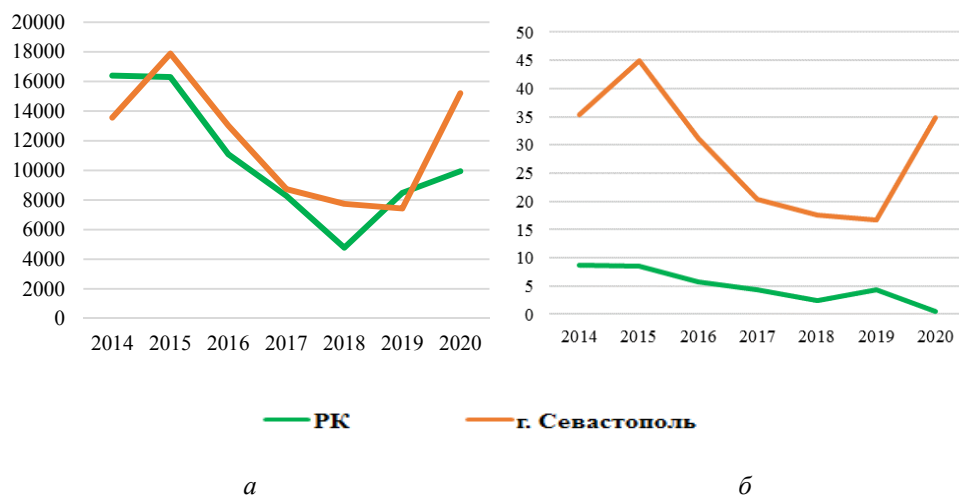

Рис. 3.82. Динамика естественного прироста (а, чел.) и коэффициента миграционного прироста (б, ‰) Республики Крым и Севастополя, 2014—2020 гг.

Составлено по: [7; 8].

Таблица 3.11

Динамика показателей изменения численности населения Республики Крым (РК) и Севастополя (С) (на 1 января)

Показатель	2015		2016		2017		2018		2019		2020	
	РК	С	РК	С	РК	С	РК	С	РК	С	РК	С
Н	1895,9	398,9	1907,1	416,3	1912,2	428,8	1913,7	436,7	1911,8	443,2	1912,6	449,1
ЕП	-2,7	-1,4	-3,2	-1,2	-3,5	-1,9	-3,5	-2,7	-4,0	-3,4	-6,2	-4,5
М	8,6	44,9	5,8	31,2	4,3	20,3	2,5	17,6	4,4	16,7	0,5	34,8

Примечание: Н — численность населения, тыс. чел.; ЕП — коэффициент естественного прироста (убыли) населения, ‰; М — коэффициент сальдо миграции населения, ‰.

Составлено по: [7—9].

Активизация миграций способствовала росту численности населения Крыма. Так, на 1 января 2022 г. численность постоянно проживающего в Крыму населения составила 2,4 млн чел., из них 80% — в Республике Крым. По сравнению с переписью 2014 г. численность населения Республики Крым и Севастополя к началу 2022 г. увеличилась на 133,7 тыс. чел.

За период 2019—2021 гг. Севастополь стал лидером в России по показателю прироста населения — 17,79%, существенно обогнав Республику Ингушетию (5,36%) и Республику Чечня (4,08%). При этом если в названных республиках основным источником роста населения стал естественный прирост, то в Севастополе в указанный период фиксировалась естественная убыль населения (-6,89%). А вот по абсолютным значениям миграционного прироста Севастополь (85,81 тыс. чел.) уступил только Московской области (274,43 тыс. чел.), Краснодарскому краю (112,24 тыс. чел.) и Ленинградской области (107,84 тыс. чел.). При этом величина коэффициента миграционного прироста населения Севастополя превосходила аналогичный показатель для Республики Крым в 69,6 раза в 2020 г.

Республика Крым в 2019—2021 гг. находилась на 28-м месте по показателю прироста (убыли) населения, вследствие недостаточного уровня компенсации естественной убыли (36,89 тыс. чел.) миграционным приростом (30,74 тыс. чел.).

Миграционный оборот также заметно вырос за рассматриваемый период (рис. 3.82).

В 2014 г. произошли изменения не только в географии миграций, но и в системе учета перемещений. Фактически в новых политико-государственных условиях регистрация по новому месту жительства начинается с июня 2014 г., а число выбывших мигрантов, без учета выбывших в другие субъекты РФ, — только с июля. Этот факт следует учитывать при проведении анализа показателей миграционной подвижности населения в 2014 г., так как при сохранении общей тенденции мы наблюдаем значительный провал в числе офици-

ально учтенных как выбывших (7,8 тыс. чел. в 2014 г., в 2013 г. и 2015 г. — более 25 тыс. чел.), так и прибывших (8,7 тыс. чел. в 2014 г. против более 30 тыс. чел. в 2013 г. и 2015 г.).

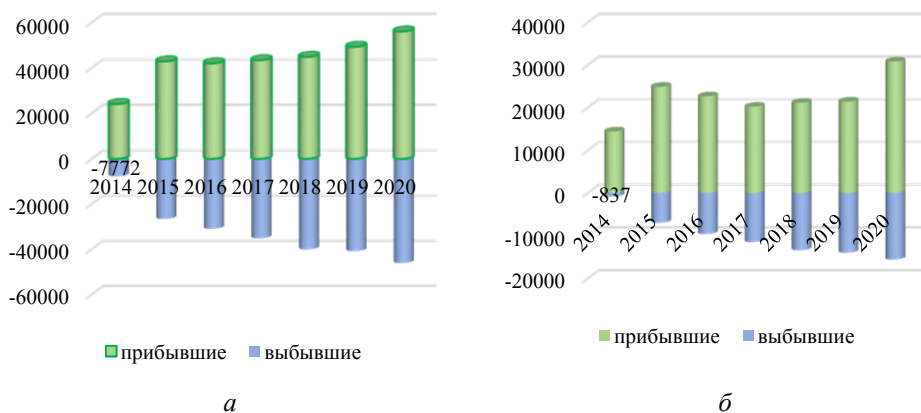

Рис. 3.82. Динамика прибывших и выбывших мигрантов Республики Крым (а) и Севастополя (б), 2014—2020 гг., чел.

Составлено по: [7; 10].

Максимальные значения миграционного прироста в Республике Крым пришлось на 2014—2015 гг., а в Севастополе — на 2015 г. Это было связано, прежде всего, с началом активной интеграции Крымского федерального округа в российскую политико-правовую и социально-экономическую среду, формированием системы безопасности региона, что требовало привлечения специалистов соответствующей квалификации. Драйвером миграционных процессов стал старт Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и Севастополя до 2025 года», включающей реализацию серии крупных инфраструктурных проектов, в том числе строительство трассы «Таврида» и Крымского моста, международного аэропорта «Симферополь», Балаклавской и Таврической ТЭС. Следует отметить и открывшиеся возможности для населения Крыма, уже как граждан РФ, получить образование в крупнейших вузах страны, найти высокооплачиваемую работу в столичных центрах России.

Следует отметить, что чуть более половины (53 %) миграционного прироста в 2014 г. пришлось на другие регионы РФ, остальное — Украину и другие страны СНГ. В последующем объемы въезда из стран СНГ возросли более чем в 2,8 раза. И если в 2015 г. по количеству выбывших мигрантов Республика Крым сохраняла сложившийся в 2009—2013 гг. уровень в 25—26 тыс. чел., то уже с 2016 г. абсолютные показатели выбытия и прибытия мигрантов начинают стабильно возрастать. Связано это с началом активной фазы реализации проектов социально-экономического развития Крыма.

В 2014 г. положительное сальдо миграции зафиксировано во всех административно-территориальных единицах Республики Крым с максимальными значениями (более 1,1 тыс. чел.) в городах Ялта, Керчь и Симферополь и минимальными (менее 150 чел.) — в Армянске и Красноперекопске. В сельских территориях лидирующие позиции занял Симферопольский район (2,3 тыс. чел.). Привлекательны для мигрантов Кировский, Белогорский районы благодаря расположению в предгорье Крымских гор, а также Раздольненский и Сакский районы, имеющие рекреационный потенциал на черноморском побережье. Минимальные показатели сальдо миграций (менее 60 чел.) зафиксированы в Советском, Красноперекопском и Первомайском районах.

В силу специфики хозяйства и геостратегического значения межрегиональная миграция населения Севастополя играла еще более весомую роль — на нее в 2014 г. пришлось более 82%, гораздо менее значим оказался обмен со странами СНГ (прежде всего Украиной). В 2015 г. динамика всех миграционных показателей существенно возросла.

С 2016 г. динамика миграционного прироста в Республике Крым имеет тенденцию к сокращению. Минимальные значения миграционного прироста населения были отмечены в Республике Крым в 2018 г. (4,8 тыс. чел.), а в Севастополе — в 2019 г. (7,4 тыс. чел.), что связано в том числе с завершением строительства основных инфраструктурных объектов и началом пандемии COVID-19. В 2019—2021 гг. миграционный прирост населения стал вновь расти, особенно в Севастополе (в 2021 г. рост в 1,9 раза относительно 2018 г.).

Высокий миграционный прирост населения Севастополя, на наш взгляд, связан, с одной стороны, с ухудшением геополитической ситуации и, как следствие, увеличением военного контингента в регионе, а с другой — привлекательностью Севастополя как приморского южного города для жизни населения из северных регионов России и военных пенсионеров. Следует учитывать, что фактическая численность населения Севастополя значительно превышает статистические показатели и уже выросла вдвое с момента вхождения в состав России. По мнению губернатора М. Развожаева, в Севастополе проживает более 700 тыс. чел. Такой стремительный рост миграционного потока имеет и негативные последствия — повышенная нагрузка на инфраструктуру, удорожание жилья, ухудшение криминальной статистики. Так, в 2020 г., по данным Генпрокуратуры РФ, Севастополь стал лидером по темпам прироста количества преступлений: преступность выросла на 44% по сравнению с 2019 г. [11].

Крымская миграционная активность носит преимущественно трудовой характер [1; 12]. Такая картина соответствует миграционной ситуации в стране в целом. Так, например, в 2019 г. 84% мигрантов, выбывших из Республики Крым и Севастополя, приходилось на лиц трудоспособного возраста (при среднероссийском показателе 86%). Доля прибывших мигрантов трудоспособного возраста составляла 80% в Севастополе, 82% — в Республике Крым и 86% в России (рис. 3.84).

Рис. 3.84. Структура выехавших (а) и прибывших (б) мигрантов России (РФ), Республики Крым (РК) и Севастополя по возрасту, 2019 г., %

Составлено по: [14—16].

Возрастные профили мигрантов в Республике Крым и г. Севастополе подчиняются возрастным закономерностям: большая часть мигрантов, прибывших из других субъектов РФ в 2015—2020 гг., относилась к категории молодежи в возрасте 15—39 лет (рис. 3.85, 3.86).

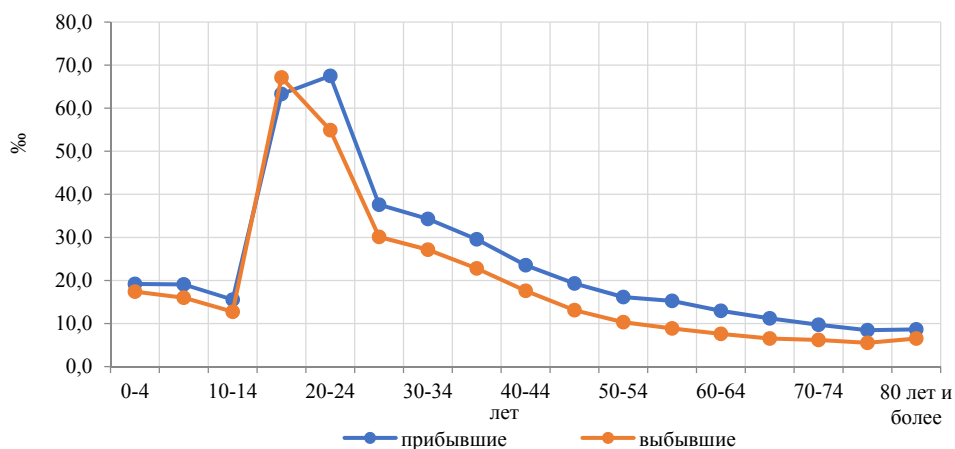

Рис. 3.85. Возрастной профиль мигрантов в Республике Крым, в среднем в 2015—2020 гг.

Источник: [14—16].

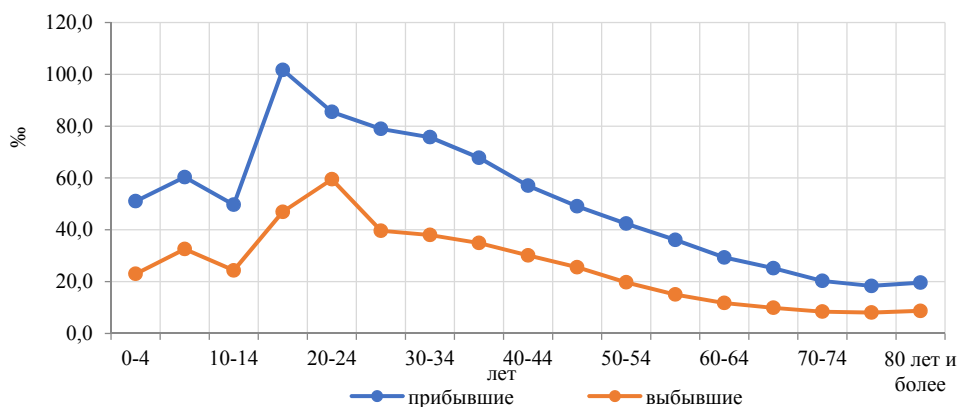

Рис. 3.86. Возрастной профиль мигрантов в Севастополе, в среднем в 2015—2020 гг.

Источник: [14—16].

Основные отличия этих профилей заключаются, на наш взгляд, в том, что в Республике Крым эта возрастная группа в структуре прибывших мигрантов резко преобладает над остальными и пик мигрантов в этой категории приходится на возраст 15—24 лет, что может быть связано с привлекательностью вузов Республики для молодежи с материковой России. В Севастополе основная часть мигрантов по возрасту также приходится на категорию «молодежь», но границы пика несколько шире — от 15 до 40 лет. Скорее всего, это связано со спецификой самого Севастополя — сочетание военной, морехозяйственной и туристско-рекреационной функций, а также более высокий уровень жизни и благоустройства территории по сравнению со многими территориями Республики Крым. Это делает приморский Севастополь привлекательным местом приложения труда как для мужского, так и для женского населения. Второй особенностью в возрастном профиле прибывших мигрантов является повышенная активность лиц предпенсионного и пенсионного возраста. Это касается, прежде всего, тех лиц пенсионного (в том числе военных пенсионеров) и предпенсионного возрастов, которые проживали в северных регионах РФ и избрали Севастополь для «доживания» в более благоприятных природно-климатических условиях. В Республике Крым аналогичный показатель вдвое меньше.

Аналогичная картина наблюдается и в категории мигрантов, выбывающих из Республики Крым и Севастополя в другие регионы РФ: на долю лиц в возрасте 15—39 лет приходится также большая часть мигрантов. Эти данные соответствуют общероссийской ситуации и той, что складывается в отдельных регионах [17—19].

Молодежь покидает Республику Крым и Севастополь по причине получения образования в ведущих вузах страны, поиска более широких возможно-

стей трудоустройства и более высокой заработной платы во многих регионах РФ. Привлекают жителей рассматриваемых регионов также более низкие цены на продукты питания и жилье и др. за пределами полуострова.

В половой структуре мигрантов преобладают женщины, что соответствует половой структуре населения страны. Исключение составляет Севастополь, где соотношение мигрантов по полу примерно одинаковое (рис. 3.87). Преобладание женщин в общей структуре мигрантов происходит, прежде всего, за счет их подавляющего превосходства в категории лиц старше трудоспособного возраста, что объясняется их большей продолжительностью жизни.

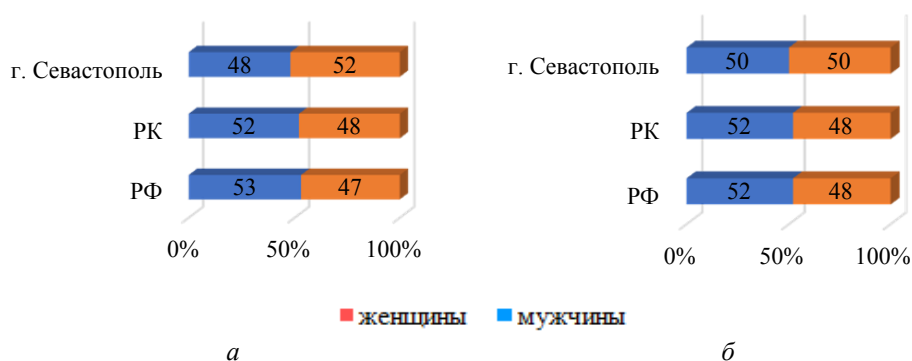

Рис. 3.87. Структура выехавших (а) и прибывших (б) мигрантов по полу в Республике Крым и Севастополе, 2019 г., %

Примечание: РК — Республика Крым.
Составлено по: [14—16].

Социально-экономическая ситуация в Республике Крым и Севастополе, сложившаяся после вхождения в состав РФ в 2014 г., существенно изменила характер и направления миграционных процессов на полуострове, в результате чего стали формироваться новые тенденции, связанные с миграцией. В территориальном отношении на полуострове лидирующие позиции принадлежат межрегиональным миграционным потокам, направленным в пределах РФ (табл. 3.12).

Таблица 3.12

Динамика общих итогов миграций Республики Крым и Севастополя в 2015—2019 гг., тыс. чел.

Показатель	2015		2016		2017		2018		2019	
	РК	С	РК	С	РК	С	РК	С	РК	С
Число прибывших, всего	42,9	24,9	42,0	22,6	43,4	20,2	44,9	21,1	49,3	21,4
внутрирегиональная	10,7	2,9	13,8	3,8	15,6	4,0	16,2	4,6	18,0	4,4
межрегиональная	14,6	14,0	16,4	13,4	17,1	12,4	19,1	12,8	20,2	12,0
международная	17,6	8,0	11,8	5,4	10,7	3,7	9,5	3,7	11,2	5,0
Внешняя для региона миграция	32,2	21,9	28,2	18,9	27,8	16,2	28,7	16,5	31,3	17,0

Окончание табл. 3.12

Показатель	2015		2016		2017		2018		2019	
	РК	С	РК	С	РК	С	РК	С	РК	С
Число выбывших, всего	26,6	7,0	30,9	9,6	35,1	11,5	40,1	13,4	40,8	14,0
внутрирегиональная	10,7	2,9	13,8	3,8	15,6	4,0	16,2	4,6	18,0	4,4
межрегиональная	15,7	4,0	15,3	5,7	15,9	6,5	17,5	7,6	17,0	7,9
международная	0,2	0,0	1,9	0,1	3,6	0,9	6,4	1,1	5,9	1,7
Внешняя для региона миграция	15,9	4,1	17,1	5,8	19,5	7,4	23,9	8,8	22,8	9,6
Сальдо миграции, всего	16,4	17,9	11,1	13,0	8,3	8,7	4,8	7,7	8,5	7,4
внутрирегиональная	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
межрегиональная	8,6	10,0	1,1	7,7	1,1	5,9	1,6	5,2	3,2	4,2
международная	7,8	7,9	10,0	5,3	7,1	2,8	3,2	2,5	5,3	3,2
Внешняя для региона миграция	16,4	17,9	11,1	13,0	8,3	8,7	4,8	7,7	8,5	7,4

Составлено по: [7; 20].

На долю ЦФО в 2020 г. приходился 41 % выбытий из Республики Крым и 27% от общего числа выбывших из г. Севастополя. В пределах округа основная часть мигрантов направлялась в Москву и Московскую область (рис. 3.88).

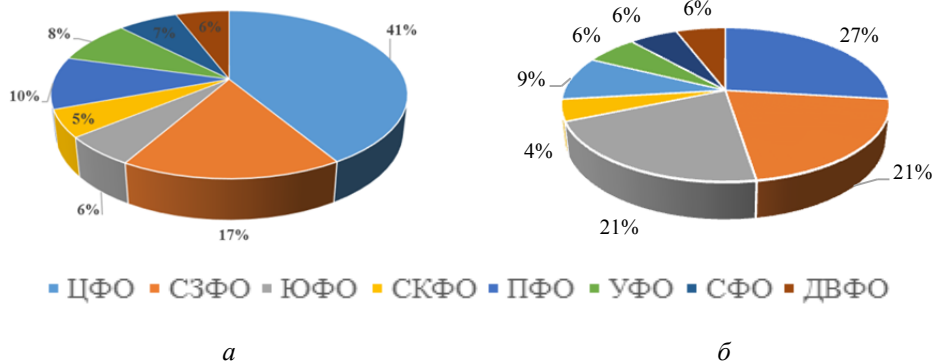

Рис. 3.88. Структура выбывших из Республики Крым (а) и Севастополя (б) по федеральным округам РФ, 2020 г.

Составлено по: [21].

Второе место занимал СЗФО РФ. Наиболее привлекательными для мигрантов являлись Санкт-Петербург, Мурманская и Калининградская области. Для Севастополя, на наш взгляд, более высокий показатель миграционной привлекательности именно этих регионов, помимо прочих причин (приморское положение, высокий уровень социально-экономического развития и др.),

может быть связан с изменением места службы военных. Третье место по популярности у мигрантов из Республики Крым занимает ПФО (Нижегородская область, Республика Татарстан и Пермский край) с развитой добывающей и обрабатывающей промышленностью. Для мигрантов из Севастополя третье место занимает ЮФО, в котором лидировали Краснодарский край и Ростовская область. Там находятся ближайшие к полуострову города-миллионники (Ростов-на-Дону и Краснодар), а хозяйственная специализация близка к крымской. С введением в строй трассы «Таврида» и Крымского моста транспортная доступность этих регионов для полуострова значительно улучшилась, что также имело важное значение для их выбора мигрантами. Структура выезда мигрантов в целом отражает и структуру прибытий в регионы полуострова [22].

Не менее важными для Крымского полуострова остаются внутререгиональные миграции. В пределах полуострова сохраняется миграционное перемещение населения по направлению «село — город», что совпадает с общероссийской тенденцией, унаследованной с советского периода. Миграционным исключением стал г. Саки. Здесь отток населения выше, чем количество вновь прибывающих [22] (рис. 3.89).

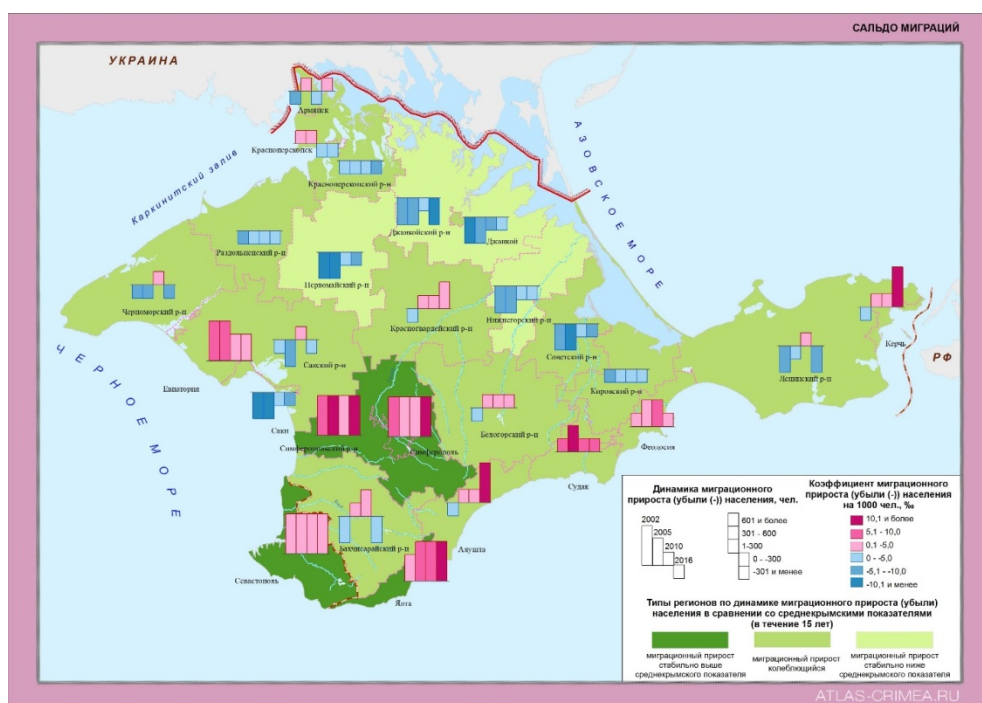

Рис. 3.89. Миграционный прирост / убыль населения Республики Крым и Севастополя, 2002—2016 гг.

Источник: [23].

«Антитеррористическая операция», а фактически гражданская война, связанная руководством Украины против населения Донбасса, не признавшего государственный переворот в феврале 2014 г., обусловила массовый отток населения этих регионов, в том числе и в Крым. Так, например, по заявлению главы МЧС Республики Крым С. Садаклиева, с 18 февраля 2022 г. с территорий Донецкой и Луганской народных республик и Украины через пункты пропуска на территорию Крыма прибыли более 150 тыс. беженцев на поездах, которые отправляются на материк ежедневно [25]. А по заявлению главы Республики Крым С. В. Аксёнова в мае 2022 г., в Крыму находились почти 4 тыс. беженцев из Донбасса и освобожденных территорий. Из них 192 человека были размещены в пунктах временного размещения, а более 3,5 тыс. проживали у родственников. Среди беженцев — более 1 тыс. детей, 634 пенсионера и 30 инвалидов [26].

Таким образом, изменение политико-государственного статуса Крыма формирует современную специфику миграционной ситуации на полуострове, а события, развернувшиеся в 2022 г., будут сопровождаться новыми трендами.

Факторы, определяющие масштабы и направления миграционных потоков в Крымском регионе после 2014 г., весьма разнообразны и включают в себя природно-климатические, социально-экономические, политические, культурные, конфессиональные и прочие аспекты. Причем каждый из факторов может быть либо притягивающим, либо выталкивающим, либо менять свой вектор в зависимости от складывающихся условий.

Крым, войдя в 2015 г. в шестерку наиболее привлекательных для мигрантов регионов России, до сих пор сохраняет эти позиции, несмотря на геополитические риски, таящиеся в его географическом положении, миграционной тупиковости, сохранявшейся на протяжении длительного исторического времени. Анализ миграционных потоков в регионе и применение SWOT-анализа позволил выявить основные, на наш взгляд, генерирующие и сдерживающие факторы дальнейшего развития миграционных процессов на полуострове (табл. 3.13).

Ряд факторов, таких как географическое положение полуострова, одновременно являются и фактором привлечения (сильной стороной) мигрантов, и фактором их выталкивания (недостатком). Крым, занимая периферийное положение на географической карте России, является ядром притяжения мигрантов, а комфортные природно-климатические условия и благоприятная экологическая обстановка тем базовым фактором притяжения мигрантов в Крым, который работает, несмотря на геополитические, социально-экономические и прочие катаклизмы. Именно благоприятный климат и уникальная природная среда привлекают на полуостров не только лиц пенсионного возраста, но и представителей других возрастных групп.

Изучение исторических аспектов миграционной подвижности населения Крыма подтверждает, что в периферийности заключается уникальность его географического положения, так как полуостров находится на стыке моря и суши, Европы и Азии, христианства и ислама, Западной и Восточной цивили-

заций. Рубежное местоположение Крыма определяло и продолжает определять особенности его социально-экономического, геополитического, социокультурного развития.

Таблица 3.13

SWOT-анализ генерирующих и сдерживающих факторов развития миграционных процессов в Крыму

<p>S – (strengths) преимущества:</p> <p><i>природно-географические:</i> выгодное географическое положение, благоприятный климат, уникальная разнообразная природа, наличие побережья теплых Черного и Азовского морей, наличие природных лечебно-рекреационных ресурсов, благоприятная экологическая обстановка;</p> <p><i>социально-экономические:</i> реализация крупных инфраструктурных проектов через государственное финансирование и привлечение частного капитала; поддержка государством малого и среднего бизнеса; наличие ресурсов для ведения хозяйственной деятельности; богатое историко-культурное наследие; сложившаяся система развитого санаторно-курортного хозяйства; наличие крупных вузов и совершенствование их материально-технической базы; наличие специализированных лечебно-медицинских учреждений и совершенствование их материально-технической базы;</p> <p><i>культурно-психологические:</i> более размеренный ритм жизни населения по сравнению с мегаполисами; отсутствие языковых, этнических и конфессиональных барьеров адаптации мигрантов; социокультурная близость для приезжающих с материковой части России и Украины (особенно важно для беженцев); менталитет и образ жизни местных жителей.</p>	<p>W – (weaknesses) недостатки:</p> <p><i>экономико-географические:</i> периферийность;</p> <p><i>социально-экономические:</i> высокие цены: на аренду и покупку недвижимости, коммерческие услуги, несоответствие их цены и качества; транспортные проблемы (качество дорог, пробки на дорогах и др.); отсутствие крупных федеральных розничных торговых сетей, сетей общественного питания и, как следствие - низкая конкуренция и высокие цены на продовольствие; отсутствие привычной материковой продукции (бренды, виды, марки); отсутствие крупных банков России, представленных на материковой части страны; ухудшение транспортной доступности полуострова; уровень развития и качество социальной инфраструктуры в сельской местности; низкий уровень заработных плат; ограниченность рынка труда, отсутствие подходящей работы, малое количество привлекательных рабочих мест с высокой оплатой труда; относительно низкий уровень жизни, особенно в сельской местности; сезонность работы многих сфер приложения труда (сельское хозяйство, туристско-рекреационная сфера и т.п.); ограниченность перспективных сфер деятельности для молодежи ввиду специфики местного рынка труда.</p>
<p>O - (opportunities) возможности:</p> <p><i>социально-экономические:</i> реализация проектов, составляющих основу «Стратегии социально-экономического развития г. Севастополя до 2030 года» и «Стратегии социально-экономического развития Республики Крым до 2030 года»; нехватка местных квалифицированных кадров создает дополнительное предложение рабочих мест; Крым как диалоговая площадка для проведения всероссийских и международных форумов, фестивалей, выставок, конкурсов, праздников и т.п.; активная модернизация транспортной инфраструктуры (Крымский мост, трасса «Таврида», новый аэровокзальный комплекс и др.); структура хозяйства, имеющая потребность в высоко квалифицированных трудовых ресурсах; наличие трудоёмких отраслей, испытывающих дефицит в кадрах.</p>	<p>T - (threats) риски:</p> <p><i>геополитические:</i> изменение геополитической ситуации в приграничных с Украиной территориях, стимулирующее вынужденную миграцию населения (беженцы и проч.);</p> <p><i>социально-экономические:</i> антироссийские и антикрымские санкции, способствующие международной политико-экономической изоляции региона; угроза проведения террористических актов на территории Крымского полуострова.</p>

К одному из важнейших аспектов рубежности Крыма следует отнести его приморское положение. Республика Крым и Севастополь относятся к приморским территориям РФ, которые, наряду с Краснодарским краем и Ленинградской областью, следует назвать «ядрами» притяжения мигрантов. В Крыму, где сконцентрировано самое большое число приморских муниципалитетов (20, или 11 % от общего числа), приморские рекреационные муниципальные образования также выступают в роли реципиента мигрантов [27].

Воссоединение Крыма с Россией сформировало принципиально новые возможности для социально-экономического развития региона, создав условия для существенного роста числа прибытий мигрантов. Реализация проектов в рамках Федеральной целевой программы «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя до 2025 года» и Государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя» существенным образом изменила ситуацию на рынке труда. Эти проекты затронули самые болезненные точки крымского хозяйства — объекты транспортной и социальной инфраструктуры, энергетику, водообеспечение населения и отраслей сельского хозяйства Крыма водой, затребовав значительные дополнительные трудовые ресурсы. Нехватка местных квалифицированных кадров создала условия для привлечения рабочей силы из других регионов РФ, что позволило модернизировать транспортную инфраструктуру (Крымский мост, трасса «Таврида», новый аэровокзальный комплекс), создав условия для автономности функционирования базовых отраслей хозяйства региона, сформировав каркас для нового этапа инфраструктурного освоения Крыма. Одним из результатов работы стал приток трудовых мигрантов в регион.

Следует напомнить и о реализации на региональном уровне национальных проектов РФ «Здравоохранение» и «Демография», федерального проекта «Финансовая поддержка семей при рождении детей» и других, которые способствуют росту эффективности количественных и качественных характеристик трудоресурсного потенциала полуострова.

Социально-экономическое развитие региона создает условия для реализации различных проектов, позволяющих создать новые рабочие места и дополнительную конкуренцию как стимул для развития региона. В то же время реализация национальных проектов («Земский учитель», «Земский врач» и т. д.) может формировать как приток молодых специалистов на полуостров, так и их отток в регионы с более выгодным социально-экономическим положением. К сожалению, оба эти проекта работают позитивно только в пределах приморских территорий Крымского полуострова.

В настоящее время имеется ряд сдерживающих (выталкивающих мигрантов) факторов, которые неблагоприятно сказываются на развитии миграционной ситуации в Крыму. Проведение санкционной политики США и странами Западной Европы в отношении России и Крыма негативно отражается на международном имидже полуострова, его социально-экономическом развитии, что создает дополнительные трудности в реализации национальных

проектов и программ. Внешняя изоляция Крыма привела к закрытию на территории полуострова существовавших в украинские времена консульств иностранных государств. Так, например, после вхождения Крыма в состав России, в марте 2014 г., в Симферополе и Ялте были закрыты не только Почетные консульства Федеративной Республики Германия, Венгерской Республики, Республики Польша, Израиля, Греческой Республики (в Ялте), Королевства Испания (в Ялте), но и консульства стран бывшего СССР и СНГ (Почетные консульства Республики Казахстан, Армении, Грузии, Литвы и Эстонии) [28]. Это, в определенной степени, усложнило возможности перемещения мигрантов между этими странами и Крымом. Своеобразным политическим прорывом стало открытие в Симферополе в ноябре 2020 г. Почетного консульства Республики Никарагуа [29].

В Крыму отсутствуют не только консульские представительства иностранных государств, но и представительства крупных международных компаний, международное авиасообщение. По-прежнему осуществляется блокада морских портов, что негативно сказывается на внешней торговле, существуют и ограничения в работе IT-сектора и т. д.

Западные санкции привели к существенным ограничениям работы банковского сектора в Крыму [30]. Несмотря на то что с началом СВО России на Украине, в России практически все крупные банки попали под западные санкции, они по-прежнему не торопятся зайти в Крым, как и крупные торговые сети, которые успешно функционируют на материковой части России. По тем же причинам существуют определенные сложности и в работе мобильных операторов на полуострове. Все это существенно сказывается на формировании цен на продукты питания, непродовольственные товары, услуги и пр.

Проведение СВО России на Украине происходит в непосредственной близости от территории полуострова. Украинская сторона перешла от многочисленных угроз жителям Крыма к обстрелам его северных территорий, попыткам проведения террористических актов и диверсий.

Таким образом, факторы формирования миграционных перемещений в Крыму отражают специфику и динамику его развития и позволяют выявлять наиболее эффективные направления такого развития.

В условиях естественной убыли населения Крыма миграционный прирост из других регионов РФ является важным стабилизирующим фактором численности населения и рынка труда полуострова, что вызывает необходимость проведения активной миграционной политики. Регулирование миграции населения осуществляется посредством использования правовых, информационных, финансово-экономических, организационных и иных инструментов. Миграционное законодательство России обеспечивают около трехсот нормативно-правовых документов, в том числе свыше десяти федеральных законов, десятки международных соглашений. Базовым документом российского миграционного законодательства является Федеральный закон от

25.07.2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». В 2018 г. Указом Президента РФ от 31.10.2018 г. № 622 была утверждена «Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019—2025 годы». С 2019 г. в рамках Концепции демографической политики РФ на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351) идет реализация национального проекта «Демография» с совокупным бюджетом 3,1 трлн руб.

На региональном уровне основным документом, определяющим механизмы преодоления кризисных явлений в демографическом развитии полуострова, является Концепция демографического развития Республики Крым на период до 2025 года, утвержденная постановлением Совета министров Республики Крым от 02.09.2014 г. № 305. Согласно Концепции, приоритетными направлениями демографической политики в области улучшения миграционной ситуации являются содействие добровольному переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в Республику Крым в целях обеспечения социально-экономического комплекса региона кадрами необходимых профессий, а также миграционного замещения естественной убыли населения; проведение мероприятий по борьбе с незаконной миграцией и легализации нелегальной иностранной рабочей силы; интеграция мигрантов в социум.

В заключение отметим, что географическое положение Крыма определило важную роль миграций в формировании всех аспектов структуры его населения, трудовых ресурсов, потенциала, системы расселения, пространственного развития полуострова. На всех этапах исторического развития Крыма миграции населения существенно изменяли численность проживающих в регионе. Миграционные процессы в Крыму на протяжении продолжительного времени, вплоть до развала СССР, можно охарактеризовать как позитивные.

В 2015 г. Крым вошел в число наиболее привлекательных для мигрантов регионов России. Миграционные потоки на полуостров формируются под влиянием факторов притяжения и выталкивания мигрантов. Особенность миграционной ситуации в Крыму заключается в том, что, располагаясь на юго-западной периферии страны, полуостров является важным ядром притяжения мигрантов. Одним из факторов, притягивающих мигрантов в трудоспособном возрасте, стала реализация крупных проектов в рамках Стратегии социально-экономического развития Республики Крым и г. Севастополя до 2030 года (Закон Республики Крым от 09.01.2017 г. № 352-ЗРК/2017), меняющих ситуацию на рынке труда Крыма.

Трансформация геополитической ситуации на прилегающих к Крыму территориях, грядущие изменения мирохозяйственного устройства создают риски для стабильного социально-экономического развития региона и требуют коррекции вектора развития полуострова, определенного в Стратегии развития Республики Крым и г. Севастополя до 2030 года.

Список литературы

1. Швец А. Б., Сахнова Н. С., Сазонова Г. В. Пространство миграций в современном Крыму // Современные миграционные процессы: состояние и основные формы : материалы междунар. науч. конф., Тирасполь, 17 декабря 2015 года. Кишинёв : Международная Организация по Миграции, Миссия в Республике Молдова, 2016. С. 82—91.
2. Сахнова Н. С., Галух Г. А. Миграционная подвижность населения Крыма: динамика, современное состояние, проблемы // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. 2004. Т. 17, №4. С. 345—348.
3. Суцнев С. Я. Демографический потенциал и национальная структура населения Крыма: конец XX — середина XXI века // Региональная экономика. Юг России. 2018. №4. С. 139—149.
4. Населения Автономной Республики Крым. Демографічний щорічник за 2002—2013 р. Симферополь : Крымстат, 2013.
5. Население Республики Крым. Демографический ежегодник за 2013—2014 гг. Симферополь : Крымстат, 2014.
6. Статистические сборники за 2002—2014 гг. Севастополь : Севстат.
7. Статистический ежегодник Республики Крым. 2020 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2021.
8. Статистический ежегодник Республики Крым. 2018 : стат. сб. / Крымстат. Симферополь, 2019.
9. Город Севастополь в цифрах 2020 г. : крат. стат. сб. / Крымстат. Севастополь, 2021.
10. Севастополь в цифрах. 2016 : стат. сб. / Севастопольстат. Севастополь, 2017. 102 с.
11. Преступность в регионах // Генеральная прокуратура Российской Федерации. Портал правовой статистики. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total (дата обращения: 30.09.2022).
12. Сазонова Г. В., Сахнова Н. С. Демографические процессы в рекреационных районах Республики Крым: географический аспект // Сборник тезисов участников II научной конференции профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ им. В. И. Вернадского». Симферополь, 2016. Т. 7. С. 40—42.
13. Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, №3. С. 102—128. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.
14. Число выбывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022 / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58614> (дата обращения: 06.07.2022).
15. Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения, 2022 / ЕМИСС. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/58613> (дата обращения: 06.07.2022).
16. Статистические ежегодники Республики Крым и г. Севастополь, 2015—2021 гг. URL: <https://crimea.gks.ru/> (дата обращения: 30.09.2022).
17. Mkrtchyan N. V., Vakulenko E. S. Interregional migration in Russia at different stages of the life cycle // Geo Journal. 2019. Vol. 84, №6. P. 1549—1565.
18. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В. Межрегиональная миграция в России: возрастные особенности // Демографическое обозрение. 2016. Т. 3, №4. С. 47—65.

19. Волошенко К. Ю., Лялина А. В. Привлекательность Калининградской области: факторы притяжения и причины разочарования мигрантов из регионов России // Балтийский регион. 2022. Т. 14, № 3. С. 102—128. doi: 10.5922/2079-8555-2022-3-6.

20. Город Севастополь в цифрах, 2019 г. : крат. стат. сб. / Крымстат. Севастополь, 2020.

21. Число выбывших / ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> ; Число прибывших / ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514> (дата обращения: 10.08.2022).

22. Сазонова Г. В., Сикач К. Ю., Швец А. Б. Вводная статья к III разделу. Геодемографические процессы // Атлас социокультурных процессов в Крыму [карты] / под ред. И. Н. Воронина, И. М. Яковенко, А. Б. Швец, Д. А. Вольхина. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. URL: <http://atlas-crimea.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

23. Сазонова Г. В. Сальдо миграций [карта] // Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И. Н. Воронина, И. М. Яковенко, А. Б. Швец, Д. А. Вольхина. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. URL: <http://atlas-crimea.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

24. Сазонова Г. В. Внешние миграции [карта] // Атлас социокультурных процессов в Крыму / под ред. И. Н. Воронина, И. М. Яковенко, А. Б. Швец, Д. А. Вольхина. Симферополь : КФУ им. В. И. Вернадского, 2020. URL: <http://atlas-crimea.ru> (дата обращения: 15.07.2022).

25. Более 150 тысяч беженцев из Украины и Донбасса прибыли в Крым с февраля // Аргументы и факты. KRYM.AIF.RU. 18.05.2022. URL: https://krym.aif.ru/society/details/bolee_150_tysyach_bezhencev_iz_ukrainy_i_donbassa_pribyli_v_krym_s_fevralya?from_injest=1 (дата обращения: 30.07.2022).

26. В Крыму 3892 беженцев из Донбасса и освобожденных территорий // Лента новостей Крыма. 13.05.2022. URL: <https://crimea-news.com/society/2022/05/13/922704.html> (дата обращения: 30.07.2022).

27. Лялина А. В. Типология миграционных процессов в приморских регионах России // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2021. № 3. С. 42—59.

28. Консульства на территории Крыма // Крым политический : [сайт]. URL: <http://politika-crimea.ru/consulstva> (дата обращения: 10.08.2022).

29. В Крыму открылось первое представительство иностранного государства // News.ru. 10.11.2020. URL: <https://news.ru/regions/v-krymu-otkrylos-pervoe-predstavitelstvo-inostrannogo-gosudarstva/> (дата обращения: 10.08.2022).

30. Воронин И. Н. Интеграция экономики Крыма в социально-экономическое пространство России: итоги первой пятилетки // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2019. Т. 5 (15), вып. 2. С. 5—14.

Глава 3.6. Миграционные процессы в регионах Казахстанского побережья России

Российско-казахстанская граница — самая длинная сухопутная граница в мире (7513 км). Ее пересекают 20 железнодорожных полос, 12 автомагистралей, 36 автодорог с твердым покрытием. Семь областей (в 2022 г. Восточно-Казахстанскую область разделили, теперь появилась еще и Абайская, ее мы

пока не учитываем отдельно), 38 районов и один город Казахстана с общей численностью населения 5735,9 тыс. чел. и 12 субъектов РФ, 76 муниципальных районов и пять городов (23 879,2 тыс. чел., 2021 г.) примыкают к границе. Граница проводилась в советское время (20—30-е гг. XX в.) условно, она существовала де-юре на географических картах. Не имея природных барьеров, граница долгое время выполняла исключительно контактную и интеграционную функцию. Приграничные с Россией регионы Казахстана наиболее плотно заселены и освоены. Здесь сформировалось единое инфраструктурное, социально-экономическое и этнокультурное пространство, происходило взаимодействие и взаимное влияние христианства и ислама, славянских, тюркских и других народов. В 1990-е гг., после распада СССР, граница из условной превратилась в реальную и приобрела статус государственной с возрастающей барьерной функцией. Единое прежде пространство стало трансграничным, в результате чего обострился целый ряд проблем — от геополитических до социально-экономических и бытовых. Некоторые демографические характеристики представлены в сопоставимых данных по итогам переписей населения соседних стран на рисунках 3.91—3.103.

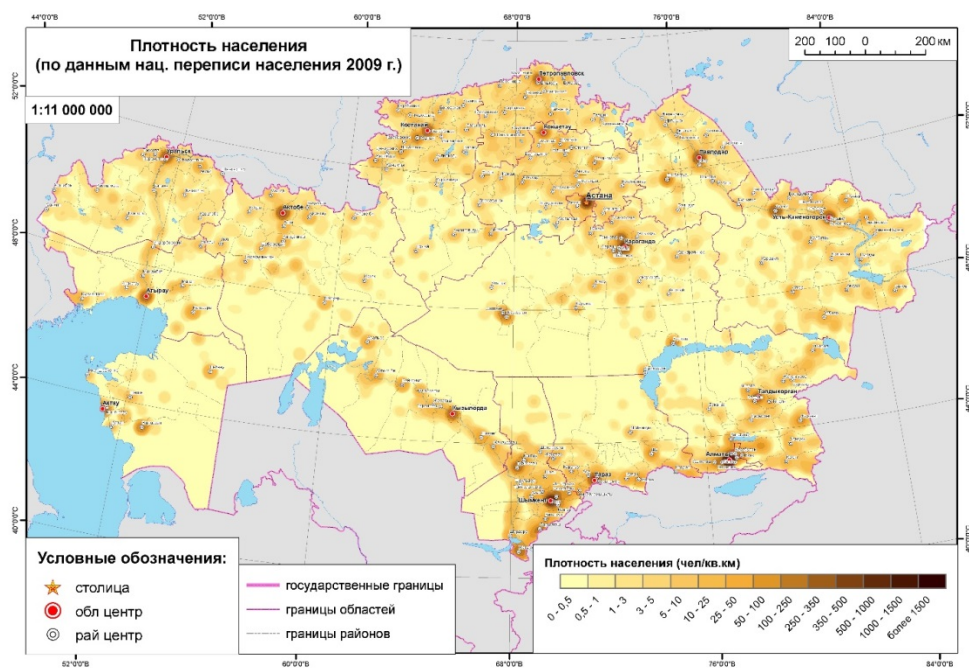

Рис. 3.91. Плотность населения Казахстана

Составлено по: [12—14].

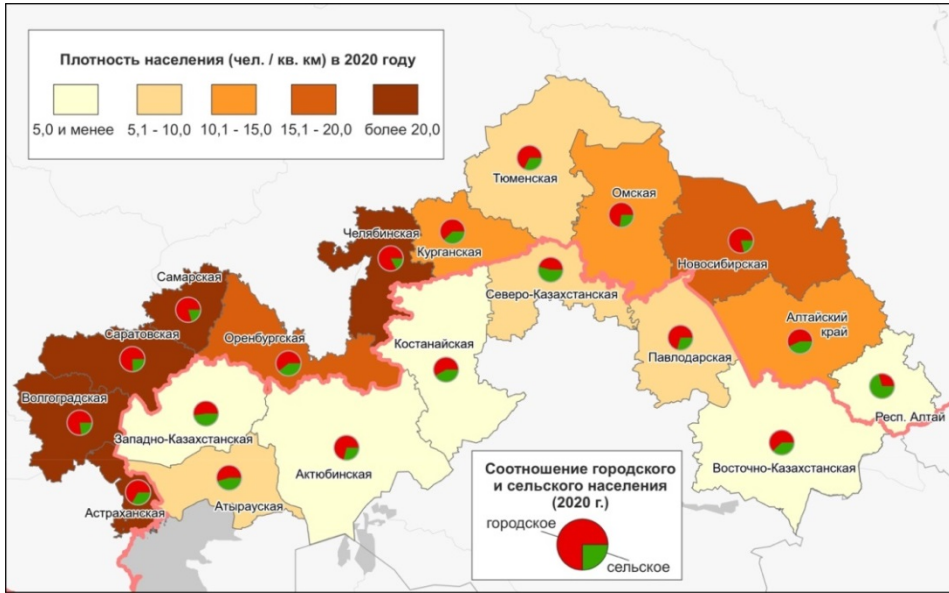

Рис. 3.92. Характеристики населения приграничных регионов России и Казахстана
Составлено по: [1; 33].

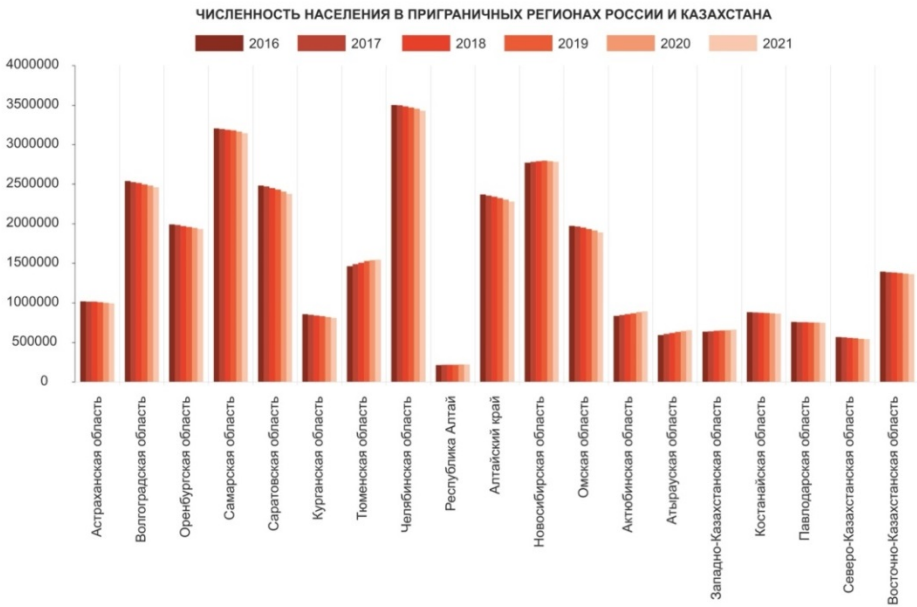

Рис. 3.93. Демографический потенциал приграничных регионов, 2016—2021 гг., чел.

Составлено по: [1; 33].

Длительное время сопредельные территории развивались в рамках единого культурного и экономического пространства, поэтому говорить о трансграничных миграциях можно с известной долей условности. Тем не менее население по обе стороны современной границы формировалось в течение длительного периода времени в значительной степени благодаря миграциям. Мы довольно много писали об этом (например, [3; 7—11; 28—30 и др.]).

До начала российской колонизации этой территории в XVIII в. вектор миграций имел западное и северо-западное направление. Эта территория пережила несколько волн заселения — начиная от первобытных собирателей, рыболовов и охотников, представителей древнейшей ямной культуры, которые находили в степи все необходимое для жизни — от жилья до пищи. Угро-, ирано-, монголо-, тюркоязычные, позже славянские народы (чудь, сарматы, гунны, авары, хазары, угры (мадьяры), печенеги, гузы, кыпчаки (половцы), татаро-монголы, мангаты), с разными укладами жизни, разными религиозными взглядами, разной культурой, сменяли друг друга, вытесняя под натиском демографических взрывов, притеснений соседей, поисков новых ресурсов. Степь давала все необходимое для жизни кочевников, которые пришли на смену оседлой цивилизации, разрушив города, медные рудники, другие промыслы, частично ассимилируя, частично сгоняя предшественников с насиженных мест [32; 34; 35 и др.]. О большой общей этнокультурной истории говорят многочисленные археологические памятники, топонимы, специфическая этническая культура, обогащенная многочисленными заимствованиями от предшественников и соседей.

Процессы взаимодействия и взаимного влияния, приведшие к этнокультурному сходству мигрантов и аборигенов, охватывают приграничные районы России и северо-западные, северные и северо-восточные районы Казахстана, где по переписи 1989 г. славянские народы составляли от 54 до 69% населения, а казахи — от 17 до 30%. Это обстоятельство явилось одним из факторов того, что на севере традиционная культура казахов сильно трансформирована, имеет большое сходство с русской и подвержена вестернизации. Эти земли (сначала Младшего, чуть позже — Среднего Жуза) вошли в состав России раньше, чем южные, в результате чего влияние русской культуры было большим. В настоящее время ситуация на севере изменилась в пользу казахов. В 2010 г. — уже существенно изменилась (рис. 3.94).

Многочисленные исследователи этого региона и народа, в том числе казахские (например, [6; 37]), а также более ранние арабские, персидские и западноевропейские, отмечали, что до российской колонизации и до казахов территория современного Казахстана пережила несколько волн заселения. Здесь проживали разные народы — например, эта территория была частью кочевого государства Золотая Орда (в восточной литературе Улус Джучи, или Синяя Орда), созданного монголами.

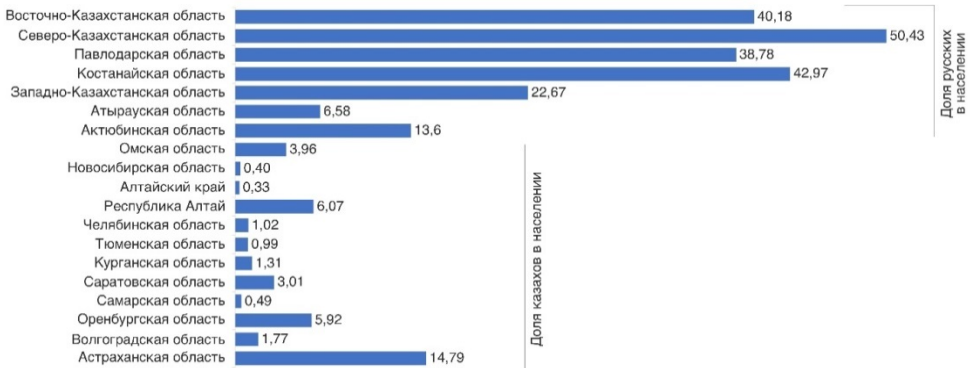

Рис. 3.94. Доля казахов и русских в населении приграничных регионов России и Казахстана

Составлено по: [1; 33].

С начала российской колонизации вектор миграций изменился на противоположный. Большая часть территории современного Северного Казахстана была присоединена к России в 30—40-х гг. XVIII в. — позже, чем Сибирь, Дальний Восток, Казанское и Астраханское ханства. Например, основанный в 1735 г. Оренбург становится центром обширной губернии и центром Оренбургского казачьего войска. Созданная укрепленная линия казачьих поселений протянулась от устья Яика до Алтая, выполняя роль границы не столько с барьерной, сколько с контактной функцией. Казачье войско формировалось как многонациональное, хотя основу его составляли русские. Башкиры и мещеряки использовались на военной службе, а тептяри и бобыли — беглые татары, чувашаи, мордва, удмурты — на строительных работах в Оренбурге и других крепостях. Так, к 1897 г. русские составили более 90 % казачества, украинцы — 3 %, татары — 1 %, белорусы — 0,4 %, калмыки — 0,3 %, другие (в том числе башкиры, мордва, поляки) — 1,7 % [20].

При советской власти, которая прилагала усилия для получения поддержки нерусских народов, казахские земли получили государственность. Первоначально была создана Казахская АССР в составе РСФСР, а с 1936 г. Казахстан стал союзной республикой. При этом границы республики были проведены условно и неоднократно менялись. Ранее территория современного Казахстана была поделена между Астраханской губернией, двумя сибирскими генерал-губернаторствами, Туркестанским генерал-губернаторством и Бухарским эмиратом. Казахи не составляли единого народа. К моменту образования Казахстана происходили бурные споры относительно его территориального состава. Камнем преткновения были Акмолинская, Семипалатинская, Уральская, Омская области. Вставал вопрос о включении в его состав боль-

шей части Средней Азии, а также Барнаульского уезда Алтайского края. Территория сложилась в основном лишь в 1921 г. Тогда же были аннулированы закрепленные еще в XVIII в. владения казаков — 10-верстные полосы по рекам Урал и Иртыш. После проведения национально-государственного размежевания Средней Азии в 1924 г. Казахстану отошли части Сыр-Дарьинской и Семиреченской областей. Позже в его состав вошла Чимкентская область. Современный территориальный состав и административно-территориальное деление окончательно сложились только к концу XX в. [4; 26; 27].

В XX в. важнейшими отправными толчками миграционного притока на территорию приграничных с Россией регионов современного Казахстана стали несколько знаковых событий, которые можно рассматривать как факторы.

Активный миграционный обмен был связан со Столыпинской аграрной реформой 1906 г., одним из результатов которой стало переселение в регион большого количества крестьян из Европейской России. В это же время в регионе начали развиваться промышленность и инфраструктура. К сожалению, из-за непонимания менталитета и устройства общества кочевников земли, которые были строго распределены, колонисты считали «ничьими», селились на них, что привело к восстанию 1916 г. На самом деле обитавшие здесь до прихода русских народы — киргиз-кайсаки (казахи) и другие — вели кочевой образ жизни, хорошо описанный исследователями [4; 15; 25; 35]. Как отмечает П. Н. Пилатов, «скотоводство при необъятной обширности степных лугов есть главный промысел и исключительное богатство киргизов» [22, с. 203]. Места кочевий народов-номадов обычно не пересекались, если это случалось, то происходили столкновения. Кочевой образ жизни формировал особый менталитет и накладывал отпечаток на все элементы и особенности культуры. Зимой они жили в аулах, в примитивных жилищах, ведя полуголодный образ жизни, а в летний сезон откочевывали вместе со стадами скота, используя все преимущества степи и ощущая себя ее хозяевами [4].

Кроме кочевников, жили в северной части современного Казахстана и оседлые народы — русские, татары, мещеряки, мордва, черемисы (марийцы), вотяки (удмурты), чувашаи и др. [25]. Казацкие поселения размещались в речных долинах.

Политика России в этом регионе по отношению к аборигенам была достаточно взвешенной и с самого начала колонизации сильно отличалась от таковой, например, в США. Многие государственные деятели понимали, что с народами следует обращаться с учетом их менталитета, хотя инцидентов и даже восстаний избежать не удалось. Проживавшие здесь до колонизации этносы получали определенные привилегии от вхождения в состав России. Например, ряд казахских племен расширил территориальные владения. Присягнувшим родам Восточного Казахстана было разрешено кочевать на правый берег Иртыша, уже заселенного сибирскими казаками, хану Букею позволили переселиться с частью западных казахских племен на земли уральского казачества между Уралом и Волгой [5]. Казахи не платили налогов. Тес-

нившие их джунгары не могли не считаться с могущественной Россией. Другие народы, в частности башкиры, также получили ряд привилегий. Колонизация проводилась не только русскими, которые в конце концов составили основу, ядро этнокультурного региона, но и другими этносами Российской империи — татарами, украинцами, мордвой и др.

Российская колонизация, в силу особенностей менталитета, исходила из признания права аборигенов на принадлежавшую им территорию и, как правило, никогда не вела ни к физическому истреблению, ни к насильственной ассимиляции. Попытки насильственной ассимиляции на определенных этапах были, но не они определяли этнокультурное развитие территории. Кроме того, изучение русского языка и принятие христианства открывали определенные карьерные возможности для нерусского населения. Это хорошо понимали национальные лидеры и нередко сами способствовали проведению такой политики.

Миграции были связаны также с Первой мировой войной, революцией, гражданской войной, голодом 1921—1922 гг. Миграции имели и возвратный характер, серьезных изменений в этническом составе не произошло, за исключением увеличения доли украинцев.

Национально-территориальное размежевание 1924—1925 гг. привело к образованию республик СССР и формированию населяющих их народов. В регион переселялись специалисты, необходимые для обслуживания медицины и образования. Для формирования национальной интеллигенции потребовалось обучение, это способствовало трансграничным миграциям. Велось и языковое строительство. Для целого ряда народов была создана письменность. Переселенцы влияли на жизнь местного населения, но и сами испытывали влияние других народов. В результате взаимодействия происходило нивелирование отдельных элементов этнической культуры, что привело к формированию общих культурных черт и регионального самосознания населения. Взаимовлияние проявляется в заимствованиях артефактов, архитектуры, застройки и планировки селений, особенностей поведения, традиций, языковых заимствованиях, а также в сфере искусства и литературы.

Более серьезные изменения произошли в 1926—1939 гг. в результате миграций, связанных первоначально с насильственным переводом казахов на оседлость, голодом, большой смертностью и оттоком казахского населения в Россию, Китай, Монголию, Афганистан, Иран и Турцию. Об откочевках казахов за пределы республики, на которые приходится более трети потерь, говорят такие факты: численность казахского населения, проживавшего в соседних с Казахстаном республиках, увеличилась за межпереписной период 1926—1939 гг. в 2,5 раза и составила 794 тыс. чел. Численность населения Казахстана и доля казахов уменьшалась. Следует, однако, обратить внимание и на тот факт, что, возможно, сокращение было связано с запретами на калым и многоженство, в результате чего часть населения уклонялась от переписи, в частности девушки, грудные младенцы, а также мужчины молодых возрас-

тов, так как у населения сохранились воспоминания о мобилизации на трудовые работы в годы Первой мировой войны. Недоучет получился и вследствие сложности административно-территориальной структуры края и распыленности кочевого и полукочевого населения [2]. Этот же автор подчеркивает, что некоторые казахстанские историки, опираясь на все время увеличивающиеся данные о числе жертв голода, приходят к мнению, часто от исторической науки далекого (вплоть до организованного геноцида казахского народа). Практически невозможно установить точную численность этноса того периода. Но почти все авторы сходятся в том, что казахи в 1939 г. составили меньшинство, 36,4% против 58,2% в 1926 г. (табл. 3.14). В сельской местности проживали 97,9% казахов. Самой большой этнокультурной группой стали русские — 41,2% (в 1926 г. доля их составляла 20,5%). В то же время за счет миграций число казахов возросло в РСФСР в 2,3 раза (в Узбекистане — в 1,7 раза, в Каракалпакии — в 2,5 раза, в Киргизии — в 10 раз). Численность и доля других народов, проживавших в республике (кроме украинцев, численность которых сократилась в 1,3 раза — возможно, за счет ассимиляции), увеличилась.

Таблица 3.14

**Численность и национальный состав населения Казахстана
в сопоставимых границах, по данным переписей населения 1920 и 1926 гг.**

Губернии	Все население		Казахи		Русские		Украинцы		Татары		Немцы		Прочие	
	1920	1926	1920	1926	1920	1926	1920	1926	1920	1926	1920	1926	1920	1926
Акмолинская	1187,5	1211,5	445,3	430,8	458,2	394,1	222,1	312,3	19,2	18,2	22,3	21,2	20,4	34,9
Актюбинская	533,7	468,3	406,1	320	34,7	43,8	81,5	88,4	5,3	7,9	2,2	1,7	3,9	6,5
Семипалатинская	1047,8	1310,2	565,9	714,6	380,4	398,6	68,5	140,2	14,4	18,8	7,8	11,8	10,8	26,2
Уральская	740,4	638	531,8	467,9	158,6	127,4	27,9	25,4	19,5	12,3	0,9	0,6	1,7	4,4
Кустанайский округ	428	389,3	160	123,4	80,5	82,6	161,8	160,8	2,9	4,6	16,5	10,8	6,3	7,1
Адаевский уезд	101,4	135,5	99,3	131,5	1,7	2,1	-	0,8	-	0,4	-	-	0,4	0,7
Казахстан	4038,8	4152,8	2208,4	2188,2	1114,1	1048,6	561,8	727,9	61,3	62,2	49,7	46,1	43,5	79,8

Рассчитано А. П. Алексеенко по: *Календарь-справочник* и записная книжка на 1924 год. Оренбург, 1924. С. 25 ; *Всесоюзная перепись населения 1926 г.* [2].

По расчетам А. Н. Алексеенко [Там же], проведенным на основе анализа большого количества источников с учетом всех возможных поправок, потери казахского населения к 1939 г. составили 1840 тыс. чел., или 47,3% от численности этноса в 1930 г., особенно на востоке республики, где потери составили 379,4 тыс. чел., или 64,5% от численности этноса в 1930 г. В данном регионе наблюдалась наиболее значительная миграция, в первую очередь в

пограничные районы Российской Федерации и Китая. Более половины представителей этноса было потеряно в Северном Казахстане — 410,1 тыс. чел., или 52,3%. Западный Казахстан потерял 394,7 тыс. казахов, или 45,0% этноса, Южный — 632,7 тыс., или 42,9%. Наименьшие потери были в Центральном Казахстане — 22,5 тыс. чел., или 15,6% этноса данного региона. Потери других этнокультурных групп подсчитать не удастся из-за большой миграционной подвижности в этот период. По некоторым данным, Казахстан покинули около 1 млн представителей нетитульных этносов, многие из которых погибли.

Начало плановому переселению было положено Постановлением ЦИК и СНК СССР от 18.01.1928 г. «О задачах переселения, его организации, основах составления планов переселения и о порядке финансирования переселенческих мероприятий». В апреле 1929 г. на VII съезде Советов КАССР шла речь о возможности открытия границы республики для переселения из других районов страны.

В 1930-е гг. проводился оргнабор в промышленность. В этот же период начинаются переселения, связанные с ликвидацией кулачества как класса. Из Казахстана также выслали баев и кулаков в другие регионы. Стала проводиться политика насильственного переселения людей по национальному признаку. Депортация народов привела к существенному изменению этнического состава населения Казахстана.

В 1935 г. из Ленинградской области были депортированы ингерманландцы, часть которых попала в Казахстан [23]. По постановлению СНК СССР от 28.04.1936 г. из пограничных районов Украинской ССР были высланы поляки и немцы, в основном в северные области. В 1940 — начале 1941 г. в республику прибыли поляки, высланные из Западной Украины и Западной Белоруссии. Расселены они были в Актюбинской, Кустанайской, Павлодарской, Семипалатинской и Северо-Казахстанской областях.

В 1937 г. в Казахстан было переселено 95 421 из 200 тыс. высланных из Приамурья корейцев. Размещены они были в Алма-Атинской, Южно-Казахстанской, Актюбинской, Кустанайской, Западно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Карагандинской областях [21].

В 1937—1939 гг. в Казахстан иммигрировали не только с территории России, но и иранцы, курды, турки, армяне, китайцы — население, проживавшее в основном в приграничных районах юга республики.

Позже изменения этнодемографической ситуации были связаны с эвакуацией сюда репрессированного населения, населения с оккупированных фашистами территорий, после войны — с освоением целины и индустриализацией республики. В годы Второй мировой войны регион явился центром размещения эвакуированных предприятий и населения. Индустриализация, проходившая в несколько этапов, а также освоение целины способствовали миграционному притоку и изменению этнического состава населения. По данным переписи 1959 г., в Казахстане русские составили 42,7%, казахи — 30,0%, украинцы — 8,2%, немцы — 7,1%, татары — 2,1%), узбеки — 1,5%,

белорусы — 1,1 %, корейцы — 0,8 %. Из российских этносов проживали также мордва, чувашы, башкиры. В последующие десятилетия национальный состав Казахстана меняется: казахи возвращают себе демографическое господство, утраченное за годы индивидуальных и коллективных ссылок и освоения целины, другие мусульманские народы (за исключением татар) также повышают свою абсолютную и относительную численность, а остальные постепенно исчезают с этнической карты республики.

Казахи восстановили свою прежнюю численность к концу 1960-х гг. в результате демографического взрыва, а в 1989 г. стали самым многочисленным народом в Казахстане. После обретения независимости казахстанское Агентство по статистике скорректировало данные переписи 1989 г. (были исключены военнослужащие — в большинстве своем славяне) и объявило, что в республике в год переписи казахи составляли 40,1 % населения. На севере и северо-востоке Казахстана к концу советского периода казахи составляли 17—30 % [18; 36]. Эти районы с доминирующей русской культурой, более урбанизированные, экономически традиционно связанные с Россией, испытывали сложности из-за разрыва связей с Россией.

Распад СССР в 1991 г. и образование независимых государств СНГ привели к новой волне трансграничных миграций. Вектор миграций снова изменился. Анализ состава мигрантов, направления и причин миграций показывает положительное для России сальдо миграций [16; 17; 24].

В 1999 г., когда была осуществлена первая перепись населения независимого Казахстана [14; 17], миграционные потери республики составили 123 тыс. чел., в 2000 г. — более 108 тыс., в 2001-м — свыше 88 тыс., в 2002-м — около 60 тыс., в 2003-м — лишь 8 тыс. За 1999—2003 гг. естественный прирост населения Казахстана составил 386,6 тыс. чел. (в среднем 0,5 % в год). Среди этносов за период между переписями 1989 г. и 1999 г. заметнее всего снизилась численность немцев: с 958 тыс. до 353 тыс. чел. Количество русских сократилось с 6,2 млн до 4,5 млн (в начале 1940-х — середине 1980-х гг. русских в Казахстане было больше, чем казахов), украинцев — с 896 тыс. до 547 тыс., татар — с 328 тыс. до 249 тыс., белорусов — с 183 тыс. до 112 тыс., корейцев — с 103 тыс. до 100 тыс., азербайджанцев — с 90 тыс. до 78 тыс., поляков — с 60 тыс. до 47 тыс., евреев — с 20 тыс. до 8 тыс. Снизилась также численность чеченцев, башкир, молдаван, ингушей, мордвы, армян, греков, киргизов, болгар, лезгин, туркмен и большинства других национальностей. Выросла лишь численность казахов — с 6,5 млн до 8,0 млн, узбеков — с 332 тыс. до 371 тыс., уйгуров — с 185 тыс. до 210 тыс., дунган — с 30 тыс. до 37 тыс. и курдов — с 25 тыс. до 33 тыс. Реальностью стало, с одной стороны, стремление этнических групп к самовыражению, с другой — активизация контактов культур, что связано с новой волной трансграничных миграций населения. В российские регионы через российско-казахстанскую границу устремились переселенцы не только из Казахстана, но и из стран СНГ, главным образом из Средней Азии.

За 1990-е гг. Казахстан покинули около 3 млн чел. Более половины уехавших — русские; немало среди них немцев, украинцев, татар, белорусов и евреев. В то же время в Казахстан репатриировалось 374 тыс. оралманов (казахов — уроженцев других стран), согласно официальному заявлению председателя Комитета по миграции Министерства труда и социальной защиты населения РК Ж. Абдиева на международном семинаре по вопросам миграции, организатором которого является Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Казахская диаспора в странах ближнего и дальнего зарубежья составляет треть казахского этноса — более 4 млн чел. За первое десятилетие независимости на историческую родину вернулось около 200 тыс. чел.: более половины из других стран СНГ, треть — из Монголии. Обратный поток миграции был гораздо мощнее. В 1990-е гг. Казахстан покинули около 3 млн чел., свыше трети — в дальнее зарубежье. Более половины уехавших — русские; немало немцев, украинцев и татар. В результате численность населения, несмотря на довольно высокий естественный прирост казахов, сокращалась: с 16,9 млн в 1993 г. до 14,9 млн по переписи 1999 г. и 14,5 млн чел. в 2002 г. Наиболее интенсивно теряли население области с традиционно высокой долей русских и немцев.

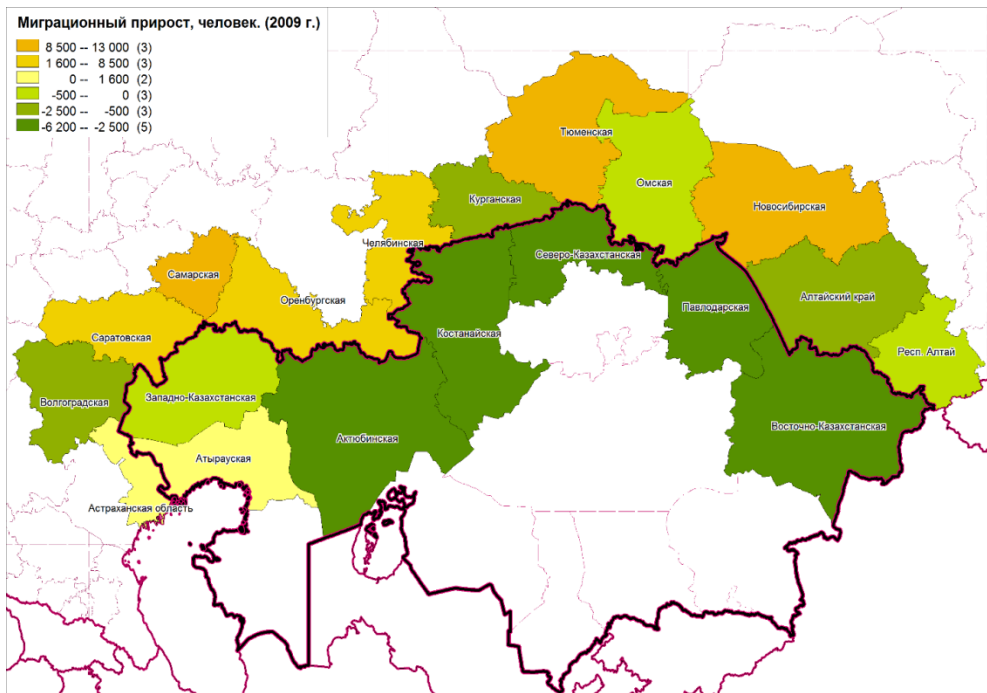

Рис. 3.95. Сальдо миграций населения российско-казахстанского приграничья, 2009 г.

Составлено по: [1; 33].

В начале 2000-х гг. эмиграция сократилась, в то время как иммиграция, в основном за счет оралманов, увеличилась. Однако экономический кризис 2008—2009 гг. и 2014—2015 гг. привел к новому росту эмиграции, в первую очередь квалифицированных кадров. Общая численность специалистов с высшим, незаконченным высшим и средним профессиональным образованием (среди лиц старше 15 лет), выехавших из Казахстана в 2013—2015 гг. составила 47,4 тыс. чел. В 2015 г. их доля равнялась 74,9%. В 2015 г. из Казахстана выбыло 17418 специалистов, из них с техническим образованием — 26,1%, экономическим — 13,2%, педагогическим — 9,1%, медицинским — 4,8%. В 2009 г. молодежь 20—29 лет составила 28,2% потока, в 2012 г. — 23,5% [36]. В 2000-е гг. из Казахстана продолжало выезжать славянское (70—75% всех эмигрантов) и другое русскоязычное население, в том числе русскоязычные казахи. Особенно это коснулось приграничных с Россией территорий, что привело к уменьшению плотности их населения. Это обстоятельство вкупе с политикой переселения казахского населения из южных районов, а также притока оралманов, иммигрирующих по специальной программе в северный, северо-западный и северо-восточный Казахстан, а также реформой административно-территориального деления привело к казахизации этих когда-то неказахских регионов. Кроме того, серьезной проблемой стала утечка умов. Приток оралманов и возвратные миграции казахов не перекрывают эмиграции, которая, по данным экспертов и статистики, в 6 раз больше иммиграции (например, [19]). В целом население Казахстана растет, но гораздо медленнее, чем население соседних среднеазиатских республик.

При оценке трансграничных миграций возникли сложности из-за несоответствия статистических данных (в силу разницы методики учета) соседних государств. Так, по российским данным, в Россию из Казахстана иммигрировали 1,4 млн чел., по казахстанским — 1,2 млн, обратный поток составил 283 и 276 тыс. чел. соответственно, сальдо миграции 1,1 и 0,92 млн чел. Это вызывает озабоченность казахстанских экспертов: отток населения из Казахстана сопоставим с численностью населения Астаны, к примеру. Учет миграций осложняет тот факт, что из-за запрета на двойное гражданство часть миграций неофициальна. Иногда казахстанцы получают российский паспорт, не сообщая об этом.

Потоки мигрантов в Россию существенно превышают обратные. Выезжает из Казахстана интеллектуальная элита, квалифицированные кадры. В структуре иммигрантов из Казахстана существенную часть составляет молодежь, в подавляющем числе случаев выезжающая в Россию на учебу и часто не возвращающаяся. Так, М. Шибутов [36], опираясь на данные [19], обращает внимание, что на начало 2015/16 учебного года из 237538 иностранных студентов, обучавшихся в России, 79,2% (или 188130 чел.) составили выходцы из стран СНГ, среди которых 36% — казахстанцы. В России привлекают относительно недорогое качественное образование и более высокие зарплаты. Кроме того, рынок труда в Казахстане отстает от потребностей растущего населения и не выдерживает конкуренции с таковым в соседнем государстве, что является одним из существенных факторов эмиграции. Од-

нако переход на казахский язык и рост числа не знающих русский язык снижает эти процессы. Тем не менее проблема «утечки умов» и снижения качества человеческого капитала стоит перед Казахстаном довольно остро.

Прирост населения в Казахстане превышает рост рынка труда, в России ситуация до последнего времени была намного лучше, поэтому трансграничные миграции неизбежны. Приграничные регионы России служат перевалочными базами для мигрантов. Отсюда они часто перемещаются в более крупные города и в районы, имеющие более привлекательные условия труда.

Более подробный анализ проведен нами за пять лет (2016—2020 гг.) (рис. 3.96—3.103), поскольку за этот период существует сопоставимая статистика.

Рис. 3.96. Возрастной состав международных мигрантов, 2020 г.

Составлено по: [1; 33].

Под воздействием комплекса факторов в этот период в большинстве рассматриваемых приграничных регионов России и Казахстана наблюдается снижение численности населения (рис. 3.93, с. 199), исключение составляют российские Тюменская и Новосибирская области, Республика Алтай, а казахстанские регионы, где за период 2016—2021 гг. был отмечен рост численности населения, — Атырауская, Актюбинская и Западно-Казахстанская области. Спад численности населения объясняется в том числе и ежегодным отрицательным сальдо миграции — лишь в двух регионах (Тюменской и Новосибирской областях) за 2016—2020 гг. сальдо миграции стабильно положительное.

Для рассматриваемого периода характерен отток населения из приграничных областей Казахстана в Россию (рис. 3.101). В российских же приграничных регионах, за некоторым исключением (например, Астраханская область), наблюдается положительное сальдо миграции.

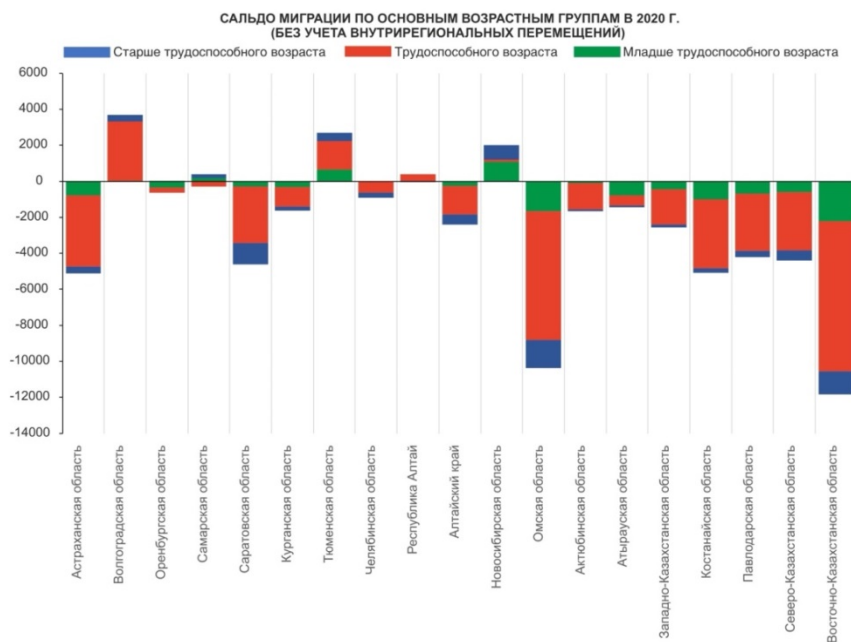

Рис. 3.97. Сальдо миграции по основным возрастным группам, 2020 г.

Составлено по: [1; 33].

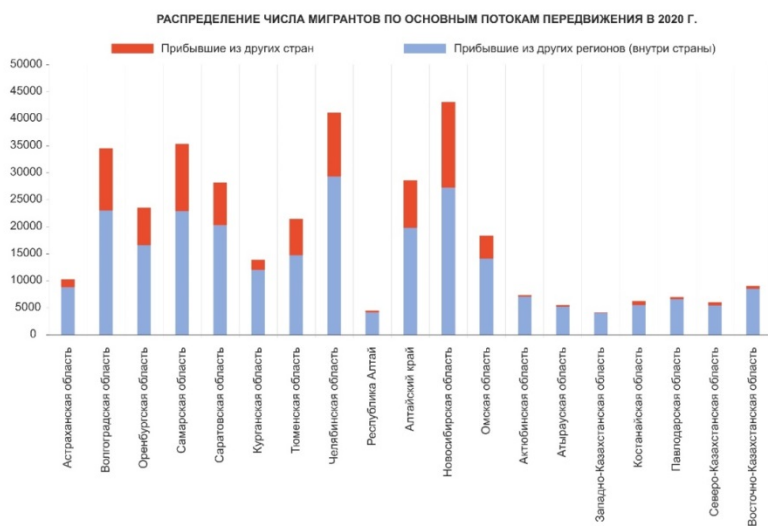

Рис. 3.98. Распределение числа мигрантов по основным потокам передвижения в регионах российско-казахстанского приграничья, прибывшие в 2020 г.

Составлено по: [1; 33].

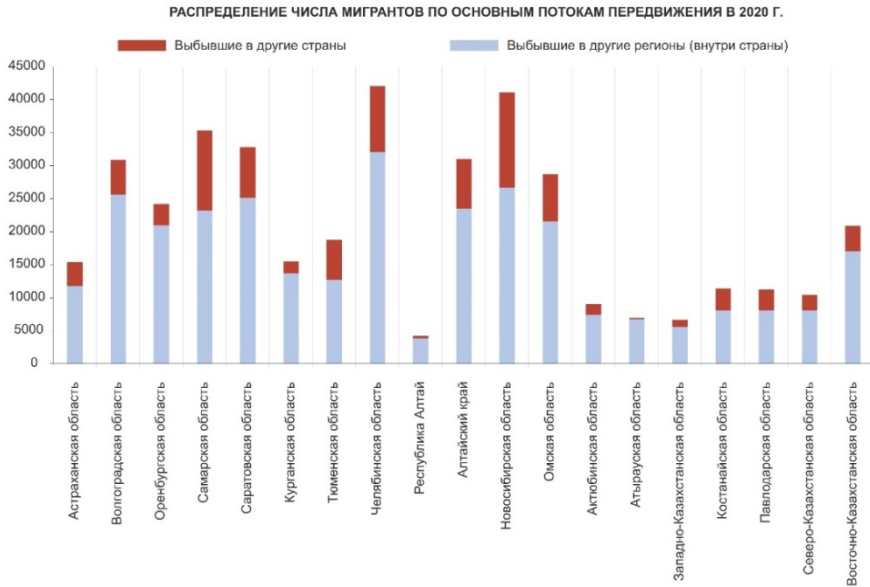

Рис. 3.99. Распределение числа мигрантов по основным потокам передвижения в регионах российско-казахстанского приграничья, выбывшие, 2020 г.

Составлено по: [1; 33].

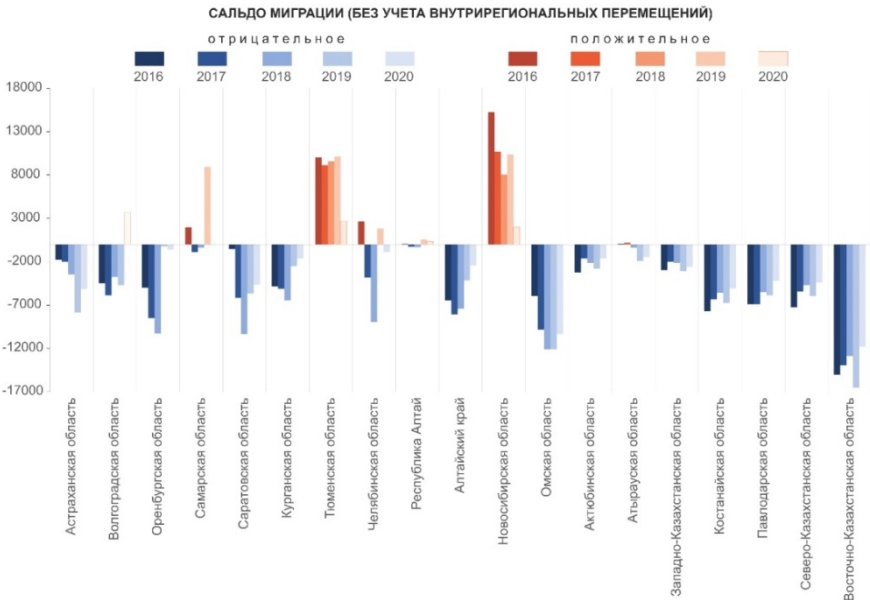

Рис. 3.100. Сальдо миграций без учета внутренних перемещений, 2016—2020 гг.

Составлено по: [1; 33].

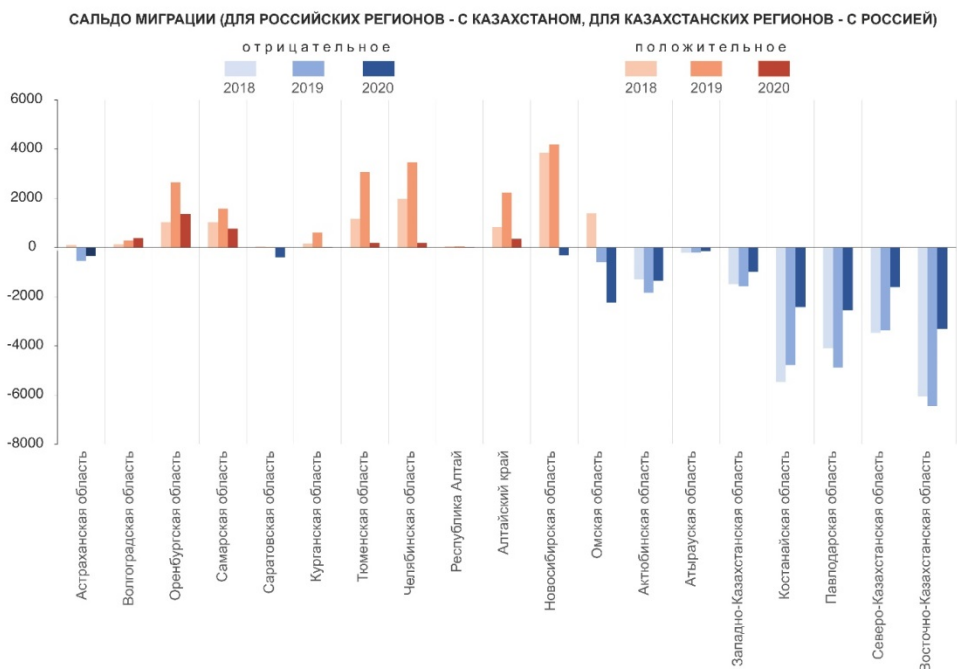

Рис. 3.101. Сальдо миграции в приграничных регионах России и Казахстана, 2018—2020 гг.

Составлено по: [1; 33].

Рис. 3.102. Численность прибывших из стран СНГ, 2020 г.

Составлено по: [1; 33].

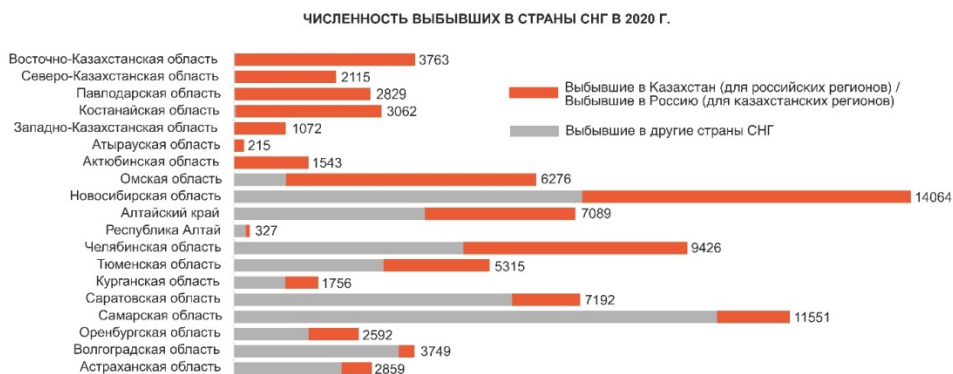

Рис. 3.103. Численность выбывших в страны СНГ, 2020 г.

Составлено по: [1; 33].

Трансграничный миграционный приток из стран СНГ (рис. 3.102) максимален в Новосибирской, Самарской и Челябинской областях, при этом доля мигрантов из Казахстана в общей структуре миграционного потока российских приграничных регионов составляет в среднем менее 50% (исключение — Омская область, где среди мигрантов из стран СНГ в 2020 г. — 74% казахстанцев). Среди мигрантов из стран СНГ в казахстанских приграничных регионах более 70% — россияне (исключение — Атырауская область). Доля выбывших в Россию (в структуре миграционного оттока населения всех приграничных регионов Казахстана в страны СНГ) близка к 100% (рис. 3.103).

Возрастной состав международных мигрантов представлен на рисунках 3.96; 3.97, однако события последнего времени могут коренным образом изменить ситуацию. Масштабы миграций резко сократились во время пандемии коронавируса. Повлияет на них и СВО России на Украине. К сожалению, официальных данных пока нет, но можно предположить, что изменится в очередной раз вектор и сальдо миграций, увеличится отток из России квалифицированных кадров, особенно мужского населения в трудоспособном возрасте.

Мигранты обладают культурной спецификой, отличной от местной. Усложняется сущность, характер межкультурных отношений. Это требует разумной миграционной и культурной региональной политики, а следовательно, дальнейших научных исследований с целью сохранения толерантных отношений в регионе.

Серьезными последствиями трансграничных миграций стала казахизация и сокращение этнического многообразия Казахстана в целом и его приграничных с Россией регионов, дефицит квалифицированных кадров в промышленности и непроизводственной сфере (образовании, здравоохранении и др.).

Раздел написан по темам Госзадания Института географии РАН «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» (AAAA-A19-119022190170-1. № FMGE-2019-0008) и Госзадания Института степи Уральского отделения РАН: AAAA-A21-121011190016-1 «Проблемы степного природопользования в условиях современных вызовов: оптимизация взаимодействия природных и социально-экономических систем».

Список литературы

1. *Агентство по стратегическому планированию и реформам Республики Казахстан // Бюро национальной статистики : [официальный сайт]. URL: <https://stat.gov.kz/> (дата обращения: 01.10.2022).*
2. *Алексеев А. Н. Население Казахстана в 1926—1939 годах // Компьютер и историческая демография / ред. В. Н. Владимиров. Барнаул, 2000. С. 27—40.*
3. *Ахметов Р. Ш., Герасименко Т. И. Геодинамика миграционных процессов в Оренбургском регионе // Миграционные процессы на юге России: проблемы адаптации и интеграции : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. и расширенного заседания Общественно-консультативных советов при УФМС России по Ставропольскому краю, Краснодарскому краю и Республике Дагестан. Ставрополь : СГУ, 2013. С. 126—131.*
4. *Белоголов Т. П. и др. Промыслы и занятия населения // Россия. Полное географическое описание нашего отечества / под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского. Т. XVIII: Киргизский край. СПб., 1903. С. 240.*
5. *Бруснина О. И. Национальная государственность и «русский вопрос» в Казахстане // Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. Сер.: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Док. №94. М., 1996. С. 3—14.*
6. *Валиханов Ч. Сочинения // Записки Императорского Географического Общества по отделению этнографии. СПб., 1904. Т. XXIX.*
7. *Герасименко Т. И. Историко-географические особенности поселений в степной зоне Оренбургско-Казахстанского этнокультурного трансграничного региона // VI Международный симпозиум «Степи Северной Евразии» и VIII Международная школа-семинар молодых ученых «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург, 2012. С. 171—176.*
8. *Герасименко Т. И. Межэтническое взаимодействие в поликультурном регионе: географический аспект исследований // Известия Оренбургского отделения Русского географического общества. 2012. № 6 (39). С. 15—23.*
9. *Герасименко Т. И. Специфика и трансформация территориальной структуры этнокультурного пространства Оренбургско-Казахстанского этнокультурного трансграничного региона // VI Международный симпозиум «Степи Северной Евразии» и VIII Международная школа-семинар молодых ученых «Геоэкологические проблемы степных регионов». Оренбург, 2012. С. 849—851.*
10. *Герасименко Т. И. Трансграничное взаимодействие в контексте глобализации: этнокультурно-географический аспект // Социально-экономическая география: теория и практика. Калининград : БФУ им. И. Канта, 2011. С. 228—233.*
11. *Герасименко Т. И. Этнокультурная трансграничность: взгляд географа // Гуманитарный вектор. 2017. Т. 12, № 1. С. 152—160.*

12. *Искалиев Д. Ж.* Геоинформационные методы построения карт плотности населения // География в современном мире. Уральск : Изд. центр ЗКГУ им. М. Утемисова, 2012. С. 177.

13. *Искалиев Д. Ж.* Применение геоинформационных технологий при построении карт плотности населения // Геоинформационное картографирование в регионах России : материалы V Всерос. науч.-практ. конф. / Воронежский гос. университет. Воронеж : Цифровая полиграфия, 2013. С. 71—77.

14. *Казахстан и Россия в цифрах* : стат. сб. Алматы : Интелсервис, 2003. 288 с.

15. *Меч С. П.* Киргизы // Россия. Географический сборник для чтения в семье и школе. 15-е изд. М. ; Пг. : Гос. изд., 1923.

16. *Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах* / отв. ред. В. А. Тишков. М. : Институт этнологии и антропологии РАН, 1996. 238 с.

17. *Митина Д. А.* Миграционные процессы и тенденции этносоциального развития в Казахстане (1991—1995 гг.) // Этнический фактор в современном социально-политическом развитии Казахстана. Сер.: Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Док. №94. М., 1996. С. 15—29.

18. *Национальный состав населения Республики Казахстан. Население Республики Казахстан по национальностям, полу и возрасту* / Казахстан : стат. сб. Т. 4, ч. 1. Алматы, 2000.

19. *НИУ ВШЭ.* Факты образования. Академическая мобильность иностранных студентов в России. 2016. Вып. 7. URL: <https://nauchkor.ru/pubs/migratsionnaya-politika-grossiyskoy-federatsii-i-respubliki-kazahstan-sravnitelnyy-analiz-5a6f882f7966e12684eea260?ysclid=lb0snhb6bny386278849> (дата обращения: 01.10.2022).

20. *Новикова О. В.* Этнокультурная ситуация в Оренбургском казачьем войске (конец XIX — XX в.). // Этнокультурная история Урала, XVI—XX вв. : материалы междунар. науч. конф., г. Екатеринбург, 29 нояб. — 2 дек. 1999 г. Екатеринбург : Банк культурной информации, 1999. С. 233—235.

21. *О выселении корейцев из Дальневосточного края* // Отечественная история / сост. Н. Ф. Бугай. 1992. № 6.

22. *Пилатов П. Н.* Степи СССР как условие материальной жизни общества. К проблеме — природа и человек. Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1966.

23. *Полян П.* География насильственных миграций в СССР // Население и общество. Информационный бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народно-хозяйственного прогнозирования РАН. 1999. № 37.

24. *Россия — Казахстан: фронтьерские миграции* : сб. науч. тр. / под общ. ред. Ж. А. Зайончковской и М. Н. Сдыкова. М. ; Уральск, 2002. 236 с.

25. *Рычков П. И.* Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762.

26. *Сборник методических статей по библиотековедению и библиографии* / отв. ред. В. М. Барашенков. Л. : Публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1962.

27. *Тархов С. А.* АТД Казахстана по переписи 1999 г. // География. 2003. № 5.

28. *Тереценко Т. А., Акжигитова Ж. М.* Тенденции демографического развития в приграничных территориях Казахстана // Сборник статей по материалам 5-й международной научно-практической конференции / под ред. Л. И. Попковой. Курск, 2018. С. 190—196.

29. *Тереценко Т. А.* Демографический портрет Казахстано-Российского пограничья // Демографическая ситуация в Республике Казахстан: состояние и перспективы. Уральск, 2011. С. 139—146.

30. *Терещенко Т. А.* Демографический потенциал Казахстанско-Российского приграничья // География: проблемы науки и образования. LXII Герценовские чтения : материалы ежегодной Всерос. науч.-метод. конф.-2Т. СПб. : Астерион, 2009. Т. 2. С. 133—137.

31. *Терещенко Т. А.* Этнодемографические процессы в Казахстанско-Российском приграничье // Диалог этнокультурных миров в евразийском историческом процессе. Оренбург, 2010.

32. *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М. : Прогресс — Культура, 1996. 480 с.

33. *Федеральная служба государственной статистики* : [офиц. сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.10.2022).

34. *Чибилев А. А.* Геоэкологические особенности нового российско-казахстанского приграничья // Вопросы степеведения. Научные доклады и статьи, основные итоговые материалы и стенограмма III международного симпозиума «Степи Северной Евразии» (Оренбург, 2003). Оренбург : Газпромпечат, 2003.

35. *Чулошников А. П.* Очерки по истории Казак-киргизского народа в связи с историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1: Древнее время и средние века. Оренбург : Киргизское государственное изд-во, 1924.

36. *Шибутов М.* Миграция из Казахстана в Россию: сколько, кто и почему // ИА REGNUM. 26.07.2017. URL: <https://regnum.ru/news/society/2304708.html> (дата обращения: 01.10.2022).

37. *Шоинбаев Г. Ж.* Добровольное вхождение казахских земель в состав России. Алма-Ата : Казахстан, 1982.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Миграция населения продолжала играть важнейшую роль в демографическом развитии приграничных регионов России в 2011—2021 гг. При этом ее влияние остается разнонаправленным для различных сегментов государственной границы и отдельных регионов. Регионы Арктического, Тихоокеанского, Китайского и Монгольского порубежья России теряли население в результате миграционного движения. Напротив, положительное сальдо миграции обуславливало прирост численности населения в Балтийском, Азово-Черноморском и точечно Казахстанском порубежье. В регионах же Кавказского порубежья (за исключением Ингушетии) роль миграционного перемещения населения в изменении общей численности населения оставалась незначительной.

Развитие миграционной обстановки в российском порубежье в 2011—2021 гг. демонстрирует как сохранение «старых» тенденций, так и формирование «новых».

Сохраняется «западный дрейф» населения из периферийных регионов России (прежде всего, восточных), но в значительно меньших масштабах, что обусловлено сокращением миграционного потенциала, с одной стороны, и принятием мер по удержанию населения — с другой. В то же время эти потоки все еще остаются весьма интенсивными и приводят к ощутимым потерям среди трудоспособного населения. Сохраняется также высокая локализация и концентрация миграционных потоков в столичных регионах России на межрегиональном уровне и в региональных центрах — на муниципальном уровне, что сопровождается интенсивным обеднением сельских и городских (периферийных) территорий. Проблема исчезновения отдельных населенных пунктов наиболее остро ощущается в отдаленных районах регионов Дальнего Востока. Среди приграничных регионов продолжили наращивать свою привлекательность для мигрантов регионы Балтийского и Азово-Черноморского порубежья, эффективно использующие выгоды приморского положения. Впрочем, и для них также была характерна локализация потоков в агломерациях и тяготеющих к ним муниципальных образованиях, сопровождающаяся субурбанизацией. Для этих регионов актуальными остаются проблемы увеличения миграционной емкости территории (прежде всего, по жилью), с одной стороны, и оптимизации миграционных потоков с целью повышения их эффективности — с другой. При этом приграничные муниципалитеты миграционно привлекательных регионов прирастают за счет внутренних мигрантов только тогда, когда они находятся в зоне влияния агломерации.

Несмотря на падение курса рубля относительно мировых валют, Россия и ее приграничные регионы оставались высокопривлекательными для трудовых мигрантов, прежде всего, из стран СНГ, Китая, Вьетнама и Северной Кореи (до 2017 г.). Последние особо важную роль играли в регионах Дальнего Востока и Сибири. На региональном уровне повсеместно отмечается замещение выбывающих мигрантов по территории России прибывающими из-за рубежа. В приграничных регионах Западного (сухопутного), Китайского, Казахстанского, Арктического и Тихоокеанского морских сегментов государственной границы это выражено наиболее заметно. К числу тенденций, перешедших в новое десятилетие из 2000-х, можно отнести миграционное взаимодействие регионов с сопредельными западными странами на фоне укрепления международного сотрудничества (Республики Карелия и Финляндии, Ленинградской области, Финляндии и Эстонии, Псковской области и Латвии, Калининградской области и Литвы).

Обострение геополитической обстановки на западных рубежах страны, включая регионы Российской Арктики, привело к тому, что с 2014 г. стали формироваться «новые» тенденции развития миграционной обстановки в российском порубежье. В их числе массовые потоки беженцев и переселенцев из Украины, представительство которых наиболее высоко в сопредельных с Украиной российских регионах и муниципалитетах. Сворачивание международного сотрудничества в результате «охлаждения» отношений России и стран Евросоюза, повсеместные ограничения на мобильность в рамках борьбы с пандемией COVID-19 значительно снизили интенсивность и без того малозаметного на общестрановом уровне миграционного взаимодействия с западными странами.

Перспективы улучшения миграционной обстановки в российском порубежье могут быть связаны с созданием условий для закрепления населения и сокращения оттока из периферийных регионов порубежья внутри страны, а также поддержания виртуальной миграции среди отдельных категорий высококвалифицированных специалистов. Потенциал международной миграции может быть в значительной степени раскрыт посредством дальнейшего стимулирования миграции соотечественников в Россию из-за рубежа, образовательных и трудовых мигрантов через укрепление международных связей с «дружественными» странами Азии, Африки и Южной Америки.

ОБ АВТОРАХ

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: aklemeshev@kantiana.ru

Войников Вадим Валентинович, доктор юридических наук, профессор, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: voinicov@yandex.ru

Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия.
E-mail: f.sokolova@narfu.ru

Попкова Людмила Ивановна, доктор географических наук, доцент, профессор, Курский государственный университет, Курск, Россия.
E-mail: geopol@mail.ru

Герасименко Татьяна Ильинична, доктор географических наук, профессор, старший научный сотрудник, Институт географии РАН, Москва, Оренбург, Россия.
E-mail: tanyag26@yandex.ru

Святоха Наталья Юрьевна, кандидат географических наук, научный сотрудник, Институт степи Уральского отделения Российской академии наук — обособленное структурное подразделение Оренбургского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Оренбург, Россия.
E-mail: osugeo@yandex.ru

Терещенко Татьяна Александровна, кандидат географических наук, доцент, Западно-Казахстанский университет им. М. Утемисова, Уральск, Казахстан.
E-mail: tereshenko_zko@list.ru

Лялина Анна Валентиновна, кандидат географических наук, научный сотрудник, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.
E-mail: AMazova@kantiana.ru

Житин Дмитрий Викторович, кандидат географических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: d.zhitin@spbu.ru

Ожегова Людмила Александровна, кандидат географических наук, доцент, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.
E-mail: luda-ojegova@yandex.ru

Глушко Александра Анатольевна, кандидат географических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
E-mail: glushko.aa@dvfu.ru

Денисенко Виктория Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
E-mail: denisenko.va@dvfu.ru

Золотухин Илья Николаевич, кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
E-mail: zolotukhin.in@dvfu.ru

Киреев Антон Андреевич, кандидат политических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
E-mail: antalkir@yandex.ru

Рябинина Лариса Ивановна, кандидат географических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия.
E-mail: ryabinina.li@dvfu.ru

Сазонова Галина Васильевна, старший преподаватель, Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия.
E-mail: galisaz@mail.ru

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
В ФОРМИРОВАНИИ ТРУДОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ:
2011—2021

Монография

*Под редакцией
А. П. Клемешева, А. В. Лялиной*

Научное электронное издание

Редактор *В. Е. Москаленко*
Компьютерная верстка *Г. И. Винокуровой*

Дата выхода в свет 12.02.2024 г.
Усл. печ. л. 18,0